



ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 29

Нереал:

Наталья Буренчева. Бессердечная	5
Д. В. Амурский. Если поцеловать Смерть	9
Д. В. Амурский. Зеркальце Геры	15
Д. В. Амурский. Я тебе верю!	25
Дмитрий Градинар. Таланты Синей Бороды	28
Сергей Белаяр. Подарок на юбилей	35
Джерри. Должник	37
Джерри. Джордж	43
Тёма Крапивников. Мамкин дарвинист	44
Хамартай Грей. Дружба	49
Руслан Шагманов. Строго по порядку	51
Станислав Янчишин. Хорошо быть королем!	54
Станислав Янчишин. Где потеряешь, где найдешь... ..	57
Александр Басов. Пересмена	60
Дмитрий Тюлин. Шар Айбера	65
Игорь Дьячишин. Всё еще люди	77
Лана Грин. Принцесса из башни уныния	143
Август. Смерть после жизни	146
Ольга Казимилова. Магазин желаний	151
Анастасия Федосова-Редингер. Пустыня Наска	154

Поэзия:

Николай Проценко. На сегодня я ничейный:	
Обожаю	72
Перчатки	73
Юлий Шанс. Три стихотворения	74

* * *

Авторы о себе	157
---------------------	-----

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«Порог-АК». Выпуск 29. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.
E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – Ю. Кошарова.
Підписано до друку __.10.2019. Формат 60x84/16

Наталья Буренчева
БЕССЕРДЕЧНАЯ

«Женщина-командир должна быть из стали», – говорили им инструкторы в офицерской школе, и они были такими: жесткими, логичными и беспощадными.

До побелевших костяшек вцепившись в панель управления, капитан полицейского катера Гарсия Фредрика Кортес напряженно вглядывалась в мониторы. На них раскрывались серебристые соцветия ловушек, и крошечная шлюпка, похожая на птицу, лавировала между ними, ускользая от хищных щупалец. Преследователь неумолимо догонял ее. Мутная клякса внушала тревогу и какой-то подсознательный ужас, хотя разум и понимал, что это всего лишь маскировочное поле.

«Раз покажешь слабость – и погибнешь», – говорили им инструкторы, а они плакали по ночам от того, что снова услышали вслед: «Бессердечная!», и спали с пистолетом под подушкой, всегда готовые драться и убивать без колебаний.

– Вызываю полицейский катер! – снова зазвучал в динамиках знакомый до боли голос.

Тони. Тони Троттер. Это из-за него нахлынули воспоминания. Откуда ему тут взяться? Говорили, что после войны он остался в армии и пошел на повышение, но капитан Кортес не могла ошибиться: это он.

– Прием, прием! Говорит агент Комитета безопасности! Полицейский катер, прием!

Она никогда бы не подумала, что голос Тони может звучать так – надрывно и тревожно. Бывшая курсантка «офицерки» помнила, что младший помощник инструктора, парень чуть старше ее самой, мог говорить как угодно: мягко, завораживающе, холодно, безразлично, отталкивающе – но только не так. Даже когда их, недоучек, отправили во фронтовое пекло, он был спокоен и собран, ни на минуту не позволял себе слабости. Она искренне им восхищалась.

– «Бродяга» слышит вас, борт тридцать семь альфа. – Ее голос не дрогнул, наставники могли бы гордиться. – Докладывайте.

– На борту ценный груз! – Он будто бы с облегчением выдохнул, а она вспоминала насмешливую улыбку и не узнавала Тони Троттера, поднимавшего пилотов-истребителей среди ночи на диверсионную вылазку. – Прошу прикрыть!

– Вы далеко. Прикрыть не можем. Повторяю: прикрыть не можем. Следуйте прежним курсом. – Капитан Кортес переглянулась со своими навигаторами, обменялась с ними кивками и снова повернулась к мониторам. – Мы вас подберем.

Трассы электромагнитных ракет вспыхивали в опасной близости от шлюпки, враг настигал Троттера. Сердце капитана начало пропускать удары.

– «Бродяга», это невозможно! Второй маневровый двигатель отказал! Запрашиваю огневую поддержку!

Броситься бы туда, подстраховать, прикрыть, но нельзя: и так, поймав сигнал SOS, они ушли от патрульного маршрута дальше, чем следовало, топлива едва хватит на возвращение в штатном режиме. И опасно: капитан не сомневалась, что у неизвестного врага найдется что-нибудь посерьезнее ловушек.

– У меня на борту доктор Черевонных! – Голос Тони Троттера зазвучал умоляюще. – Я должен доставить его в штаб Комитета безопасности!

Капитан Кортес бросила вопросительный взгляд на первого помощника, и тот затараторил:

– Василий Черевонных – крупнейший эксперт по плазменным технологиям, о его похищении сообщали пару месяцев назад. Виновных не нашли, самого доктора тоже.

Кажется, она слышала что-то такое...

– Пробились сквозь маскировку! – прервал ее размышления голос связистки. – Арданийский боевой катер.

Черт! Черт, как все плохо! У нее всего лишь полицейский патрульник! Арданийский катер раздавит их как скорлупку – арданийцы вооружались до зубов, и вряд ли с войны их привычки изменились.

К черту! Нужно помочь! Это же Тони! Тот, кто всегда прикрывал отступление. Тот, кто даже в мирное время продолжал сражаться.

Командование за такое по головке не погладит: патрулям не положено вмешиваться в межгалактические дела. К тому же война давно кончилась.

Да к черту командование! Старина Тони, с теплыми губами и озорными карими глазами. Тот, кто все понимал и ни разу не назвал ее бессердечной.

Она вскинула голову, открыла рот... Весь экипаж выжидающе смотрел на капитана. В глазах подчиненных Кортес видела страх, она и сама боялась. За себя и за одного-единственного человека, который сейчас стремился к ней на маленькой шлюпке.

– Курс два-два-пять! Идем на сближение! Приготовиться к залпу!

– Гарсия? – В динамике вдруг прозвучали знакомые нотки, будто лезвием прошлись по нервам. – Как я сразу не узнал! Это ведь ты! Мне очень нужна твоя помощь!

Лица подчиненных были бледны, губы плотно сжаты. И потемневшие умоляющие глаза...

К черту все! Она должна думать не только о Тони, но и о своей команде: они не воевали, они всего лишь полицейские. Весь их боевой опыт – это унылое прочесывание пустых парсеков. Она и так слишком рисковала ими, когда велела подойти ближе, а этот приказ поведет их на верную смерть. Операторы орудий держали пальцы на гашетках, но руки их дрожали. Они думали только о себе и о том всепоглощающем ужасе, что крался по спинам. Им не было дела до какого-то Тони Троттера, который до сих пор иногда снился их капитану.

– Стоп машина! – скомандовала Кортес. – Борт тридцать семь альфа, пятый сектор. Мы ждем!

– Мы не дотянем!

– Вы должны, – отрезала она в микрофон и закусил губу.

Ну же, совсем чуть-чуть! Троттеру нужно только пересечь границу, за которой начинается земная юрисдикция – и все будет: и полномочия, и поддержка, и залпы.

Совсем рядом с шлюпкой вспыхнула очередная электромагнитная ракета. Слишком близко.

– Гарсия! У нас пробой! Первого маневрового нет! Гарсия, прошу тебя!

Пять минут...

Она еще успевала вмешаться! Двигатель на полную, дать залп – и катер окажется между арданийцами и их добычей. Да, точно успеет. Но что это? Наверное, дисплеи неправильно настроены: глаза жгло, и изображение то и дело туманилось.

Две минуты.

Она зажмурилась, стараясь справиться с резью, а в ушах все так же звучал умоляющий родной голос.

Одна минута...

Война давно закончилась, но капитану казалось, что нет.

Ноль.

В борт шлюпки вонзился тонкий гарпун, он слегка заискрил – теперь Троттеру не вырваться, арданийцы всегда держали крепко. Они наверняка уже обесточили шлюпку и понемногу подтягивали ее к себе. Им не нужно было торопиться: полицейский катер, экипаж которого связан присягой и мирным договором, нападать не станет, и добыча никуда не денется.

Капитан Кортес вдруг вспомнила, какая шумиха поднялась месяца три назад.

«Прорыв! – на разные голоса кричали телеканалы. – За плазменными технологиями будущее! Плазменные источники энергии, плазменные двигатели и пушки!..»

А теперь она наблюдала, как мировое светило науки, главный специалист по плазме, вот-вот окажется в руках врага.

И война начнется заново.

«Если враг сможет ударить – он ударит», – говорили инструкторы.

В этом не приходилось сомневаться. Сегодня, завтра или через десять лет, но война начнется.

Кортес сморгнула все-таки наворачнувшиеся слезы.

Пусть начинается. Но – не сегодня.

Она вручную скорректировала прицел.

– Огонь! – Прокушенная губа слушалась плохо, а в голосе звучал металл.

– Огонь! – продублировал команду смертельно бледный первый помощник.

– Огонь! – беззвучно выдохнули операторы, дрожащими пальцами нажимая кнопки.

Весь катер, казалось, напрягся, освещение будто бы моргнуло, и поблескивающее веретено торпеды выскочило из бортовой шахты. Как в замедленной съемке, огненная вспышка поглотила шлюпку, а вместе с ней и двух людей.

– Бессердечная... – едва слышно прошелестело в эфире.

Гарсия Фредрика Кортес рухнула в кресло и стерла с подбородка струйку крови. Женщина-капитан должна быть из стали.

Д. В. Амурский

ЕСЛИ ПОЦЕЛОВАТЬ СМЕРТЬ

Это был фантастический день! Рано утром, часиков в одиннадцатый, в комнату заглянули Настя с Наташкой и осведомились, не желаю ли я отпраздновать вместе с ними Новый год. Конечно же, я сразу согласился. Потом мы вместе со Стасом обходили окрестные магазины, закупая продукты по списку, составленному девчонками. В «Трех пороссятах» купили хлеб, майонез и картошку, в «Балатоне» удалось разжиться маринованными огурчиками и консервированным горошком. Основные же закупки сделали в универсаме в Раменках. Потом Стас доверил мне нести сумки с продуктами в общагу, а сам отправился за елкой к метро.

Отдав Наташке снедь и список с аккуратно проставленными плюсиками, я вернулся в свою комнату и завалился на кровать. Ночью накануне мы расписывали пульку на двадцать. Злыдень Малыш предложил играть «Ростов», а не «Сочи», как обычно, поэтому преферанс затянулся дольше, чем я ожидал. Вдобавок каждый из нас неудачно разыгрывал мизера, от чего гора разбухла до безобразия. Теперь стоило отоспаться в преддверии бурной ночи. Тут как раз в комнату зашел Димыч и начал рассказывать о своих трудовых подвигах в ПКБ АСУ в Ульяновске. Под его однообразное бормотание я быстро отключился.

А потом меня легонько толкнули в плечо. Когда я собрался с силами, приподнял голову и наконец разлепил глаза, в комнате, кроме меня, никого уже не было, но в нос пахло ароматом французского парфюма и селедочным духом. Я с трудом сфокусировал взор и увидел на столе перед собой тарелку с несколькими слабосолеными рыбинами и лист розовой бумаги. Взяв его в руки, я прочитал послание, начертанное красивым женским почерком с изящными завитушками:

«Милостивый государь! Если вас не затруднит сие героическое деяние, просим обратить ваше драгоценное внимание на рыбицу и сделать ее более пригодной для употребления в пищу».

От бумаги пахло сиренью и ландышем, к которым добавлялся легкий аромат розы. Я улыбнулся и сел чистить селедку. Когда этот доблестный труд на общее благо был закончен, пришлось еще вытирать стол от мелких косточек и долго мыть руки до полного исчезновения рыбного запаха. Уложив получившееся филе на чистую тарелку, я направился в комнату к девчонкам. А там уже был Стас с двухметровой елкой. Деревце ему досталось не слишком густое, но Наташка с Настей отрезали по паре веток

снизу, привязали их посередине, и лесная красавица сделалась почти эталонной. Стас куда-то убежал и вернулся с табуретом и трехлитровой стеклянной банкой. Банку укрепили на донышке перевернутого табурета, налили в нее воды, вставили туда ствол елки и привязали дерево ко всем четырем ножкам. Я потрогал – ель стояла крепко. Не перевернется. После этого нас со Стасом отпустили.

Отмечать начали в одиннадцать вечера. Зайдя в комнату к девчонкам, я ее не узнал. Кровати сдвинули в угол и поставили в два этажа, отчего сразу же прибавилось свободного места. У противоположной стены радовала глаз наряженная елка. И где у них только игрушки нашлись? Комнату девчонки тоже украсили, проявив всю свою смекалку и художественный вкус. Стол ломился от еды. Увидев блюда с салатами, я нервно сглотнул, а в животе у меня заурчало. Рядом с елкой примостились катушечный магнитофон и целая стопка бобин в коробочках.

– Да вы присаживайтесь, ребята! – заулыбалась Настя, увидев выражения наших лиц.

Спиртное никто из нас тогда еще не пил. Вполне обходились «Фантой» и «Пепси». Пока двенадцать пар челюстей напряженно работали, в комнате стояла тишина, прерываемая лишь позвякиванием вилок о тарелки. Но потом завязались разговоры. Вспоминали все веселое, что происходило за семестр. Малыш поиздевался над тем, как мы с Настей проспали гражданскую оборону. Ему тут же припомнили «женское почтовое отделение» на семинарском занятии по немецкому. Затем Стас воспроизвел наиболее удачные шутки Галины Динховны с лекций по алгебре и поведал несколько веселых историй о своих школьных буднях в родном городе. Его прервали громкие крики, доносившиеся через стены, потолок и раскрытую форточку. Саша включил радио – там уже били кремлевские куранты. Все дружно выпили шипящий «Пепси» за Новый год.

Потом Катя заявила:

– Я хочу танцевать! Включите музыку!

Малыш поставил на выдавшую виды «Язу» бобину, и из динамика донесся вкрадчивый голос Максима Леонидова.

– Отодвигаем стол к стене! – воскликнула Катя. – Стулья туда же! Все танцуем буги-вуги!

– А я не умею!

– Ничего, делай, как я!

Вскоре отплясывали мы все. Лучше других получалось у Кати с Наташкой и у Саши – в школе он ходил в кружок грузинских народных танцев, и буги-вуги в его исполнении был особенно колоритным и стремительным, как Кура в верхнем течении. Я тоже

пытался что-то изобразить, вспоминая давний рецепт Бывалого из «Кавказской пленницы». Правда, там, кажется, речь шла о каком-то другом танце.

К шестой песне все подустали, но когда я понял, что эта композиция медленная, то набрался смелости, подошел к Кате и протянул ей руку:

– Потанцуем?

И девушка прильнула ко мне. От ее каштановых волос веяло сиренью и ландышем, к которым добавлялся легкий аромат розы. Нежный запах пьянил меня. И песня звучала такая подходящая, про последний час декабря. Когда музыка закончилась, я хотел попросить Малыша поставить ее еще раз, но тут Наташка захлопала в ладоши:

– Теперь играем все в «мимику»!

– Это как?

– Очень просто! Делимся на две команды. Одна задумывает слово или фразу и сообщает человеку из второй команды. А тот должен показать это слово или фразу своим при помощи мимики и жестов.

И это было здорово! Мы играли часа два без остановки, потом опять танцевали, затем Наташка предложила новую игру, не менее интересную. А под утро все отправились гулять по Москве. Ночью хорошо подморозило. Воздух был таким свежим и бодрящим, что придал новые силы даже тем, кто уже начинал клевать носом. Пахло терпким подмороженным дымком, твердым снегом и легкой романтикой. Я взял Катю под руку, и мы шли, чуть отстав от остальных. А потом девушка заметила телефонную будку, и в карих глазах моей однокурсницы заплясали бесенята. Катя подтолкнула меня к автомату, влетела следом и закрыла за собой дверь. Мы начали целоваться, и я потерял ощущение времени. Исчезло все: друзья, университет, засыпанный снегом громадный город, бурный двадцатый век, бегущий к своему финалу. Оставались лишь мы с Катей и наши ищущие друг друга губы...

Через несколько минут, а может быть, через целую вечность в будку постучал Стас:

– Ну вы скоро там? Саша уже замерзать начал...

И действительно, после солнечной Грузии нашему другу было не очень комфортно в зимней Москве. К счастью, сто одиннадцатый автобус уже начал ходить. Мы запрыгнули в салон на остановке перед главным зданием университета и расселись вокруг печки. Саша начал медленно оттаивать...

Я проснулся с улыбкой и повернулся к Кате, чтобы рассказать ей свой сон. Но жены не оказалось рядом. И тут я вспомнил...

– Ее больше нет, – прошептала мне расческа на трюмо в прихожей. Между гвоздиками-зубьями еще остались спутанные каштановые волосы.

– Ее больше нет, – прошуршало серое пальто на вешалке, а длинный пояс с блестящей пряжкой безжизненно обвис на шлёвках.

– Ее больше нет, – проскрипели ботики и сапожки с полки для обуви.

– Ее больше нет, – согласился я со всеми, прошел на кухню и выпил из горла початой бутылки.

Но водка, проклятая, меня не берет.

В этой квартире все напоминает о Кате. Электрический камин в углу гостиной она попросила себе как-то на день рождения. Репродукции Веттриано на стенах, плиточные панно на кухне и в коридоре – всё выбирала она. Эти смешные часы в виде кота с мышкой на стрелке мы купили Кате в Швейцарии...

Я не могу больше смотреть на все это и сбегаю на балкон. Над светлыми панельными многоэтажками клубятся низкие темные тучи. Моросит противный дождик. Ветер безжалостно гнет к земле чахлые деревца на газонах. Что за декабрь! Погода – отвратительнейшая! Даже собачники, выведя своих питомцев погулять, через несколько минут уже начинают посматривать в сторону подъезда. Но оставаться дома – выше моих сил! Снова видеть предметы, которых когда-то касалась Катя, лицезреть вещи, которые напоминают мне о любимой, замечать безделушки, которые одним лишь своим видом рвут сердце на куски...

Уже месяц, как она ушла навсегда. Утром я поцеловал ее в щечку, такую нежную, а потом помахал рукой из окна. А когда позвонил мобильник, мне никак не удавалось понять, при чем тут авария и зачем я нужен на опознании...

Закрываю балкон и возвращаюсь в прихожую, набрасываю куртку, подхватываю зонтик и вылетаю за дверь. Куда-нибудь, лишь бы не сидеть в этой квартире, так любовно обставленной Катей...

Улица встречает меня ледяным ветром и дождем в лицо. Открываю зонт, но очередной порыв тут же выворачивает хлипкий металлический каркас наизнанку. Одна из спиц выскакивает из гнезда. Выбрасываю бесполезное устройство в первую попавшуюся урну и надвигаю капюшон куртки как можно глубже. Бреду по мокрым тротуарам, стараясь не попадать в лужи, но это невозможно. Вроде и дождик мелкий, но столько влаги уже пролилось, что вода повсюду. Через несколько минут ботинки промокают и начинают причмокивать при каждом шаге.

Я плетусь неизвестно куда. Один серый дом сменяется другим, сумрачная улица плавно перетекает в следующую, не менее

мрачную. Лужи, ветер и дождь не помогают забыться – хоть ноги давно промокли насквозь, я все равно думаю о Кате, вспоминаю ее голос, представляю себе улыбку жены.

– Ее больше нет, – мигает мне желтым глазом светофор.

– Ее больше нет, – скрипит на ветру старая липа.

– Ее больше нет, – шелестит по асфальту последний желтый лист.

– Ее больше нет, – соглашаюсь я.

В центре города все украшено к предстоящим праздникам. Елки сияют огнями, деревья в серебряной подсветке, блестят разноцветные арки. Но без снега все это выглядит уныло. Ледяной городок залило водой, и прозрачные фигурки оплыли и помутнели. Попав еще раз ботинком в глубокую лужу, я понимаю, что ноги совершенно окоченели. Оглядевшись, вижу красную светящуюся вывеску бара «Dante's Inferno». Как символично! Знал ли Данте, что ад – он не в глубинах земли, а в человеческой душе? Ад – это жизнь без любимой!

Толкаю тяжелую дверь и вхожу в длинный зал, облицованный ободранными кирпичом и состаренными зеркалами. Сажусь на высокий стул у стойки и показываю бармену на пузатую бутылку «Абсолюта». Рослый парень в черном ставит передо мною стопочку. Опрокидываю ее залпом и тут же прошу повторить. Ноги начинают понемножку отогреваться.

Осматриваю зал. В темном углу сидит за столиком некто в костюме Деда Мороза. Поймав мой взгляд, он кивает на соседний стул. Я не хочу ни с кем общаться и отрицательно качаю головой. Но незнакомец упорствует. Беру у бармена третью стопку, проглатываю ее так же быстро, как и первые две, и направляюсь в темный угол.

– Чего ты хочешь? – спрашивает Дед Мороз. – Вернуть ее или отправится за ней?

Ни секунды не задумываясь, отвечаю:

– Вернуть ее! Или отправиться за ней.

Смотрю на незнакомца и вдруг понимаю, что лицо его – лишь видимость, морок, сквозь который проглядывают пустые черные глазницы и страшный белый оскал. Конечно же, это никакой не Дед Мороз, а костлявая с косой.

– А ты забавный, – говорит Смерть, даря мне жуткую улыбку, от которой веет кладбищенским духом. – Дай мне поцелуй, один лишь страстный поцелуй, и я помогу тебе!

Гляжу в черные провалы на месте глаз и понимаю, что мне будет очень противно это сделать. Но вдруг она и в самом деле поможет? Вспоминаю Катю, ее милое личико с бархатистой кожей на щеках. От волос любимой пахло сиренью, ландышем и

легким ароматом розы. А губы... Мы часто целовались в зрелости, когда наш роман только начинался, и не было на свете ничего слаще, чем Катини нежные губы, ищущие мои. Вспомнив об этом, я набрался смелости и потянулся к Смерти. По ее лицу вдруг пробежала рябь, страшный белый череп исчез, сменившись симпатичной мордашкой. Я впился ртом во влажные полные губы. Они оказались совсем другими, не такими, как у моей жены. Податливыми, порочными и похотливыми. Обволакивающими и... невкусными. Я оторвался от них и отпрянул, заметив, как на мордашке появилась недовольная гримаска. Смерть вернула свой обычный облик и сердито посмотрела на меня:

– Ну что ж... Как ты откликнулся на мою просьбу, так и я откликнусь на твою. Пойдем.

Длинный зал бара моментально куда-то пропал, и мы оказались на бесконечной лестнице из черного матового камня. Смерть зашагала по ступенькам, а я двигался рядом. Сначала мне казалось, что мы поднимаемся, но не прошло и нескольких минут, как я уже был уверен, что спускаюсь. Черная лестница отчетливо выделялась на фоне окружавшего ее непроницаемого мрака. Сколько мы шли? Минуту? Час? День? Здесь не существовало ничего, кроме этой лестницы, Смерти и меня, исчезли и пространство, и время. А ступеньки всё бежали перед нами, то ли вверх, то ли вниз...

Но вот впереди показался призрачный свет, и вскоре мы уже двигались по чему-то белому, похожему на тополиный пух, но не разлетающемуся в разные стороны и упругому. В легком сиянии вокруг нас угадывались какие-то очертания, но я не успевал их осознать – так быстро они изменялись.

– Она – в тебе. Ее сущность, натура и внутренний мир. Ее радости и последняя боль – всё в тебе. Посмотри в это сияние и попробуй найти в нем свою единственную, страстно желанную. Когда ты ее почувствуешь – твое сердце сразу отзовется.

Я вглядываюсь в мерцающее нечто и пытаюсь увидеть в нем Катю. Сначала замечаю лишь сполохи, переливы и странные отблески. Вызываю из памяти прекрасный образ жены, ее каштановые волосы, серые глаза, чудесную улыбку, ямочки на щеках. И вот передо мной появляется золотистый кокон, сначала неясный, но потом все более четкий и яркий. Внутри я вижу светящиеся контуры женского тела.

– Катя! – кричу я и бросаюсь вперед.

Дорогой мне образ летит навстречу. Упругая белая поверхность под ногами внезапно заканчивается, и я падаю вниз. Все мелькает перед глазами, кружится вместе со мной в бешеном вихре. Падаю лицом в лужу с ледяной водой. Из темноты бьет

яркий свет, слышится визг тормозов, потом удар – и боль переполняет мое тело. И сменяется чернотой...

Я лежу в белой комнате на кровати и гляжу в белый потолок. На мне линиялая больничная пижама. Иногда ко мне подходят люди в белых халатах и задают какие-то вопросы. Порой я отвечаю, но чаще – нет. Мне совершенно неинтересны эти визитеры, и мне нет никакого дела до их проблем. Я дожидаюсь того прекрасного мгновения, когда ко мне придет Катя. Она всегда появляется неожиданно. Иногда проникает через окно, иногда проходит сквозь стену. Она посещает меня каждый день, и мы подолгу разговариваем, как в юности. Нам хорошо вместе. Так приятно видеть любимую, слышать ее чудный голос, вдыхать запах сирени, ландыша и легкий аромат розы. А потом, взявшись за руки, мы улетаем на прогулку над городом...

ЗЕРКАЛЬЦЕ ГЕРЫ

Огненный диск солнца закатился за гребни прибрежных гор. Над заливом медленно сгущались сумерки. Группа молодых людей стояла у обрыва и любовалась тем, как меняются краски на великой небесной палитре. Перед ними простирался тускнеющий берег моря, усыпанный множеством зданий, казавшихся с такого расстояния игрушечными. Обширную городскую застройку прорезали темные спины лесистых холмов, придававшие пейзажу трехмерность. Граница между сушей и водой убегала в неведомую даль, притягивая взоры.

– Какая же тут красота! – воскликнула высокая стройная девушка с пышными, чуть вьющимися волосами. – Это место создали боги, чтобы напоминать нам о своем существовании!

– Антропный принцип участия: наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия, – ехидно заметил плотно сбитый и коротко остриженный юноша.

– Да ну тебя, умник! Вечно ты влезешь со своей заумной философией!

Когда совсем стемнело, они расселись около костра. В нервных отблесках пламени видимый мир внизу сузился до небольшого освещенного круга из молодых людей. Зато сверху открывалось бездонное звездное небо, от созерцания которого с непривычки могла закружиться голова. Раскоп за палатками совсем скрылся во мраке. Коротко остриженный юноша откупорил бутылку красного и торжественно произнес:

– Предлагаю выпить за успешное окончание полевой практики по археологии! Профессор, присоединяйтесь к нам!

Пожилой жилистый мужчина возник из темноты, как материализовавшийся дух, подошел к костру и взял предложенный стаканчик. Глотнув вина, профессор уселся между девушками, заботливо установившими ему складное кресло. Пышноволосяя студентка вдруг попросила:

– Профессор! А расскажите нам что-нибудь интересное про это место. Ведь не просто так мы тут целых две недели копались в земле и перебирали обгоревшие деревяшки? Наверняка же здесь что-то происходило в былые времена!

Все дружно поддержали девушку. Пожилой мужчина помолчал немного, собираясь с мыслями, и сказал:

– Ну хорошо, слушайте. Утром двадцать шестого июня тысяча пятьсот сорок четвертого года в Салерно стояла прекрасная погода...

Повторенье – мать ученья. Эту латинскую мудрость профессор Гризиньяно ценил больше других, поэтому занятие в открытой галерее перед входом в собор началось с чтения наизусть «Regimen Sanitatis Salerni». Первый студент бодро оттарабанил на латыни пять начальных глав трактата, после чего профессор благосклонно кивнул ему и сделал знак замолчать. Карие глаза Гризиньяно уставились на следующую жертву, пухлого юношу в мешковатом потрепанном джуббоне. Толстячок тяжело вздохнул и начал неуверенно бормотать тоненьким голоском. На слове «желудок» в первой же строчке шестой главы юноша запнулся, сглотнул, замолк и затравленно посмотрел на профессора. Тот несильно стукнул нерадивого студента по макушке длинной тонкой палкой, которую использовал и как указку, и как розгу, затем строго произнес на латыни:

– Ослу нужны пища, груз и кнут.

После этого Гризиньяно дружелюбно кивнул Франческо Альфано. Этот высокий молодой человек стоял у колонны, и, казалось, думал о чем-то своем. Но по знаку профессора Франческо тут же уверенно продекламировал главы трактата с шестой по двенадцатую и замолк лишь после того, как Гризиньяно захлопал в ладоши.

– Bravo, юноша! Из вас получится хороший врач!

С тех пор как принц Салерно пригласил Паоло Гризиньяно из Трамонти, почтенный профессор тратил все свое время и все свои силы на то, чтобы вернуть врачебной школе былой блеск. Студентов заставляли заучивать наизусть самые известные медицинские трактаты, прежде чем допускать к занятиям по хирургии.

Кроме того, Гризиньяно составил подробнейшие комментарии к афоризмам Гиппократов, чтобы приобщить своих учеников к мудрости великого врача.

Франческо был одним из лучших учеников Салернской школы. Ему легко давались и логика, и философия. А запомнить дословно трактат вроде «Regimen Sanitatis Salerni» молодой человек мог за пару вечеров. Наверное, сказывалось то, что род Альфано издавна занимался торговлей: сначала в Амальфитанской морской республике, потом в княжестве Салерно, а затем и во всем Неаполитанском королевстве. В этом благородном семействе знали, как важно уметь быстро читать, считать и помнить в деталях все, что имеет отношение к коммерции. Поэтому и образованию детей всегда уделяли очень много внимания.

Занятие в открытой галерее перед собором закончилось после литургии третьего часа. Теперь студентам предстояло перебраться в ботанический сад, который когда-то основал почтенный Маттео Сильватико, автор трактата о целебных травах и минералах. Именно его книгой пользовался доктор Грилло, когда водил своих подопечных по террасам имения и показывал растения, которые смогут им пригодиться во врачебной практике. Сад принадлежал роду Сильватико, но принц Салерно договорился с ними, чтобы студентов и профессоров пропускали туда для занятий.

Когда доктор Грилло закончил свою лекцию, Франческо не пошел домой, как другие, а затаился возле каменной ограды в тени лимонного дерева. Уже становилось жарко, но стена, сложенная из неровных обломков песчаника и вулканического туфа, хранила прохладу. Вот что-то прошуршало возле лица юноши – это пронеслась по камням шустрая зеленая ящерица с темными пятнами на спине. Некоторые авторитетные врачи рекомендовали использовать ее для лечения четырехдневной лихорадки. Другие говорили, что такие ящерицы помогают от падучей болезни.

Наконец возле выхода из ботанического сада послышались звонкие девичьи голоса. Преподобная Абелла де Руджеро, одна из лучших женщин-медиков во всем Неаполитанском королевстве, закончила свою лекцию, и теперь ее студентки возвращались домой.

Франческо дождался, пока мимо него проследует группа девушек, увлеченных беседой, и вышел из своего укрытия. Навстречу юноше в сопровождении служанки степенно шла высокая женщина чуть постарше остальных студенток. Несмотря на темный вдовый наряд, любой мог отметить ее грациозную походку и прелестное лицо.

– Здравствуйте, мона Лаура.

– Здравствуйте, сер Франческо.
– Вы позволите проводить вас до дома?
– Не вижу в этом необходимости. Вас, наверняка, ждут важные дела. Но если вам так хочется...

Разговор, как всегда, затух, не успев как следует завязаться. Лаура Гварини, вдова ювелира, понравились Франческо с первого взгляда. Юноша когда-то увидел ее в монастыре Святого Франциска из Паолы, куда студентов врачебной школы водили, чтобы показать монастырскую аптеку. Тогда случайно в одном помещении оказались и юноши, и девушки, и доктор Грилло обратился к моне Лауре, чтобы та отвела своих сокурсниц в больницу по соседству. Высокая женщина с большими печальными глазами сразу запомнилась юному Альфано, и с тех пор он искал каждого удобного случая, чтобы вновь узреть ее. Вот и сейчас, шагая по дорожке, Франческо то и дело оборачивался, чтобы полюбоваться лицом прелестной вдовы. Вот только из головы юноши загадочным образом улетучились все темы для разговоров, которые он заранее продумывал. Лишь дойдя до дворца Фруссионе и полуразрушившейся церкви Святого Петра, Франческо сообразил, что сейчас ему нужно будет повернуть направо, а женщине – налево, и поспешно проговорил срывающимся голосом:

– Мона Лаура, если вдруг вам что-нибудь потребуется... я... я всегда буду рад вам помочь... Одним словом, можете на меня рассчитывать, если что...

Вдова печально посмотрела на юношу, попрощалась с ним легким кивком и так же степенно направилась к своему дому. А расстроенный Альфано корил себя за неумение общаться с женщинами и за то, что в очередной раз показал себя косноязычным болваном...

В середине ночи Франческо проснулся от колокольного гула. Звонили не так, как обычно созывали народ в храмы на службу, и не так, как оповещали о церковных праздниках. Нет, звук был другим, низким и тревожным. Юноша вскочил с постели и вбежал в гостиную. Полуодетый отец уже подходил к окну.

– Что это, па?

– Набат. Так звонили, когда в залив входили пираты.

– И что мы будем делать?

– Сначала узнаем, что произошло. Одевайся и беги к капитану портовой стражи. Расспроси его и сразу возвращайся!

Возле Морских ворот, где жил капитан, царил суматоха. От распахнутых дубовых створок, обитых кованым железом, в разные стороны разбежались юноши-гонцы и вооруженные стражники. Тут же суетились горожане. Капитан Орбелло уже успел обла-

читься в отполированную до блеска кирасу и водрузить на голову шлем-кабассет, поэтому выглядел на редкость грозно. Улучив момент, Франческо приблизился к вояке и очень вежливо осведомился, почему били набат. Капитан зыркнул бешеными выцветшими глазами, но все-таки сдержался и ответил без грубости:

– На башне Ла Баста зажгли сигнальный костер.

Тут к капитану подбежал очередной гонец и что-то прошептал на ухо. Вояка посуровел, повернулся к гражданским и громко сказал:

– Часовые из замка Ареки видят множество огней в заливе. Это может быть только флот Барбароссы.

Франческо похолодел. Он слышал о том, что огромная турецкая эскадра идет на юг от Тулона вдоль побережья Италии, но никак не ожидал, что она окажется у Салерно. Юноше представлялось, что император Карл V сумеет позаботиться о землях, доставшихся ему от деда, Фердинанда Арагонского. И теперь известие о появлении флота магометан вызвало у Франческо приступ ужаса. Захотелось бежать, не разбирая дороги, неведомо куда. Он еле сдержался, чтобы не поддаваться панике.

На негнущихся ногах юноша доковылял до дома и сообщил отцу все, что узнал. Альфано-старший сохранял спокойствие. Он созвал слуг и начал давать распоряжения. Потом написал несколько писем, запечатал и вручил их Франческо.

– Ты знаешь, где живут Пьетро Гранита, Антонио Гаттола и Децио Лембо. Найди каждого и отдай им письма лично в руки. Я же повезу твою мать и сестер в горы, в Фишано, к моему троюродному брату. Там и отсидимся. Думаю, что так далеко от берега турки не полезут. Побоятся. Как справишься с письмами, догоняй нас.

Хладнокровие отца оказало на Франческо благотворное влияние. Он успокоился и отправился выполнять поручение. Граниту и Гаттолу юноша застал дома: один готовил повозку, другой вооружал слуг. А вот все Лембо отсутствовали. Слуга-привратник долго не хотел говорить, куда делись господа, но в конце концов Франческо выпытал у него, что почтенное семейство направилось в собор. Пришлось бежать туда.

Уже на ступеньках, ведущих в галерею перед главным храмом города, юноша поразился тому, как много здесь собралось народа, несмотря на ранний час. Салернцы пришли сюда целыми семьями, матери держали на руках грудничков, а старшие дети опекали младших. В галерее Децио Лембо не обнаружилось, и Франческо заглянул в главный неф. Все скамьи церкви были заполнены встревоженными горожанами, а под высокими сводами стоял раскатистый гул множества голосов. Почтенный купец, партнер отца, вместе с родными примостился в ряду возле амвона,

украшенного мозаикой и опирающегося на двенадцать каменных колонн. Юноша отдал письмо и уже собрался уходить, как вдруг с возвышения к собравшимся обратился декан, преподобный Джироламо. Его зычный бас разнесся по всему нефу:

– Покайтесь, дети мои! Покайтесь, ибо погрязли вы во грехе! Прельстились ересью иноземной, речами сладкими, что идут от лукавого. И вот наслал Господь за грехи ваши орду магометанскую! Покайтесь, ибо без покаяния не будет вам спасения!

Франческо подумал, что отец Джироламо подразумевал Хуана де Вальдеса, умершего три года назад. Этот сочинитель, осмелившийся иметь собственное представление о благочестии, бежал из Испании в Неаполь, где нашел благодарных слушателей среди самых знатных людей королевства. Последователи Вальдеса имелись даже в Салерно. И теперь декан выбрал наиболее удачный момент, чтобы обрушиться на всех тех, кто посмел усомниться в авторитете матери-церкви.

Вспомнив, что отец велел ему идти в Фишано, юноша начал пробираться к выходу из храма. А преподобный Джироламо, заклеив позором еретиков, повелел всем дружно молиться Святому Матфею, чьи мощи хранились в крипте собора. Под разноголосые литании Франческо выскользнул за массивные бронзовые двери.

В животе предательски забурчало. Юноша вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел, поэтому перед тем как отправляться в дальний путь, решил забежать домой и подкрепиться. И у самого порога кто-то его окликнул. Франческо обернулся: в предрассветных сумерках перед ним виднелась женская фигура, облаченная в темное. Знакомый голос произнес:

– Вчера вы сказали, что если мне что-нибудь потребуется, то я могу рассчитывать на вас. Это так?

– Конечно, мона Лаура! Я буду рад оказать вам любую услугу!

– Готовы ли вы довериться мне так, как я доверилась вам?

– Да.

– Тогда нам нужно немедленно идти!

И Франческо, не раздумывая, забыв про голод, направился за вдовой. Они быстро шагали по узким улочкам, поднимающимся по склону горы Бонады. Когда показалась городская стена, юноша спросил:

– Мы идем в замок Ареки?

– Нет, дальше.

– А зачем?

– Чтобы спасти город.

Такой ответ распалил воображение Франческо. Он представил себе тайные пещеры в горе – там заперты ангельские воинства,

которые нужно выпустить на свободу, чтобы сразить турецкую эскадру. Затем ему придумалось, что на вершине Бонады может скрываться батарея огромных пушек, вроде тех, которыми турки повергли стены Константинополя, и они с Лаурой должны дать сигнал, чтобы чудесные орудия уничтожили магометанский флот.

Они вышли за пределы городских стен через ворота Ротезе, и вдова быстро свернула на едва заметную тропинку среди сосен, ведущую в горы. Поднимались они долго. Франческо успел запыхаться, да и Лаура выбилась из сил. Приходилось делать привалы. Но всякий раз, отдохнув совсем чуть-чуть, женщина вскакивала первой, чтобы продолжить путь как можно скорее. Юноша не отставал. Уже совсем рассвело, когда путники достигли обрыва, с которого открывался вид на море. Франческо глянул и остолбенел: под голубым утренним небом весь залив на юге и юго-западе был усыпан галерами. Ощетинившиеся десятками весел, они походили на рой хищных многоножек, приплывших пожрать Салерно. Казалось, что им нет числа. На мачтах с косыми длинными реями развевались по ветру красные вымпелы. От вида огромного турецкого флота у юноши все обмерло внутри. Лауру тоже напугало это зрелище, однако же вдова быстро пришла в себя и тихо произнесла:

- Идемте, сер Франческо. Мы еще можем успеть!
- Успеть что?
- Спасти людей!

И они зашагали дальше.

Тропинка привела путников к небольшой оливковой роще. Деревья здесь росли очень старые, но ни одного засохшего юноша не приметил. У скалы высилась совсем уж чудовищная олива, чей комель, наверное, не смогли бы обхватить и десяток мужчин, взявшихся за руки. От огромного корня, сжимающего валуны, как серая многопалая ладонь, отходило с дюжину толстых искривленных стволов. Юноша остановился, пораженный величием растительного Мафусаила. Таких олив ему еще не доводилось видеть.

Лаура тем временем просунула руку в щель между ноздреватыми корнями и выудила оттуда небольшой сверток из дерюги. Развернув грубую ткань, женщина извлекла на свет маленькую статуэтку Мадонны и поставила изваяние на плоский камень перед огромным деревом. Затем из свертка появились потемневшие и позеленевшие бронзовые предметы. Подойдя поближе, Франческо рассмотрел старинное зеркало, плоскую чашу с ручкой и кинжал с треугольным лезвием и странной рукояткой. Зеркало Лаура вручила ему и попросила направить отражение солнца на камень перед статуэткой. Приглядевшись, юноша заметил на задней поверхности вещицы полустертый барельеф и три едва заметные

греческие буквы. Поразмыслив, Франческо догадался, что здесь было написано: «Гера». Вдова же достала откуда-то из складок своего платья флягу, откупорила и налила в чашу. Запахло вином.

– Что вы собираетесь делать?

– Молить Мадонну о заступничестве!

Сказав это, женщина упала на колени перед изваянием и начал быстро читать какую-то загадочную литанию, в которой ни словом не упоминались ни Христос, ни Богоматерь. Зато Лаура всякий раз обращалась к Великой Богине и молила ее спасти Салерно и всех его жителей.

Франческо задумался. Ему вспомнилась пламенная речь преподобного Джироламо, обращенная против еретиков. Юноша не сомневался – то, что сейчас делала вдова, декан однозначно назвал бы колдовством и проклял Лауру. Но ведь женщина молилась о спасении всех добрых христиан и, следовательно, не хотела совершить ничего дурного. Ее поступки, при большом желании, можно было назвать еретическими, но ее помыслы оставались чистыми и благородными.

А потом Лаура уколола себя кинжалом, и капелька крови из нежной ладони угодила в бронзовую чашу. Франческо и сам не понял, как подбежал к женщине, опустился рядом на колени и сделал то же самое. Его алая кровь смешалась с темно-гранатовым вином и кровью вдовы. Лаура отпила из чаши и передала сосуд юноше. Вино пахло орехом и можжевельником, а на вкус оказалось бархатистым, чуть терпким и бодрящим. Аромата крови Франческо совсем не почувствовал.

Женщина тоже взялась за чашу, их руки соединились, а дальше все происходило, как во сне. Они выплеснули остатки вина на землю возле камня, потом бросили бронзовые предметы на траву и начали срывать с себя одежды. Лаура отдалась юноше прямо на полянке возле статуи Мадонны, и Франческо не видел в этом никакого срама, никакого греха. Ее прекрасное тело казалось алтарем извечной Великой Богини, которую теперь именовали Мадонной, и от него требовалось сейчас ввериться древним инстинктам, чтобы провести нужный ритуал...

А когда Франческо наконец очнулся от сладкого дурмана страсти, в котором пребывал неведь сколько времени, он ощутил, что на их разгоряченные тела капает дождь. Небо из голубого сделалось синевато-серым, свинцовым, как галенит. Лаура вскочила на ноги, стремительная, как лань, и закружилась, воздев руки:

– Она услышала! Она услышала нас!

Франческо залюбовался прекрасной фигурой женщины, танцующей под дождем, но тут налетел жуткий порыв ветра. Пришлось немедленно натягивать на себя промокшую одежду,

а потом искать, где укрыться от разбушевавшейся стихии. Юноша приметил расселину в скале и потянул к ней Лауру за руку. И только они забрались в эту трещину в камне, как темное небо полыхнуло, и столп ослепительного белого света поразил огромную оливу. От удара молнии один из стволов исполинского дерева вспыхнул, мгновенно лишился коры, а ветви с него попадали вниз, как будто их оборвала безжалостная невидимая рука. Женщина задрожала, и Франческо бережно прижал ее к себе.

Когда дождь немного утих, юноша предложил покинуть рощу и найти более надежное укрытие. Лаура согласилась. Штормовой ветер немилосердно подгонял путников. Они быстро добежали по тропинке до края обрыва. Франческо глянул на залив и тут же обрадованно вскрикнул:

– Смотрите! Галеры уносит на юг!

Огромный турецкий флот отдалялся от салернского берега. Влекомые яростной стихией, хищные магометанские многоножки постепенно уменьшались в размерах.

– Она вняла нашим мольбам! – обрадовалась Лаура.

Колокольный перезвон был слышен за много шагов до городской стены. Так звонили обычно только в церковные праздники. Народ на улицах Салерно ликовал, не обращая внимания на дождь. На каждой площади выставили статуэтки или образы Святого Матфея, украшенные цветами. Так и не утихший штормовой ветер рвал лепестки и разносил их по городу вместе с мелкими каплями. Возле собора в открытой галерее готовилась торжественная процессия. Из крипты подняли мощи святого апостола в серебряной раке и установили их на носилки, обитые красным бархатом. Откуда-то донесся зычный бас преподобного Джироламо:

– Святой Матфей в милости своей безбрежной снизошел к нашим молитвам и явил чудо! Он наслал бурю на богомерзких магометан и отвел своей дланью полчища Гога и Магога от Салерно!

Франческо и Лаура переглянулись. На губах женщины мелькнула легкая полуулыбка...

Профессор умолк. В ночной тишине слышалось лишь потрескивание костра. Первой не выдержала девушка с пышными, чуть вьющимися волосами:

– А что было дальше?

– Дальше? Буря отбросила турецкий флот далеко на юг. Собрав потрепанные корабли у мыса Палинуро, Барбаросса повелел идти в Мессинский пролив. Там османский флотоводец разграбил несколько городов на Сицилии и в Калабрии, после чего вернулся в Истанбул.

В Салерно чудесное избавление от Барбароссы приписали заступничеству Святого Матфея, в Амальфи – вмешательству Святого Андрея.

Франческо Альфано тем же летом взял в жены вдову ювелира Лауру Гварини. Отец жениха сначала возражал против этого брака, но узнав, какое приданое его сын получит за невесту, возлюбил Лауру, как родную. Франческо с блеском окончил Салернскую врачебную школу и вскоре сам стал ее профессором. Его приблизил к себе принц Салерно Ферранте Сансеверино. У Франческо с Лаурой было трое детей.

Коротко остриженный юноша недоверчиво спросил:

– Так что же, профессор, вы хотите сказать, что в Салерно в шестнадцатом веке поклонялись языческим богам?

– Нет, я такого не говорил. Но, знаете ли, древние греки считали, что этот берег Тирренского моря находится под покровительством Геры. В пятидесяти километрах к югу отсюда, в устье реки Селы, стояла священная роща со святилищем Великой Богини. Греки верили, что Геру можно было там встретить. Рядом, в славном городе Пестуме, основанном сибаритами, до сих пор видны два прекрасных храма-периптера, посвященных Гере. А место, в котором вы две недели постигали основы полевой археологии? Тут тоже находилась священная роща.

– Но ведь все это происходило еще до рождества Христова!

– Совершенно верно. Но в пятнадцатом-шестнадцатом веках по всему Апеннинскому полуострову наблюдался подъем интереса к язычеству. Козимо Медичи купил за невероятные деньги «Corpus Hermeticum», а потом потратил еще столько же, чтобы этот свод греческих текстов срочно перевели на латынь. Именно подобные герметические тексты легли в основу философии Джордано Бруно, а затем и привели его на костер. А как вы думаете, для чего в тысяча пятьсот сорок седьмом году в Неаполитанском королевстве открылась конгрегация священной канцелярии, отделение испанской инквизиции?

Все смолкли. Посидев еще немного у костра, профессор Альфано попрощался со своими студентами и отправился в палатку. Включил светильник и, отперев походный саквояж, достал оттуда округлый предмет с погнутой прямоугольной ручкой. Гладкая когда-то поверхность была испещрена серо-коричневыми и зелеными пупырышками патины. С обратной стороны прощупывались большие неровности корродировавшего барельефа. Альфано поднес предмет к светильнику и возле самой ручки в который раз прочитал слово на греческом: «Гера». И вновь подумал о том, что семейное предание оказалось на редкость точным...

Я ТЕБЕ ВЕРЮ!

Одни люди трудятся, сидя в кресле, другие – стоя за пультом. Моим же рабочим местом служит кровать, точнее, усовершенствованная кушетка. Все дело в том, что я телепат. Лицензированный телепат на службе Космофлота.

Люди веками грезили о возможности общаться без слов, одними лишь мыслями. Случайное открытие во время полисомнографии сделало эту мечту реальностью. Оказалось, что телепатия осуществима, этой невероятной способностью по силам овладеть каждому здоровому человеку, согласившемуся пройти длительное обучение.

Я ложусь на свою кушетку, делаю дыхательные упражнения и погружаюсь в особый сон, пребывая в котором можно вступать в мысленный контакт, невзирая на любые расстояния...

«Привет, малыш! Я хочу тебе помочь, но для этого ты должен кое-что сделать. Через минуту ты встанешь, дойдешь до главной рубки и очень внимательно осмотришь навигационную панель. Ты меня понял?»

Я стараюсь транслировать свои мысли как можно более отчетливо, ведь мой собеседник не такой же профессиональный телепат, а ребенок. Десятилетний мальчик. Единственный, кто откликнулся на мой зов из всех пассажиров пропавшего межзвездного лайнера «Фортуна».

«Да».

Образы, которые я могу считать из детского разума, не слишком четкие. Понятно, что мальчику страшно. Все взрослые пассажиры пребывают в лечебном полетном сне, как и полагается по правилам. Что с командой – непонятно, штатный телепат «Фортуны» уже месяц не выходит на связь. Ясно лишь то, что на лайнер нужно срочно отправить аварийную команду, а для этого его требуется запеленговать. Но у всех станций слежения соседних секторов пока ничего не получается. Похоже, что астронавигационный передатчик «Фортуны» вышел из строя. И теперь вся надежда на телепатическую связь.

Мальчик тем временем добрался до главной рубки. Я «смотрю» его глазами и подсказываю, где расположена навигационная панель. Потом прошу внимательно посмотреть на звездную карту, ту самую, где указано положение «Фортуны». У мальчика нет доступа к компьютеру лайнера, он не сможет запросить координаты напрямую, но карта здесь отображается всегда. Увидев ее глазами ребенка во всех подробностях, я прошу моего юного собеседника сесть в ближайшее кресло и закрыть глаза. Успока-

иваю мальчугана и обещаю, что все будет хорошо. В ответ читаю уверенную мысль:

«Я тебе верю!»

Теперь он будет просто спать – можно разрывать контакт. Мне пора просыпаться...

– Знаешь, Виктор, какая-то ерунда получается. Компьютер проанализировал картинку, которую ты «снял» с навигационной панели, и выдал вот такой результат: подобной конфигурации не существует нигде во всей нашей Галактике.

– Ты уверен, Сергей?

– Абсолютно! Трижды проверял. – Старший смены нашей станции слежения массирует пальцами лоб и откидывается на спинку кресла.

Безуспешные попытки отыскать «Фортуны» вымотали Сергея. Он смотрит на меня, и я отмечаю темные круги у него под глазами.

Почему компьютер не справился с такой нетрудной задачей? Эйдетическая память тренированного телепата позволяет запечатлеть изображение в точности таким, каким его увидел далекий контактер. Затем по прямому нейроинтерфейсу легко загрузить картинку в компьютер.

Я закрываю глаза и в очередной раз обращаюсь к тому, что отображается на навигационной панели «Фортуны». В центре экрана – обычная звездная карта, множество разноцветных точек, среди которых находится символ, обозначающий лайнер. Что-то в увиденном мне не нравится.

– Сергей, ты можешь проанализировать распределение звезд на этой карте по спектральным классам?

– Да. Что-то придумал?

– Какая-то мысль вертится, но я никак не могу ее поймать.

Несколько минут спустя Сергей удивленно произносит:

– Интересно. Тут действительно аномалия. Совершенно отсутствуют классы К и М, зато с желтыми звездами перебор. В нашей части Галактики такого нет.

И тут до меня доходит, в чем может быть дело.

– У нас есть список пассажиров «Фортуны»?

– Конечно! – Сергей быстро выуживает нужную информацию и выводит ее на экран.

Я ищу имя. Вот оно: Максим Фролов. Так зовут мальчика, пассажира «Фортуны», с которым я смог вступить в контакт.

– Сергей, теперь найди медицинскую карту Максима Фролова. Реально?

Старший смены бодро хмыкает и спустя три минуты приглашает меня взглянуть. Для него такие задачи – сущие пустяки. Я

пробегаю глазами данные на экране. Дейтеранопия. Все именно так, как я и предполагал.

– Этот мальчик с «Фортуны» – дальтоник, – говорю я Сергею. – Для него красный и оранжевый – лишь разные оттенки желтого...

Старший смены не дает мне договорить, его глаза блестят.

– Я все понял! Сейчас поколдуем!

Пока он занят поисками, я заполняю свой раздел журнала станции слежения. С этим у нас строго: получил информацию – задокументируй, провел сеанс связи – отрази в журнале. Кто-то скажет, что это излишний формализм, но в нашей работе фиксация фактов важна, как нигде. Вспоминаю мальчугана с «Фортуны» и его уверенность во мне. Я не подведу тебя, малыш!

И тут перед внутренним взором внезапно возникает образ бывшей жены...

Эх, Татьяна, Татьяна! Если бы мы с тобой тогда не поссорились из-за какой-то ерунды, нашему ребенку могло бы быть сейчас около года...

От мыслей о прошлом меня отвлекает радостный возглас Сергея:

– Есть совпадение! Координаты «Фортуны» установлены!

Гляжу на экран, запоминаю цифры. Теперь дело за малым: мне нужно связаться с дежурным телепатом на спасательной станции, ближайшей к пропавшему лайнеру. Оттуда отправят аварийную команду на «Фортуну».

Я вновь ложусь на кушетку, делаю дыхательные упражнения и погружаюсь в особый сон. Посылаю зов и устанавливаю контакт. Передаю координаты. Мой коллега подтверждает, что принял срочную информацию. Теперь можно не беспокоиться, все пассажиры будут спасены. Но перед тем, как проснуться, я снова посылаю зов на «Фортуну». На этот раз все получается проще: я знаю, кто мне нужен.

«Малыш! Все будет хорошо! Скоро к вам придет помощь!»

И слышу в ответ:

«Я тебе верю!»

А потом я вызываю Татьяну...

Дмитрий Градинар
ТАЛАНТЫ СИНЕЙ БОРОДЫ

Я пью коричневую кровь бессонницы – кофе. На небе нет звезд, только колышущаяся подсветка огромного города. Как это странно, город живет собственной жизнью, гасит звезды, переключается через кварталы гудками автомобилей. От этого кажется, будто автомобили движутся сами по себе. Без людей.

Чего я жду? Не знаю. Уже не знаю, потому что не верю в счастливые случайности. Но в довесок к невезению мне досталось и кое-что забавное. И эта штука работает! Да еще как! По-моему, снова придется пускать ее в ход.

В левой руке зажигалка, в правой – спичечный коробок. Смотрю на них и не понимаю, что собирался делать: то ли поджечь спички, то ли расплавить зажигалку. Первое было бы безопасней...

Наверное, хотел закурить. И вместо сигареты прихватил спички. Либо зажигалку? Вот так, наверное, начинают сходить с ума или ощущать мягкое касание болезни Альцгеймера. А дверь спальни уже скрипнула. Ну и пусть! Пусть все случится снова. Я готов к этому.

– Не надоело изображать лунатика?

Конечно же, я слышу, но отвечать не хочется.

– Никаких отговорок, хватит! Завтра отправляешься к врачу! И... – подозрительно так, – чем ты здесь занимался? Перед зеркалом... Пил?

Следствие, обвинения и вердикты, всё в одном флаконе.

Мой взгляд скользит к чашке, еще не остывшей от кофе, но подсказка остается проигнорированной.

– Ты думаешь, я дурочка? Думаешь, не понимаю, к чему эти ночные хождения? Решил меня доконать...

Опасно зазвучали истеричные нотки. Она наконец-то заметила, куда я смотрю, и пытается схватить чашку. Наверняка – чтобы швырнуть на пол. Но я быстрее. Потому что нельзя. Нельзя – ей.

– Дай сюда! Дай сюда! Дай!

Не дожидаясь продолжения, отправляю чашку в недолгий полет к ближайшей стене. А когда осколки брызнули во все стороны, щелкаю пальцами.

Надоело!

И была ночь, и было утро, день другой...

Город, кстати, тоже другой. Здесь солнце светит ярко, но не весело. Заводские гудки возвещают о том, что кто-то ушел

навсегда. А потом – церемония с огромным военным оркестром и лафетом, на котором ордена в лентах, ордена без лент, ленты без орденов. А она смотрит печально и покорно, будто бы умер я.

– Что теперь с нами будет?

Ничего не будет. Дадут нового. А мы его полюбим. Я, кажется, помню это уютное время. И помню такую вот покорность в голосе.

– Хочу в Ниццу, – бросаю как бы между прочим и прикрываю зевком ладонью.

Смотрит ошалело. Не иначе, увидела синие колечки у подбородка.

– Ты что? Какая Ницца? Какая заграница? В наше время...

– Хочу в Ниццу, в Париж, в Берн, в Оттаву! – делаю вид, что капризничаю.

На самом деле не хочу никуда. То есть хочу, но – в другое «когда», ей не понять.

– У нас кредит за телевизор не выплачен... Детям школьную форму покупать...

Ах вот как? Здесь у меня даже дети водятся? Дети и кредиты.

– Дай мне чашку, – прошу устало и смотрю ей прямо в глаза.

Она отводит взгляд, мелькают покрасневшие от стирки руки. Неужели это так необычно – просить чашку?

– Компот закончился, только чай...

– Я сам заварю. Дай мне чашку.

Она подала, обтерев ее краем фартука. Красивый голос, красивая фигура, красивые глаза.

Но в них очень много покорности. Покорности – не только моей воле.

– Ах!

Наверное, чашка была какой-то особенной. Жаль. Щелкаю пальцами.

Тьма Египетская, и пол ходуном! Что за ерунда?

Воздух затхлый, отдает йодом. А снаружи какой-то вой и скрип. Ба! Да я на корабле! Ну, какова же ты, царица моя морская?

Не дальше чем в двух шагах – хриплый стон.

– Эй, кто-нибудь! Зажгите лампу!

Когда я с этим справился, залив потертый обшлаг керосином, картина мне явилась просто изумительная: ворох белья, не самого свежего, и среди него, как кочерыжка в капусте, остроносое капризное лицо. Странную, однако, спутницу взял в плавание владелец каюты. Глаза мутные, к тому же – разного цвета. Гадаю: зачем ей лампа? Ага! Из вороха показалась рука в поперечных шрамах и татуированная рисунком у локтя. И сразу же потянулась

к бутылке, заботливо перевязанной веревками, как раз на случай сильной качки.

Пусть морская, но явно не царица. И хочется сказать: «А помнишь, тогда, перед зеркалом, когда не было звезд на небе?..»

Не царица. Кособокая чаша рядом. Удар. Щелчок.

И ветер в лицо! Охотничий патронташ бьет в бедро. Тяжелое ружье впивается кожаными ремнями в плечи. А со всех сторон: «Гони! Гони его!»

Вижу серый комок. Обреченный, сжавшийся. Он даже не бежит – летит! – затравленно поджав уши. Я рву оружие за роскошную перевязь, пытаюсь прицелиться на полном скаку. В последний момент, когда темный ствол нащупывает жертву, отвожу его чуть в сторону. Ружье гремит оглушительно. Из казенника выскользнуло и оседает на руках пороховое облако. Впрочем, с самого начала это большая глупость – брать для верховой охоты ружье почти двухметровой длины. Вполне возможно, я бы и так промахнулся.

Зайца убила рыжеволосая красавица. Из кавалерийского карабина – наповал!

– Удачный выстрел! – опять голоса со всех сторон. – Bravo, мадам!

И несколько злорадствующих взглядов в мою сторону. Ее здесь любят, мою рыжеволосую мадам с лисьими глазами, а вот меня – нет. Кажется, тут какая-то интрига, придется чуть повременить с бегством.

Она уже рядом, придержала коня, и некоторое время мы движемся стремя в стремя.

– Еще один такой промах, сударь, и в другой раз не возьму вас на охоту.

Глаза на мгновение сузились, выдав что-то хищное, то, что заставляет гнать зайцев, а потом их расстреливать. Но через секунду блеск погас. И она прежняя – улыбается, широко раскрыв рот, вдыхая шумно холодный воздух. Белый жемчуг и красный коралл.

– Очаровательно! Прелестно!

Это уже не о выстреле.

Вот, значит, как. А все из-за того, что она вечно путает времена. Ей бы не здесь, посреди полей, дарить улыбки. Ей бы туда, к гудящим заводам. К муаровым лентам, к компоту и лафетам с орденами. Тогда, возможно, я перестану бить чашки. Или наоборот: оттуда – сюда. Покрасневшие руки быстро становятся бархатом, если их холить. Тогда я не стал бы промахиваться.

– Не угоститесь, сударь? – какой-то особо противный голос прерывает мои размышления.

Я его давно уже выделил. Это он, жокейская кепочка над щеткой усов, он громче всех кричал «очаровательно!» и «прелестно!» А сейчас – как по доске мочалом: «Не угоститес-с-с-с-сударь?»

Трофей валяется неподалеку от костра. Маленький серый комок стал еще меньше. Потому что из него вытекла кровь. А уже ходят из рук в руки хрустальные рюмочки на серебряных подносах, а к ним – огурчик, ломтики ветчины и клюква в мелкой тарелке. Она не смотрит в мою сторону. Ну и что?

Однако нет, подошла! Положила руку мне на плечо, будто облокотилась, и стала что-то говорить на ухо. Со стороны вроде – нежно, а на самом деле сплошные гадости. И жокейское кепи тут как тут, ревниво вскинул усы.

– Хватит! – обрываю ее чушь и разворачиваю к себе лицом.

Она улыбается. Коралл и жемчуг. Только в глазах появилось какое-то беспокойство. Неужели это – впервые? Впервые за столько-то лет на нее так смотрят?

Я сжимаю ее руки сильнее, и теперь беспокойство сменяется тревогой.

– Вы делаете мне больно!

Что ты знаешь о боли, моя красавица. Что ты вообще знаешь? Впервые за сколько-то лет я стал другим. И держу ее, и смотрю, и в глазах моих – знание и власть.

Кепочка резво оказывается рядом.

– Сударь, потрудитесь...

Он не договорил, потому что я на миг оторвал руку от античного тела и воткнул ее прямо под козырек, чуть повыше усов.

– Пошел вон, болван! – и голос еще тот, оставшийся с корабельной палубы, где наверняка приходилось перекрикивать вой ветра и гнать матросов на мачты, когда рядом гуляли волны до самых небес...

Кепочка с красными усами часто моргает. Я снова поднимаю руку, но он успел понять...

Что-то изменилось. Лопнуло и гремит!

– Д-да, д-да, изви...

Царственным кивком я его прощаю и отпускаю. Мне нет сейчас дела до тех, с кем мне наставляет рога рыжая половинка. Он удаляется к притихшим товарищам. Да тут целый клуб обожателей, по всему видно! А вот если они попробуют вмешаться? Интересно, я буду стрелять? Наверное, да. Они ведь не зайцы.

Тут же замечаю очень интересную деталь. У каждого из охотников – дешевенькие ремингтоны, штамповка. У одного вообще пехотный винчестер из Новой Англии. После колониальных войн такого добра везде в избытке. Простая безвкусица, господа? Или что-то другое? Чуть скосил глаза и убедился – другое!

Если у моей рыжеволосой – офицерский «Драйзе» с позолоченными курками и перламутровыми насадками при орнаменте, то у меня – вообще шедевр. Рушуз из Сент-Этьена, мастеровая работа! Ружье этого же мастера когда-то принесли в дар папе римскому Льву XIII – арабски по всем насадкам, немножко мельхиора, немножко серебра, немножко платины. И сапфир на мушке. А у всех прочих – штамповка. Что это означает? То и означает... В колодец плюете, вероломные твари!

– Господа, – с барской ленцой, – можете заниматься своими делами, не буду вам мешать.

Угадал. Все так и есть. Конец клубу! Кучка лизоблюдов, при-выкших есть с ладони. Не с моей, естественно, ладони, хотя наверняка вся роскошь – за мой счет. Чтобы усилить эффект, кидаю фразу:

– Кстати, принесите еще водки. Ты. И ты, – стреляю глазами, а мог бы из ружья штучной работы. – И если нарежете мясо, нарежьте тоньше, черт вас дерит!

– А мне ликер.

Ух ты! Все-таки она пискнула. Она пискнула! Хотя уже сообразила: что-то рушится, что-то уже не вернется.

– Никаких ликеров! Водки! И мне, – приунывшая компания замерла, – и для мадам!

И все зашевелились, будто даже с облегчением.

Лопнуло и гремит. Рушится. Изменилось. Жаль, не навсегда. Но отныне тот, другой, который останется, все же поймет, как разительны бывают перемены.

Она, конечно, постепенно вернется в свои права, но только всегда будет помнить этот осенний день, когда я-он держал ее руки и глядел прямо в глаза.

– Эй, мне сразу в чашку! Вот, наверное, подойдет!

Тут же вытряхивается содержимое чьей-то чашки, и ко мне опасно приближается серебряный поднос. Ветчина нарезана весьма тонко. Чудо-люди! Умницы, благодарю, клюкву долой, подайте еще огурчик с хрустом! Впрочем, бог с ним, с огурцом и прочим. Не поминайте лихом!

Сам не зная зачем, я прижимаю рыжеволосую прелесть к себе, говорю: «Отличный выстрел, дорогая!» – и впиваюсь, словно вампир, в кораллы с жемчугом.

Такими глазами, наверное, смотрели бы в определенных странах иного времени на Иисуса, идущего по воде с Кораном в руках.

Потом пью залпом, как только что целовал. Швыряю чашку о стылую землю.

Сказать – не сказать? Добавить им радости, заявив, что ветчина все равно твердая, не тает, и на ближайшем суку таких

провиантмейстеров – не иначе, выбирали что подешевле... Или вернуть про кару жестокого бога по имени Гринпис? Жалко зайца-то!

Не сказал. Не вернул. Хватит им на сегодня потрясений. Вместо этого щелкаю пальцами.

Куда-то я мчусь. В когда-то я мчусь. Ищу. Не Ее. Себя.

Здравствуйте, приехали! Все-таки чудо мое с изъязном. Когда – чет, когда – нечет, сейчас вообще сплошное зеро.

«Ты кто?» – хочу спросить.

Но не могу. Наверное, подъязычная кость еще не полностью сформировалась. Способностей хватает только на рычание. Она в ответ тоже рычит. Но мелодично, дискантом, к тому же – попадает в квартиру.

– А-хр... О-о!

И подает мне гигантский сочащийся окорок прямо с огня. Уважает, что ли? Но вообще – в самый раз. Там, после охоты, я так и не взял ветчины. А закусить бы...

Она смотрит умиленно, мохнатые брови ходят в такт моим челюстям.

Да, далеко отсюда будет до жемчуга с кораллами, до компота и мегаполисов с ночными авто. Очень далеко. А может, это и к лучшему?

Когда я честно оставляю ей только наполовину обглоданную кость, шуршит набедренной повязкой, словно кринолинами. Прячется в дальний угол пещерки. Не привыкла, что ли, к щедрости? Да, жестко ты с ней, мой приятель. Не знаешь, что бывает потом на свете... Из угла – будто скулит ребенок, и хочется прижать ее, пусть и такую огромную, с пронзительными глазами и повадками кокетничающей слонихи. Ведь она – ближе к Еве, чем все остальные, да и я сам – тот еще Адам на Земле.

Поверив в свое маленькое счастье, приближается, трется бедром о мое бедро. Или показалось, или на самом деле во взгляде что-то теплое проявилось, ласковое, такое же огромное, как небо и она сама.

Снова убегает, но тут же возвращается. Виногато отворачивает лицо, в руке зажат какой-то зверек вроде тушканчика. Местное лакомство. Для меня.

Взял.

Косматый древний лес шумит, одобрительно кивает верхушками деревьев. А затем – еще подарочек.

Нож из обсидиана и палка с выпуклостью на конце. Сама же отходит к кострищу, опускается с грацией огромной кошки,

подносит лицо к углям и начинает их раздувать. Охотник и Хранительница Очага. Умиляюсь. Почему-то хочется плакать. Берегиня.

Может быть, и вправду стоит начинать отсюда? Правильно начинать, чтобы правильно продолжалось?

Подумаю.

Дубинку оставляю у входа в пещеру, а нож пригодится.

Ну что ты смотришь на меня? Не иду я сейчас на охоту, не стану гоняться за мамонтами. Отправляюсь искать глину. Заодно изобрету гончарный круг, ременную передачу... Что я буду потом делать? Да чашку, конечно!

Так, на всякий случай. Подозрительно широкие у тебя плечи, милая!

Сергей Белая ПОДАРОК НА ЮБИЛЕЙ

Ветеран был растроган до глубины души. Но и опечален одновременно.

– Спасибо, конечно, внучек, однако...

– Чем ты недоволен, дед? – удивленно спросил Глеб Яремич, меньше всего ожидавший подобной реакции. – Я что-то сделал не так?

Ветеран помялся.

– Понимаешь, внучек, вовсе не Сталин выиграл войну. Ее выиграли обычные люди. Пахари, учителя, землекопы, рабочие, детдомовцы, строители... И победили мы только потому, что умели раздвелять Сталина с его прихвостнями из ВКП(б) и свою землю.

– Я хотел как лучше! – в сердцах вскричал задетый за живое Глеб Яремич. Столько труда, денег, времени – и все насмарку...

– Твоей вины тут нет, внучек, – поспешил успокоить его ветеран. – Поверь, я очень ценю возможность пообщаться с семьей, снова встать в строй... Там, откуда ты меня вытянул, нет ничего. Абсолютная пустота... А ты – молодец, внучек. Я горжусь тобой...

Повисла пауза.

– Вот только лучше бы ты меня не выдергивал. Лучше бы я остался с мертвыми.

– Почему? – не понял Глеб Яремич.

Ветеран, не желая обижать внука, молчал. Но тот упорно ожидал ответа.

– Мне больно смотреть на то, во что вы превратили Победу. Это ведь не только день радости, но и день скорби. Десятки миллионов погибших, а вы устраиваете карнавалы на костях. Вы извратили самую суть всенародного праздника настолько, что он превратился в театр абсурда... Что значит – «Можем повторить!»? Что повторить? Войну? Голод? Разруху? Смерть? Грязь? Может, страх?

Глеб Яремич молчал.

– Знаешь, как страшно, когда тебя утюжат «Фоккеры»? Как выпрыгивает сердце из груди при виде прущих на тебя «Тигров»?.. Думаешь, атака на пулеметы – это что-то типа утренней пробежки в сосновом лесу?.. Что повторить? Миллионы сирот, сотни тысяч калек, разоренную Европу?.. Что, внучек?

– Не я придумал этот слоган, дед.

Попытка оправдания была жалкой, и Глеб Яремич прекрасно понимал это.

– Не ты, – кивнул ветеран. – Но ты и твои друзья, и друзья твоих друзей не сказали ни одного слова против. Вы превратили трагедию в фарс... Что стало с вашей памятью, внучек? Почему вы позволили сделать из себя зомби?.. За что «деды воевали»?.. Чтобы вы вешали себе ордена и медали на жопу? Чтобы портреты этих самых дедов валялись потом на помойке?

– Дед...

– Позволь мне закончить, внучек. Вы разжигаете огонь новой войны. Полагаете, на ней будет весело?.. Если бы те, кто сейчас по ту сторону, могли, они прекратили бы этот шабаш. Память должна гореть в сердцах... Включай свою машину, внучек. Возвращай меня обратно к мертвым. И помни, мы, умершие, будем рады увидеть вас, ныне живущих, но пусть эта встреча состоится как можно позже. Не нужно дешевого фарса. Просто не забывайте нас. И будьте людьми.

2018

Джерри ДОЛЖНИК

Выносить мусор с каждым днем становилось все сложнее. Я выглянул из подъезда – кажется, во дворе чисто. Листопад. Ни души. Я надвинул кепку почти на брови, выпятил нижнюю челюсть и решительно зашагал к мусорным контейнерам, чуть отставив от себя пакет с мусором.

– Наркоман! – заорала сойка на заборе.

– Дура, – ответил я кротко.

– Что тут? – Из-под машины соседа вылез белый кот с серым пятном в виде сердца на спине. Он уставился на меня колючими зелеными глазами.

– Я мусор вынести, – объяснил я.

Кот молча сделал шаг в сторону, будто пропуская меня.

В этот момент раздался громкий свист. Он принадлежал волнистому попугаю-беглецу, объявления о поисках которого уже месяц висели на каждом столбе в районе. Попугай был совершенным, просто на всю голову отморозком. Он еще летом выпорхнул в неосмотрительно открытое окно, примкнул к стайке воробьев и в честной борьбе занял трон их короля. Хозяева птицы из прошлой, немонархической жизни на днях опять приходили в наш двор, уговаривали попугая спуститься к ним с дерева. Птичка корчила из себя правдоподобного дурачка, прыгая по ветке и попискивая что-то умильное. Ровно до того момента, как соседка с первого этажа, Клавдия Матвеевна, не проворчала что-то про разноцветного оборванца. Попугай обложил старуху таким трехэтажным матом, что дважды отсидевший Колян с четвертого этажа от изумления чуть не выпал с балкона прямо с сигаретой в зубах. А хозяйева развернулись и ушли, окончательно осознав, что птичка возвращаться в клетку не желает.

– Это кто у нас тут такой гуляет с пакетом красивого мусора? – чирикнул попугай, опустившись на машину передо мной. В радиусе метра уже бродили шестеро воробьев-телохранителей. – Корки? Сушки? Печеньки?

– Нету. – Я прижал пакет к животу. – Я на прошлой неделе вас половиной батона угостил!

– Ой, не трынди, – чирикнул один из воробьев. – Угостил? Да ты полбатона потерял, когда мы с пацанами тебя зажимать стали. Черта лысого ты птичек покормишь добровольно, конь в пальто.

– Похвально, Серый, – кивнул попугай. – Только так с вами, фраерами-людишками, и можно. А сегодня что принес? Давай, выкладывай.

– У меня кусочек колбасы. Вареной.

Я полез в карман. Из ниоткуда возле меня появилась худющая собака и обнюхала предложенную колбасу.

– Ну, такое, – сказала она.

Мне не почудилось, собака действительно сморщила брезгливую мину.

– Отравить вздумал? Да? Да? Да? – Попугай прыгнул в мою сторону, явно собираясь надрать мне задницу. Собака тем временем аккуратно выхватила у меня кусок колбасы и умчалась в другую сторону двора.

– Простите, народ, я кормящая, мне жрать надо, а вы еще кого-то разведете на харчи! – прогавкала она с безопасного расстояния.

– Ну Барбоска, ну плутовка, – добродушно сказал попугай и обратился ко мне: – Чего стоим, как памятник? Иди, давай, пока голуби не обгадили.

– А у него трусы в горошек, – звонким детским голосом сообщил щенок, выглядывающий из подвала. – Я отсюда чую: в горошек!

– Хаааа, в горошек, господи, в горошек! – захохотал попугай.

Воробьи-телохранители тактично и солидно хихикнули. Сойка на заборе заорала дурниной. Белый кот, дождавшись окончания хохота, сообщил:

– А еще этот фраерок женские носки носит.

– Покажи, покажи, покажи! – Воробьи подскочили и бесцеремонно задрали мне штанину.

– Пффф, белые носочки в красные сердечки! – подавился хохотом попугай.

Ситуация становилась критической – на дереве появилась белка. Она смотрела прямо мне в глаза. Я мысленно умолял ее не выдавать меня, но...

– У него в кармане семки! – завопила белка, спрыгнув на ветку ниже. – Я видела, как он на кухне высыпал в карман пальто пакет семок!

– Черт! – выругался я.

– Семки? – нахмурился попугай.

– Семки? – переспросила сотня воробьев и голубей со всех углов двора.

Я со всех ног помчался назад, к подъезду.

– А еще он на неделе кормил кошку в соседнем дворе, – раздался мне вслед детский голос щенка. – Я там за мусоркой писал и все видел!

Чертов сосед-чудак!

Началось все давно, очень давно. В нашем доме есть один чудак. Он седой, нескладный и всегда виновато улыбается. Сколько я живу в этом доме, столько он подкармливал всякую живность во дворе и разговаривал с ней. Всем объяснял, что доказывает зверью преимущества человеческой речи. Мол, звери ее и так знают, просто не со всеми хотят говорить. Однажды странный сосед даже показал мне карточку, где золотыми буквами было написано: «Переводчик-педагог. Человечий и звериный языки». Безвредный такой, добрый чудак.

Но та самая Клавдия Матвеевна с первого этажа положила конец идиллии старого чудака. Ее тоже можно понять – не у всех выдерживают нервы, когда день ото дня под окнами открывается собачье-кошачья столовая. Целую неделю ее зять гонял голодных кошек и собак от мисок с едой, целую неделю опустошал птичьи кормушки. Добрый седой чудак-переводчик рыдал, соседи, сжалившись над стариком, пытались договориться с Клавдией Матвеевной, но она была непреклонна.

И в одно прекрасное утро звери заговорили.

– Смотрите, как Галя из пятой квартиры вырядилась, – прокомментировала серая кошечка, нежась на лавке в лучах утреннего солнышка. – Кожаные штаны и шпилька? Серьезно?

– А лучше бы сэкономила на дешевом «мейд ин чайна» и купила консультацию фэшн-стилиста, – протявкали детским голоском заспанный щенок, выглядывая из-за двери подвала.

– Ни черта вы в моде не понимаете, – снисходительно заявил попугай. – Красиво же! Ярко! Но лучше обмотать фольгой.

– А еще она носки в лифчик запихнула, – затрещала белка с дерева, заглядывая в окно квартир. – Кстати, сиськи у нее реально маленькие, не сиськи, а недоразумение.

– О чем они говорят? – спросила одна ворона другую.

– Не влезай, будь выше этого, – с досадой отмахнулась та.

Галя, краснея, пробежала через двор, быстро цокая каблукками, а зверье переключило свое внимание на пятиклассника Вову из пятидесят третьей – мальчик вышел из дома на нулевой урок.

– Идет как ни в чем не бывало, – пропищал щенок, – а сам дневник за трубу в подвале спрятал! С двойками, я проверял! А маме он наврал, что дневник в школе забыл!

– Я тебя сейчас! – замахнулся школьник на собаку, и все зверье тут же сбежалось.

Вова испугался и прижался спиной к стене дома.

– Ты на ребенка руку поднял? – прыгнул к школьнику попугай. – Да ты знаешь, с кем связался, сопляк, а? Знаешь? – И попугай воинственно замахал крыльями.

Кто-то из зверей глухо зарычал. Коты и кошки громко зашипели. Вова звучно пукнул и зарыдал от испуга.

– Простите меня, я больше не буду! – прогундосил он, размазывая слезы и сопли по лицу.

– Катись, засранец!

Звери расступились, и школьник помчался по двору. Вслед ему раздалось:

– А ну, пацаны, обгадите нахаленка! – И взмах шести пар крыльев.

– Верка из четырнадцатой опять засиделась в Интернете, и у нее пирог сгорел, – сообщала белка откуда-то сверху в обед.

– Снова купит готовый в магазине, а мужу наврет, что полдня на кухне хлопотала. А у Ивана Антоновича, как я погляжу, порножурнальчик в рабочем столе!

– Где? Где? – с интересом слетелась к окну Ивана Антоновича вся крылатая братия.

– Меня возьмите, я тоже порножурнальчик хочу! – заскулил щенок внизу.

– Мал еще! – парировал попугай.

– Ого, как он ее, – с интересом заметила сойка, пока Иван Антонович сконфуженно пытался спрятать свой маленький секрет от жены Люси. Та, услышав все из окна, уже ломилась в дверь кабинета.

– Вот это да! А вы знали, что Владимир Макарович носит накладку на голове? – Белка обнаружила новую сенсацию в другом конце двора, и вся шумящая, галдящая орда переместилась портить жизнь следующему жильцу дома.

Разговорчивое зверье с замашками гопоты быстро отвоевало у людей двор. Люди обивали пороги соседа-чудака, который научил животных говорить.

– Я ничем не могу помочь, – пожимал плечами он. – Голубчики, способность к восприятию человеческой речи...

– Да вы просто заткните их как-то! – попросил зять Клавдии Матвеевны с первого этажа.

– Нет. – И чудак захлопнул дверь.

Сегодня утром звери отвоевали мои семечки. Я не добежал до подъезда всего метр – кто-то кинулся мне под ноги, я упал, а когти, лапы и зубы стащили с меня пальто, протоптались по рукам и ногам, наорали в ухо и нафыркали в затылок. Я оказался перемазанным грязью с ног до головы, а спину мне, судя по ощущениям, так и вовсе расцарапали в кровь. В таком виде точно нельзя идти на работу.

– Ну, черти! – ругался я, дрожащими руками закрывая дверь квартиры.

Моя домашняя кошка Мурка, дремавшая на подоконнике, резко подняла голову.

– Что случилось? – громко спросила она.

– Да гопота эта дворовая достала, – объяснил я и пошел было в ванную, когда меня осенило.

– Мурка, ты умеешь говорить?

Кошка сделала вид, что спит.

– Мура, отвечай!

– Мрррррр, – пробормотала кошка.

Я сгреб ее и помчался на два этажа выше, к чудаку.

– Это ваш сосед, – крикнул я у его двери. – Откройте, у меня дело срочное!

Чудак осторожно приоткрыл дверь. За то время, что дворовые звери терроризировали жильцов, бывало всякое, и однажды старика чуть не побили.

– Здравствуйте, – сказал я. – У меня кошка говорит. Кажется.

Сосед внимательно посмотрел на меня, достал из кармана рубашки очки, надел их и обратился к Мурке:

– Решила-таки выдать себя?

– Мррррр, – замурыкала кошка.

Чудак погладил ее, и Мурка вздохнула.

– А что было делать? Он весь в крови да грязи пришел, вот я и испугалась, заговорила. Случайно.

Я чуть не выронил кошку из рук.

– И я не Мурка, – обернулась она ко мне. – Я Нюрка. Нюра. Аннушка я.

И вдруг меня пронзило. Аннушка была моей первой девушкой. Нам было по шестнадцать. Она обожала меня, а я был самым крутым парнем в школе, и мне было просто лестно, что рядом со мной красивая, тонкая и рыжая девушка. Мы встречались год, гуляли, мечтали, ссорились и целовались, как вдруг у Аннушки нашли страшную болезнь. Врач в другом городе согласился сделать операцию, и родители увезли ее. А вернулись серые и осунувшиеся, и без Аннушки. Без моей Аннушки.

Когда теряешь что-то, учишься по-настоящему ценить его.

Год назад возле дома я нашел котенка и забрал к себе. Никогда раньше у меня не возникало подобной идеи. Я вообще кошек терпеть не могу! А эту забрал, думал кому-то отдать, но накрепко прирос к ней сердцем.

– Все в порядке? – Чудак заглянул мне в лицо.

Мурка, то есть Нюрка, выжидающе смотрела на меня своими желтыми глазищами.

– Ты – моя Аннушка? – спросил я.

– вспомнил, значит, – улыбнулся чудак.

– А как так вышло? Почему она вернулась ко мне?

– Недолюбил ты, видать, Аннушку. Недодал ей тепла, пока она была человеком. – Чудак почесал Мурку-Нюрку за ухом. – Вот опять и встретились.

Мы с кошкой вернулись домой. Я пытался переосмыслить все, что узнал и пережил за сегодняшнее утро.

– Нюрка, давай тебе лежак новый купим. И когтеточку. А какая еда тебе больше нравится – рыба или мясо? Чем тебя порадовать на романтический ужин?

– Во дурак. – Кошка запрыгнула на подоконник и потянулась на солнышке. – Прекрати! Ушла любовь, завяли помидоры. Я уже год с тобой живу, какая к черту романтика? Хотя когтеточку купи. И вали уже, наконец, на свою работу!

Мурка-Нюрка отвернулась к окну и задремала. Я переоделся и спустился во двор.

– О, лишенец за добавкой вернулся! – провозгласил попугай, прыгая в мою сторону.

Но, видимо, что-то в выражении моего лица насторожило его. Он остановился и смешно склонил голову набок.

– У нас еще один вспомнивший?

Я кивнул.

– Да, вот такие дела, юноша, – вздохнула рядом кормящая собака.

Я вспомнил ее. До четырех лет я жил в Херсоне, и эта собака, то есть тетя Катя, худая, строгая, была нашей соседкой по этажу. Когда мы переехали, в доме случился пожар, и тетя Катя угорела насмерть.

– У вас у всех тут какие-то должники живут? – спросил я.

Звери и птицы закивали.

– А что вам задолжали? Любовь?

– Кому что, – ответил попугай. – Одним нежность задолжали. Другим – заботу. А вот ты, козлина, задолжал лично мне кое-что получше. – Попугай уселся у меня на плече и пребольно цапнул за ухо.

И я тотчас его вспомнил – скромный очкарик-астматик, который был на класс младше. Мы с ребятами регулярно избивали его. Ну, знаете, как это бывает – просто для настроения. Он был классическим лопухом, специально созданным для издевательств и побоев. Пару лет назад я узнал, что парень разбился в аварии.

– Да, юноша, и такое бывает, – злорадно ухмыльнулась кормящая собака – тетя Катя.

Попугай тяпнул еще раз, сильнее.

Звери обступили меня.

Вот черт...

ДЖОРДЖ

– Джордж, мое терпение скоро лопнет! – бушевала Ма. – Сколько можно это выдерживать? Как ты смел прогулять школу? Ты ведь обещал исправиться!

– Ну и что? – запальчиво крикнул Джордж. – А ты обещала меня не пилить – и где мы теперь? Как же ты мне осточертела!

Ма ахнула, и в разговор вступил Па.

– Что ты себе позволяешь? – возмутился он. – Ты забылся, что ли? Немедленно в свою комнату! В школу – и домой, в школу – домой, все под моим личным присмотром! Сам тебя за ручку водить буду!

– Тебе быстро надоест. – Джордж надеялся, что Па блефует.

– Не переживай, мне интересно посидеть на уроке химии и посмотреть, как ты блистаешь знаниями, – саркастично заявил Па. – И даже не заикайся о карманных деньгах до конца месяца! А теперь извинись перед Ма и живо в свою комнату!

Джордж фыркнул и молнией метнулся к двери на втором этаже.

– Ненавижу вас! – донеслось сверху. – Во всем мире нет ни одной живой души, которая меня понимает!

– Он не извинился, – вполголоса заметила Ма. – У подростков плохая память. В следующий раз давай ему новое поручение только тогда, когда он выполнит предыдущее.

Джордж тем временем распахнул окно и пробрался на крышу. Он часто так делал. Белое постапокалиптическое солнце было совсем близко – будто прямо над их кислородным кластером. Джордж улегся на крыше. Он думал о том, что обречен жить с Ма и Па. Джордж остался заложником умного дома и электронной obsługi, которая заменяла родителей во время их командировок. Мальчик не знал, что случилось с его родителями – после Большой Катастрофы выжили единицы, и они давно эвакуировались на Марс.

Белый свет заполнял собой все небо. Джордж щурился и думал о том, что придет завтра, послезавтра, другой месяц, а может, и год. Когда он умрет, Ма и Па отключат генератор кислорода, выключат дом и запустят форматирование своих жестких дисков.

Тёма Крапивников МАМКИН ДАРВИНИСТ

Белобрысый мальчик по имени Алексей истово верил в то, что бога нет.

Ни грозные учителя в школе, ни насмешливые сверстники не могли его переубедить. Лешенька совершенно отвергал факты и витал в облаках.

Сидит он, например, за обедом, ест жареную скумбрию, и вдруг подкрадываются хулиганы, да как начинают молиться многоголово! Несчастливого богоборца тут же заваливает ароматными рыбинами по самую макушку, а ему – хоть бы хны! Сопит, молчит и терпит. Штаны и курточка воняют потом еще полдня едой на весь класс, а ему все равно! Мученик!

Штаны и курточка потом, конечно, очищались мамкиными молитвами.

Мальчик даже «да будет свет» по утрам не говорил, собирался в школу впотьмах и часто не замечал остатки зубной пасты на розовой щеке. А когда на Новый год все дети вместе, хором, зажигали праздничную елочку, тихо сидел в уголке и бесконечно бубнил: «Модуль силы взаимодействия двух точечных зарядов в вакууме прямо пропорционален произведению модулей этих зарядов и обратно пропорционален квадрату расстояния между ними». Другей у него, конечно, совсем не было.

Однажды мама нашла под кроватью дневничок Алексея с наивными дарвинистскими рисунками: вот пучеглазая рыба выбирается на берег, а вот она уже ловит мошку длинным языком, а вот уже это и не рыба, а и вовсе корова с пушистым хвостом.

– Лешенька, неужели ты в самом деле веришь, что за миллионы лет живые существа случайно получились сами собой? – спросила она ласково.

Сын молчал, глядя в пол.

– Сынок, а хочешь, отец Сергей сделает тебе такую же коровку, но с крыльями? Будешь гулять с ней по воде, летать над радугой, заплетать пушистый хвост в разноцветные косички! А когда надоест – помолимся о сочном стейке и позовем ребят из школы на роскошный ужин.

– Так не бывает, мама, – ответил ей Алексей и расплакался. – Чуть это все, морок ненаучный.

Но от намаленной коробочки с обедом для школы не отказался, конечно.

Иногда Алексей пытался спорить с учителями и доказывать, что все живое эволюционирует и адаптируется.

– Допустим, корова создана молитвами отца Сергия, – рассуждал мальчик, хитро прищурившись. – Но кто создал отца Сергия?

– Отец Сергий и создал молитвами, только немного другой отец Сергий, – объяснил учитель. – Который умер до твоего рождения.

– А его кто создал, а? – опять прищурился мальчик. – А его создателя?

– Так там отцы Сергии до самой точки творения, – терпеливо ответил учитель. – Когда бог создал Землю и населил ее тварями разными, то и отца Сергия нам подарил.

К маме Алексея приходили подруги, пытались давать советы.

– Вот мой-то – вообще молодец, рассказы фантастические пишет, – хвасталась одна.

– Ну, полезно для общества, да, – соглашалась мама Алексея. – Но по молодости быть частью субкультуры – это нормально. Не колется – и то хорошо.

Подруги качали головами. Они видели, что мама Алексея страдает и тайком молится о парадоксальном: чтобы сынок и был счастлив как личность, и стал нормальным, как все.

Тем временем мальчик пробовал повторять эксперименты из настоящих научных книг.

Например, однажды – скривившись от злости, – вымолил у бога окулировочный нож, садовый вар и полиэтиленовую ленту, а потом отрезал веточку от груши и попытался привить на яблоню. Операция прошла даже легче, чем он думал: стоило воткнуть грушу в разрез, как плоть двух деревьев сомкнулась, кора срослась, будто так все и было.

Вот только мимо пробежала девушка Даша – легкое воздушное создание восемнадцати лет от роду. У нее было странное хобби: пробовать клубничку в необычных местах. Вот и тут аппетитные губки шевельнулись привычно, девушка протянула нежную ручку и сорвала ягоду прямо с дерева Алексея.

Мальчик даже хотел ударить Дашу за поруганный эксперимент, но поостерегся: за насилие бог мог и молнией шарахнуть. Только наворачнувшиеся на глаза слезы мрачно стер вонючим рукавом.

В свободное время Алексей любил гулять по Земле. Бывало, за вечер обойдет ее кругом: уйдет на север от дома, а вернется с южной стороны. Мама в эти дни ласково звала его «мой маленький Колумб», и он ей даже позволял упоминать имя великого ученого всуе.

Правда, ничего Алексея в этих прогулках не радовало: ни танцы летающих рыб, ни прыгающие прямо в руки спелые кокосы, ни дремлющие на пасеке седые медведи. От всего чудесного отчетливо пахло творческим почерком отца Сергия.

Но однажды Алексей пнул цветочек аленький и увидел, что под ним прятался крохотный – с мизинец садового гномика! – кусочек серого лишайника. Он был так невзрачен, так бесполезен, так жалок, что мальчик сразу понял: никому и в голову не придет такую дрянь вымалывать. Даже ему, Алексею.

Мальчик посмотрел в голубое небо, расчерченное сеточкой противометеоритных заклинаний, и с надеждой спросил:

– Бог, а это что такое вообще?

И впервые за много лет – или даже веков – сверху донеслось:

– Форма жизни отсутствует в каталоге. Добавить?

Мальчик помотал головой, быстро намолил совочек, подцепил аккуратно лишайник и понес домой – сверяться с потрепанным ботаническим атласом. Но и там ничегошеньки похожего не нашел.

Лишайник отлично прижился в подвале под термоядерным реактором. Он рос там как на дрожжах, давал странные побеги, подмигивал глазами на стебельках, громко стонал нечеловеческими голосами, ласково чесал Алексея за ушком и даже пару раз теребил его за пипиську.

Мальчик был очень рад и впервые в жизни улыбался во все тридцать два зуба. Он тщательно документировал каждую метаморфозу питомца в тетради на девяносто шесть листов, а когда и ее не хватило – стал сбрасывать записи в божье облако. И не только текст, но и видео.

Дело в том, что однажды к Алексею подошла Даша, помялась, покраснела и прошептала на ушко, что ходила в подвал и ей все, в общем, понравилось. Они подробно обсудили полученный опыт и договорились, что взрослым пока ничего рассказывать не будут.

– А откуда ты узнал об этом – как его? – дарвинизме? – спросила однажды девушка, застегивая курточку на тугих грудках. – Классная штука!

Мальчик как мог объяснил, что однажды полез на пальму за кокосом, упал и провалился сквозь землю в пещеру, очнулся, огляделся – а вокруг капище катакомбных ученых!

– Да ты мой герой! – воскликнула Даша и чмокнула парня в щечку. – Ну, я поскакала. Не забывай поливать лишайник!

– Попробую побольше глюкозы в раствор добавить, – важно покивал Алексей. – Проверю реакцию.

Подвал под термоядерным реактором был большой, но спустя несколько месяцев экспериментов лишайник с трудом в нем

помещался. Стальные стены и свинцовый потолок потрескались, и настоящая – не морок отца Сергия! – жизнь пустила корни во все стороны.

По всей Земле тут и там стали на корню засыхать яблони, ни с чем возвращались на пасеку пчелы, и голодные медведи тихо выли по ночам. Людей это ничуть не заботило: пара молитв – и мир возвращался к привычному состоянию. Им было интереснее другое: зачем Даша выпросила себе у бога округлившийся живот?

– Это так модно, – подмигивала девушка. – Дарвинизм – мощная штука!

Самые смелые подруги Даши тоже вымолили себе по пузу, но быстро забросили идею – уж очень ходить неудобно, да и платья любимые не налезают. А про секретный подвал так ничего и не узнали.

Роды у Даши принимал, конечно же, Алексей. Руки у него немного тряслись от возбуждения – не каждый же день природа так отчетливо манифестирует собственную природность.

– А вдруг мы сотворили чудовище? – подумал вдруг он вслух, вспомнив картинку с ящерицей и мышкой. – Что, если оно сейчас вырвется из живота Даши и пожрет все людей – и меня, и маму, и даже отца Сергия?

Но потом отмахнулся – дескать, придет же такая чушь в голову.

Когда ребенок совсем уж отчетливо попросился наружу, Даша немного потужилась, а потом скривила рожицу и пробормотала:

– Боже, давай вот без этого.

Надутый живот ее тут же распался на две половинки, ребенок выпал – Алексей едва успел подхватить его на руки, а Даша уже вскочила, провела ладонью по вновь идеальному телу и воскликнула:

– Ну вот и ладошки! Лешенька, ты эти – как их? – эксперименты продолжай! Зови, как будет что-то интересное.

И немедленно убежала к подружкам.

Ребенок расплакался, и Алексей по какому-то наитию поднес его поближе к лишайнику. Стоило маленькой ручке коснуться ближайшего стебелька, как по всему огромному тулову монстра прошла дрожь. Расползшиеся по всей Земле щупальца словно стягивались обратно, раны на корпусе реактора зарастали одна за другой. Лишайник усыхал с пронзительным писком, а ребенок, наоборот, довольно и сыто агукал.

Прошло несколько минут, и практическая часть научной работы – той, которая должна была прославить Алексея и привести к нему первых апостолов его теории эволюции – пропала без следа. Но парня это абсолютно не волновало. Перед ним стояла проблема посерьезнее.

Ребенок опять заплакал.

В этот трудный момент Алексей поступил так же, как и любой парень в его ситуации. Он поднялся из подвала с лишайной субкультурой, захлопнул его дверь навсегда и пошел домой.

Через несколько часов, когда счастливая мама уложила спать сначала внука, а потом и сына, она вышла на крыльцо, посмотрела на небо, улыбнулась и прошептала:

– Спасибо, господи! Это было странное решение молитвы, но результат ведь есть.

И уставший, но довольный отец Сергей через иллюминаторы корабля рейса «Солнечная система – Альфа Центавра» подмигнул ей звездами в ответ.

Хамартай Грей ДРУЖБА

Гигантский Змей выползал из-под темной колоды, оставшейся от когда-то спиленного лесорубами огромного сухого дерева, и складывался перед ними рядами тугих узорчатых колец.

– Видишь! Видишь! – Ленька крепко держал товарища за плечо. – Я же говорил, он здесь живет. Не бойся, он не страшный.

Стуча зубами, Васек едва удерживался от того, чтобы не задать стрекача подальше от этого места – ему не хотелось упасть в глазах своего друга, видевшего Змея не один раз. Неторопливое движение колец закончилось. Голова Змея приподнялась на добрых пару метров и застыла, возвышаясь над ребятами. Немигающий взгляд, казалось, уходил в никуда, пустота глаз не имела ничего общего с наполненной живыми красками лесной поляной.

– Что ж это, он так и будет висеть? – спросил Васек.

– Тихо, – шепнул Ленька. – Смотри ему в глаза и молчи.

Васек принялся старательно вглядываться в желтые круги с черными прорезями зрачков, и ему почудилось, что Змей пристально смотрит на него, не обращая внимания на Леньку. Так прошло несколько минут. За это время вся жизнь замерла в лесу, и даже легкий ветер, до этого трогавший верхушки елок, затих и спрятался где-то в облаках. И тут Васек увидел в глазах Змея песчаную дорогу, ведущую в их деревню. Пшеничное поле с одной стороны дороги, а с другой – густой частокол пыльной, молодой, еще не вставшей в полный рост кукурузы. А в деревне – серые избы, повернувшиеся нагретыми боками к солнцу. Там, дальше, за косогором, петляющая река. Дед, дремлющий в лодке. Бесклевые и годы, наверное, сморили его. А еще Васек увидел, как вчера он стащил у деда заготовленную на вечер козью ножку и торопливо выкинул, прячась за амбаром.

Внезапно деревенская картина сменилась чем-то странным. Огромные каменные дома стояли двумя рядами серых стен. Между ними бежали люди. Раздавался какой-то треск, вопли, были слышны стоны. Некоторые бежавшие падали и уже не поднимались. По улице зигзагами мчался паренек в рабочей тужурке и кепке, на его лице для взрослости топорщились усы.

– Гады! – кричал парень. – Гады, в своих, у-у-у... – теряя голос от быстрого бега, он перешел на хрип. И Васек вдруг понял, что этот паренек – он сам, только старше лет на семь.

«Какой важный-то, с усами...» – мелькнула у него мысль и тут же исчезла, так как парень в тужурке, и другие люди, и дома

пропали, а на их месте возникло ужасное железное чудовище. Оно, грохоча и лязгая, ползло прямо на мальчугана.

Васек замер. Ничего подобного он не видел, да и не было на белом свете еще ничего подобного. Чудище остановилось, а его округлая голова с длинным тонким носом начала поворачиваться в сторону. Раздался грохот, и истошный крик: «Патрон давай, патрон! А-а-а, сука-а-а-а!» вырвал Васька из оцепенения.

Рядом стоял Ленька и дергал его за руку:

– Васька, очнись! Очнись!

Непонимающе осмотревшись, Васек наконец увидел и друга, и лес, и небо, и Змея, все так же нависающего над ними. Неожиданно он оттолкнул Леньку и бросился наутек. Бежал долго, не оглядываясь, и, совсем уже обессиленный, упал на дорогу, там, где она выходила из леса и начинала разрезать поле пополам. Никто не ехал, никто не шел по дороге, и некому было спросить, почему это пацан лежит в пыли, закрыв глаза, и тяжело дышит.

Там его и нашел Ленька. Васек уже немного ожил и сидел у дороги, в том месте, где вспаханная весной земля образовала холмик, заросший травой и цветами. Ленька сел рядом и положил руку на плечо другу. Так они и просидели чуть ли не до вечера.

– Пойдем уж, – первым заговорил Васек, давая понять, что он благодарен Леньке за скупую, но столь необходимую поддержку.

Ребята отправились в деревню. Они шли рядом, часто соприкасаясь плечами и чувствуя крепость своей дружбы.

– Расскажи о Змее, – попросил Васек. – Почему ты меня не предупредил о наваждении?

– А ты пока не увидел, не поверил бы. Ты же шел на Змея смотреть, а как картинки увидел, то про него и забыл, небось?

– Забыл. Сам-то Змей не такой уж страшный оказался.

– Не страшный. Мне его дед показал. А ему – его дед. Он кузнецом был. Его все боялись. Колдуном считали.

– Ленька, я себя увидел, только взрослого какого-то, с усами. И еще чудище железное, оно ползло на меня. Что мне Змей показал-то?

– А Змей и не показывает. Ты сам в его глазах все видишь. И прошедшее, и сегодняшнее, и будущее. От человека зависит, что он увидит.

– Выходит, я будущее видел?

– Выходит, так.

– И оно обязательно сбудется?

– А это уж тебе самому решать. Отступишь ли от чего или, наоборот, решишься и увидишь в глазах Змея другую картинку.

Васек приостановился, передернул плечами, быстрым шагом догнал Леньку, и до самой деревни они шли молча.

Руслан Шагманов СТРОГО ПО ПОРЯДКУ

«Игуана» оказалась последней в череде кораблей, посетивших маяк за эту неделю. Аviso торжественно отошел от пирса.

Олег прощально помахал вслед корме уходящего в безбрежную даль почтовика.

– И ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце...

Оставалась самая малость: навести относительный марафет, забрать гостинцы, оставленные визитерами, записать все события в бортовой журнал, вымыть руки и поужинать.

Именно в таком порядке. И никак иначе.

– Трюфель, убрать защиту! Влево, Вафель, скорее! Ну, аллюр два креста!

Впрочем, особой необходимости в командах не было. Каждый знал свои обязанности назубок. Киб-автомат с красного цвета единичкой на груди, получивший прозвище «Вафель», ринулся исполнять приказание: наблюдать, как автоматика убирает кнехты в специальные шахты. Второй киб, оранжевый «Тюфель» (правда, эта кличка была придумана не Олегом, а беззастенчиво содрана из «Сонаты моря»), взялся за швабру и принялся методично надраивать и без того безупречный пирс. Следующему далее по ранжиру желтому «Трюфелю» досталась сложная задача – перенести вещи. Желательно разом.

– Доверяю тебе дело большой важности, – сказал ему Олег. – Если ты вынесешь все это из нашей авгиевой лаборатории, получишь банан.

Трюфель на миг замер перед внушительной грудой, выдвинул дополнительные манипуляторы, обхватил свертки, крикнув по-стариковски, поднатужился и попытался выпрямиться. Вафель, завидя бесплодные попытки своего товарища, метнулся на помощь. Суетливо путаясь под ногами, он лишь подавал невнятные советы.

– Поднатужился немножко: «Как бы здесь на двор окошко нам проделать?» – процитировал Олег.

Тюфель, педантичностью уступающий разве что хозяину, заметил суматоху, удивленно присвистнул и тут же зачехлил метлу. Решительно отодвинув возмущенного такой бесцеремонностью бесполезного Вафеля, он схватил в охапку Трюфеля, крепко держащегося за свертки, и, тяжело отдуваясь, потащил к зданию.

Вафель, пытаясь хоть чем-то угодить, поскакал открывать ворота в грузовой отсек.

Олег, убедившись, что ничего после троицы не осталось, удовлетворенно хмыкнул, зашел в шлюз и задраил вакуум-створы. Терпеливо дождался, пока уравнивается давление, перебрался в тамбур, скинул скафандр и спрятал его в шкаф. А затем направился в командную рубку.

В принципе, космические маяки давно уже были автоматизированы и обязательного присутствия человека не требовали. Однако сохранилась старая добрая традиция, сформировавшаяся еще во времена освоения Ближнего и Дальнего Внеземелья.

Потому после выхода на пенсию Олег Бегунов, бывший старший штурман «Антилопы», и обосновался на Обероне. Именно этот спутник Урана облюбовало и использовало под свои нужды Управление Космофлота, оборудовав на планетоиде маяк. Решение Олега, так и не сумевшего обзавестись семьей, удивило руководство, но мешать зрителю нести бессменную полугодовую вахту никто не собирался. Зачем сдерживать добровольца в таком начинании? Главное, обеспечить его всем необходимым и даже исполнить некоторые мелкие прихоти.

Оставив кибов разбираться с вещами, Олег поднялся на верхний этаж. Там находился головной компьютер, который и следил за бесперебойной работой маяка.

– ЭАЛ, я сейчас буду вынимать блок. Выключи питание управления антенной.

Олег сделал запись в вахтенном журнале, посетил душевую и с чистой совестью и отмытым телом спустился в кают-компанию. Там его ожидал праздничный банкет в полном одиночестве в трех миллиардах километров от родной Земли. И кибы не подкачали, накрыв воистину королевский стол.

– Ешь ананасы, рябчиков жуй... – Олег не стал полностью цитировать двестише подзабытого поэта.

И пусть ананасы были консервированные, а рябчиков заменяла копченая курица, он, тем не менее, остался доволен ужином.

Олег возбужденно потер руки – предстоял десерт. Венец человеческой мысли. Причем целая сотня экземпляров.

Олег взял три книги, любезно преподнесенные Трюфелем, и открыл первую.

«Филадельфия, где родился Фрэнк Алджернон Каупервуд, насчитывала тогда более двухсот пятидесяти тысяч жителей. Город этот изобиловал красивыми парками, величественными зданиями и памятниками старины».

Затем вторую.

«Консул Гегемонии сидел на балконе своего эбеново-черного космического корабля и на хорошо сохранившемся «Стейнвее» играл прелюдию до-диез минор Рахманинова, а снизу, вторя музыке, неслось мычание громадных зеленых псевдоящеров, бултыхавшихся в хлюпающей болотной жиже. С севера приближалась гроза».

Третью.

«В углу курительного вагона первого класса судья Уоргрейв – он недавно вышел в отставку – попыхивал сигарой и просматривал отдел политики в «Таймс». Вскоре он отложил газету и выглянул из окна. Поезд проезжал через Сомерсет».

Олег откинулся в кресле и блаженно расслабился. Ближайшие полгода никто его не побеспокоит. Перерывы на обед и связь с Землей – не в счет. Главное, он будет читать.

С какой начать?

Конечно же, строго по порядку.

От редактора:

Для тех, кому лень искать источники: в рассказе приведены цитаты из произведений А. Грина, К. Булычева, А. Пушкина, В. Маяковского, Т. Драйзера, Д. Симмонса, А. Кристи.

Станислав Янчишин

ХОРОШО БЫТЬ КОРОЛЕМ!

Королю Бургундии Бозону Пятому было скучно. А еще он хворал. Или нет, не так! Королю было скучно именно из-за того, что он хворал. Вроде и болезнь-то была пустяковая, не героическая – насморк. Рана, полученная в бою или на охоте, воспринималась бы им куда легче. Переломы тягостны, но понятны. А здесь какой-то паршивый насморк, да еще озноб и чудовищная слабость. Короля не развлекали ужимки шутов, его раздражала музыка, резал глаза солнечный свет. Еда не казалась аппетитной. Противные снадобья, коими его пытались потчевать лекари, вгоняли в тоску. Немного утешало лишь целебное вино с медом и пряностями.

Сегодня короля удручало еще одно обстоятельство. Ведь завтра был день оглашения ежегодного Королевского Слова. Событие важнейшее для всего государства! Все вассалы ждут, все подданные ждут. Да и окрестные властители тоже ждут, прислушиваются. Всем интересно узнать, что король могучей Бургундии скажет. А для того, чтобы что-то великое сказать, нужно сперва речь сочинить. А для того, чтобы ее сочинить, надобно вдохновение. А откуда взяться вдохновению, если одолевает этот проклятый насморк! И озноб бьет. Как там новый министр по-латыни сказал? «Температура». Да, умный человек, просвещенный, все науки превзошел. Кстати, а не позвать ли его? Пусть посоветует – он же министр-советник!

Король задумчиво посмотрел на свое отражение в большом венецком зеркале. Мужественное и благородное лицо гладко выбрито. Голову тоже недавно пришлось побрить, когда стали заметны признаки лысины. Негоже государю ходить плешивым. Что ж, тем лучше он смотрится в новом парике. Мудрый взгляд... Кстати, надобно проследить, чтобы живописец отобразил его именно таким. Вот только глазные белки сейчас красные, все эта хворь проклятая! Орлиный нос...

Стоило о нем подумать, как в монаршем носу засвербело, и король громко чихнул. Властитель Бургундии высморкался и с неудовольствием взглянул на комок слизи, сползавший по драгоценному стеклу.

Пока вбежавший на звук колокольчика слуга безразлично оттирал королевское зеркало от следов болезни, король с досадой рассматривал собственные ногти. В мире было две вещи, которые он любил, любил самозабвенно: бой на мечах и произне-

сение пламенных речей. И вот сейчас он, повелитель, защитник и прочая, был лишен половины своих радостей.

Хлопнув ладонью по столу и хрипло выругавшись, Бозон Пятый приказал срочно разыскать своего министра-советника.

Министр был человеком насколько выдающимся, настолько же и странным. Выходец из незнатной богемской семьи, он за несколько лет сделал головокружительную карьеру. Проявлял недюжинные знания в самых разных областях, был удачливым коммерсантом и ловким интриганом. При этом – плохо ездил верхом и крайне заурядно фехтовал. Злые языки поговаривали, что министр вообще человек подлого происхождения. Но королю Бургундии было глубоко плевать на генеалогию своего советника. Знати при дворе хватало.

– Ваше величество, – послышался мягкий вкрадчивый голос. – Верный слуга явился по первому зову своего государя!

Министр-советник был высок ростом и улыбчив, красноречив и подвижен. Его спина порой изгибалась в таких замысловатых поклонах, что старые опытные царедворцы восхищенно цокали языком и бросали взгляды, полные профессиональной зависти. Вот и сейчас он умудрился скрючиться в какой-то новой подобострастной позе, не забывая преданно взирать на обожаемого монарха.

Но сегодня государь был явно не настроен выслушивать велеречивые приветствия. Он мрачно кивнул в ответ и подозвал сановника поближе.

– Ну, какие у нас важные государственные дела?

И начался нудный диалог, требующийся для введения читателя в курс истории, географии и политической системы параллельного мира.

Обсудили известие о взятии шотландцами Йорка. Порадовались победам мадьяр над турками. С кислой улыбкой принял король послание Римского императора, в котором старый плут поздравлял его с годовщиной коронации. Затем подписал парочку помилований. Распорядился выслать богатые дары к свадьбе своего кузена и союзника герцога Бретонского с принцессой Наваррской. Однако всерьез взволновало короля лишь письмо Раймунда, графа Тулузского и Триполитанского.

– Выходит, Раймунд предлагает союз, – задумчиво протянул Бозон. – Что ж, объединившись, мы наконец-то сможем покончить с этими фран... фран.. – И король дважды громко чихнул.

Пока он сморкался и вытирал слезящиеся глаза, министр угодливо кивал, как фокусник доставая из рукавов носовые платки и подавая их монарху.

– Ваше величество совершенно правы! Если этот союз будет свершившимся фактом, Франкское королевство перестанет существовать. Прекрасная картина сложится, мой государь. Три государства поделят эти земли – Тулуза-Аквитания, Бретонское герцогство и Бургундия. Мы будем доминировать в этом союзе, и наша великая страна раскинется от Средиземного до Северного моря! Вы станете управлять самой могучей державой Европы. А впоследствии – и всего мира!

Министр говорил столь вдохновенно, глаза его блистали так пламенно, что король, освободившийся от соплей, даже заслушался.

– Велико искушение, – вздохнул монарх, помолчав немного. – То же самое его отец предлагал моему отцу.

– Ваше величество, такое искушение не имеет срока давности! – лукаво улыбнулся министр. – И все же, если позволите...

– Ладно, подумаем. Не за тем тебя звал. Помнишь, какой завтра день?

– Разумеется! День ежегодного послания пре... – Министр испуганно осекся. – Я хотел сказать, день оглашения ежегодного Королевского Слова.

– Вот! – Бозон Пятый назидательно кивнул. – Сейчас сочинять будем! Видишь, в каком тяжелом состоянии твой государь? Давай-ка за работу принимайся. Там, на верхних полках – Цицерон, Платон, мои избранные речи и прочие сокровища мировой мудрости. Доставай и тащи сюда!

– Как прикажете!

Министр быстро взобрался по лесенке, стоявшей у книжного шкафа, и стал собирать нужные книги. Тут что-то небольшое выскользнуло из-под его камзола и с металлическим стуком упало на пол.

Король поднял непонятный предмет и принялся его рассматривать.

– Занятная вещица! Что это?

– Осторожнее, ваше величество! – Министр буквально побелел. – Это древний и очень могущественный артефакт. Магический! Он способен...

* * *

Вбежавшая на грохот стража увидела бездыханное тело вельможи и невредимого короля, задумчиво рассматривающего труп.

– Министра поразил небесный гром, – печально промолвил Бозон Пятый. – На все воля божья... Унесите несчастного!

Король прошелся вдоль стола, вынул из потайного ящика неприметную книжицу, что-то прочел и усмехнулся.

– «Смит-Вессон», надо же! Такого у меня в коллекции еще не было. Теперь и у нас револьверы найдутся! – улыбнулся монарх. – Верно батюшка-то предупреждал перед смертью. Завещал, чтобы берег я Бургундию и весь этот мир. Мы здесь первые были. А они так и лезут, будто им тут медом намазано! Достали уже, попаданцы хреновы! – Король оглушительно чихнул и досадливо поморщился. – Надо же, шастают, проходимцы, по чужим мирам и вселенным, а толкового лекарства от простуды придумать так и не смогли...

ГДЕ ПОТЕРЯЕШЬ, ГДЕ НАЙДЕШЬ...

– Так, а где финансовый отчет за прошедший год? – Король Бургундии ласково взглянул на хранителя казны.

Лицо сановника переливалось багровыми пятнами. Хотя его никто не бил. Пока что.

– В-вааше величество, – пролепетал хранитель казны, отирая пот кружевным платком. – В архиве такой беспорядок, эти служащие совсем отбились от рук! Там один писец...

– Писец, говоришь? – жизнерадостно улыбнулся монарх. – Вижу, пора растолковать тебе истинный смысл этого слова!

Несчастный сановник втянул голову в плечи, но тут послышался скрип двери и раздались торопливые шаркающие шаги.

– А вот и он! – обрадованно воскликнул хранитель казны. – Ну сколько тебя дожидаться, оболтус? Видишь, наш государь уже гневается. – И вырвав из рук испуганного клерка увесистый том, он с поклоном поднес его королю.

– Молодец! – одобрительно кивнул его величество. – Молодец! Вот теперь садись и зачитывай по пунктам, как вы тут транжирили... Да не спеши ты пугаться! Как разумно расходовали государственный бюджет в период моего временного отсутствия.

И началось чтение. Король то и дело вскакивал с места и принимался ходить по залу. Иногда с его уст срывались замысловатые иноземные слова и выражения. И хотя хранитель казны не был знатоком чужих языков, общий смысл монарших восклицаний он вполне улавливал.

– Сколько-сколько вы потратили на строительство новых ристалищ для всеевропейского рыцарского турнира?! Да на эти деньги можно было триста новых мостов соорудить и еще осталось бы на покупку захудалого пограничного графства!

– Но, ваше величество, престиж страны, гости... – лепетал вельможа.

– А отчисления на крестовый поход в Сирию? Что, храбрые воины отправились туда на слонах, покрытых бархатными попонами?

– Так ведь святое дело! И геополитические интересы...

– Где таких слонов набрался? – сурово сдвинул брови король.

– А это из бесед с благочестивыми паломниками, – виновато захолопал ресницами сановник. – Очень просвещенные люди.

– Кстати, о паломниках. Сколько им пожертвовано? – Король вперил взгляд в строчки отчета. – Что? Сколько?! – Судорожным движением он расстегнул ворот. – Судя по сумме, они отправились в глубины Тартарии и дальше, к Чинскому океану!

– О нет, государь, – наивно улыбнулся хранитель казны. – В Святую землю.

– В Святую?

– В Святую.

– Землю?

– Землю.

– Вот спасибо, дражайший мой! Открыл глаза своему любезному монарху! – И король сверкнул такой лучезарной улыбкой, что сановника прошиб холодный пот. А властитель Бургундии схватил тяжелое резное кресло и грохнул им о каменный пол. – Значит, пока я с моими храбрыми рыцарями воевал на северном побережье, гонял драконов и побеждал Кракена, вы тут решили меня по миру пустить? Дорогу к королевскому замку отремонтировать не удосужились. Зато – ристалища, содержание трубадуров, торжественные приемы, паломники, иностранные жонглеры, фестивали менестрелей, поиски философского камня, заказ на миланские кареты... Эй, придурок, нечего под стол прятаться! Вылезай и отвечай – от казны хоть что-то осталось?!

– Р-ра-зумеется, ваше вели...

– Сколько?

– Целых пять тысяч золотых, – пробормотал из-под стола вельможа и тут же прикрыл глаза ладошкой.

– И это меня всего год дома не было. – Король задумчиво взвесил в руке каминные щипцы. – Бедная Бургундия! Ладно, вылезай, бить не буду. Идем, проверим хранилище!

* * *

– Где деньги?! – Рык короля Бургундии был страшен.

Страшен, ибо хранилище оказалось пустым. Пустым от слова «совсем»! Хранитель казны, с лицом цвета мела, лишь раскачивался из стороны в сторону, тихо подвывая.

– Это, что ли, твои пять тысяч? – ткнул монарх под нос сановнику мелкую серебряную монету. – Так я жду ответа на поставленный мною вопрос!

– Великий государь! – Хранитель казны пал на колени. – Неужто... да я же... Да все же было в сохранности! Я же лично три дня назад заходил...

– Стоп! – насторожился король. – Что три дня назад?

– Я лично вынес отсюда кошель с двумя сотнями золотых и выдал его охотнику на привидений.

– На каких, крокодил тебя сожри, привидений?! – заорал властитель Бургундии.

– Настоящих, я их сам видел, эти призраки повсюду... – торопливо запричитал сановник. – Он ведь мне их показывал!

– Этот охотник? Где показывал?

– В своем жилище.

– Ты не волнуйся, хранитель, ты все вспомни, обстоятельно!

– Ну, охотник рассказывал про их злокозненность, что они везде и от них нужно защититься. Затем он воскурил особые благовония, и я узрел привидений, домовых, инкубов. Мелкие такие...

– Не зелененькие?

– Были среди них и зеленые, разных форм и...

– Воскурил? Узрел? Все ясно! Быстро в жилище этого «охотника»!!!

* * *

– Вот, государь, только это и нашли, завалилась меж досок. – Слуга поднес королю диковинную книжицу. Хранитель казны трясся и постукивал зубами.

– Ага! – торжествующе воскликнул монарх. – То, что надо! Эй, хранитель, не дрожи ты так! Деньги – пыль. Это ничего, что все пропало! Зато теперь у меня есть вот ЭТО! Слава Бургундии! – И король открыл красочный буклет под названием: «Путеводитель по параллельным вселенным. Места перехода и ключи».

Александр Басов ПЕРЕСМЕНА

Двери уже закрывались, но припозднившийся пассажир успел вскочить на подножку автобуса. Протиснулся между «Сциллой и Харибдой» в салон и едва удержался на ногах, когда многотонная машина бодро рванула с остановки, лишь только в плотном потоке транспорта отыскался просвет. Из полной пригоршни металлической мелочи пассажир выудил несколько монет и протянул кондукторше – необъятных размеров тетке в меховой безрукавке, целиком заполнявшей собой пространство между рядами сидений. Свободных мест в салоне не оказалось, и сей прискорбный факт следовало принять как данное. До конечной остановки автобусу еще пилить и пилить. Проводить это время стоя – не самое увлекательное занятие. Ни смартфон не достать, ни просто подремать, коротая поездку.

Впрочем, одно свободное местечко отыскалось. Возвышавшееся над остальными сиденьями кресло с подлокотниками, устланное домашним вязаным ковриком, выглядело тронном царствующей особы. Рядом на стекле красовалась надпись: «Место кондуктора не занимать». Это кресло так и манило к себе, обещая отдохновение уставшим ногам... Кондукторша челноком сновала по салону, обилечивая пассажиров, и ни разу не присела на свой «трон». Испытывая непреодолимое желание плюнуть на запрет, пассажир отвернулся, чтобы не смотреть в сторону пустовавшего места.

– Чего маешься, сердешный? Садись, не стесняйся, – сливая звонкий ручеек мелочи в сумку, предложила тетка. – Недосуг мне зад тулить. Работать надо.

Он и не заметил, как оказался возле кондукторского места, хотя еще совсем недавно держался за поручень в полутора метрах от вождя кресла. Благодарно кивнув, устроился на «троне» – и тот оказался верхом комфорта в сравнении с обычными сиденьями. Здесь даже рывки автобуса не воспринимались столь остро – высокая мягкая спинка амортизировала нагрузки, возникавшие в моменты ускорений. Расслабленное тело жаждало полноценного релакса, и глаза начали закрываться сами собой. Какая разница, если все равно ехать до конечной...

– Семен! Семен, хватит дрыхнуть!! – громовой, усиленный динамиками голос пронесся по салону, отзываясь вибрацией в сиденьях, поручнях и стеклах.

Дремавший в кондукторском кресле пассажир вздрогнул и бросил взгляд на заиндевшее окно, пытаясь определить, где он находится. А потом с недоумением принялся разглядывать сумку с мелкими монетами, висевшую у него на поясе, и зажатый в левой руке переносной терминал, из которого выглядывал краешек неровно оторванной ленты. Ремень сумки никак не удавалось освободить из мертвой хватки пряжки, а терминал, словно приклеенный, не желал покидать ладонь. На груди обнаружился бейджик с надписью: «Вас обслуживает кондуктор Семен».

– Семен!!! Чего расселся коровой неподоенной?! На маршрут выходим, готовься.

Пассажир в замешательстве не смог вспомнить свое имя, но был твердо уверен, что звался не Семеном и к пассажирским автобусным перевозкам никакого отношения не имел. Дичайшую ситуацию требовалось хоть как-то прояснить, ибо ни чем иным, кроме как чудовищной ошибкой, происходящее быть не могло. Занимавшего водительское место человека скрывала пестрая шторка, а в зеркале, направленном в салон, почему-то вообще ничего не отражалось. Пассажир встал с кресла и направился к кабине, но в тот же миг двери распахнулись, и вместе с клубами морозного воздуха в автобус хлынули люди, закрыв ему путь туда. А дальше все пошло так, что нечего было и думать о разговоре с водителем. Со всех сторон уже тянулись руки с зажатыми монетами, кредитками и транспортными картами.

Он машинально взял деньги, выдал первый билет, затем еще один, и еще... Руки жили самостоятельной жизнью, принимая платежные средства, нажимая кнопки на терминале, складывая деньги в сумку. Не осталось сил сопротивляться давлению обстоятельств, в момент круто изменивших его жизнь. Случившееся представлялось дурным сном, кошмаром, который обязательно закончится с пробуждением, на что очень рассчитывал новоявленный кондуктор. Дождавшись ближайшей остановки, он решил покинуть передвижной дурдом, но невидимые пути не позволяли ему поставить ногу на ступеньку, ведущую к дверям.

Еще одна странность была в том, что улицы, по которым проезжал автобус, выглядели незнакомыми. Мир, до недавнего времени казавшийся бескрайним, вдруг сузился до тесного салона, качающегося в такт движению. Громовой голос объявлял остановки, двери открывались и закрывались, люди входили и выходили, но реальности происходящему это не добавляло. Монотонная работа не слишком загружала голову, сдачу он отсчитывал почти автоматически и непрерывно думал о том, как ему выбраться отсюда. Мысли неизменно возвращались к тому моменту, когда он задремал в кондукторском кресле. С этого все

началось, и проспал он до самой конечной остановки. Другой причины нынешнего положения он найти не мог и, еще немного поломав голову, пришел к выводу: спастись можно, только подыскав себе замену среди пассажиров. Но этот вывод нуждался в проверке.

Стоявшая в проходе девушка, одетая в стильную, но, как водится, не слишком теплую коротенькую куртку, согревала дыханием озябшие пальцы и робко поглядывала на свободное место, возвышавшееся над другими сиденьями. Из установленного под креслом калорифера струился поток горячего воздуха, и было заметно, что замерзшая модница не прочь отогреться.

Протянув девушке билет, кондуктор кивком указал на кресло:

– Присаживайтесь.

– Я далеко еду, – смущенно улыбнулась симпатичная пассажирка. – До конечной.

Едва не задохнувшись от радостного возбуждения, он выдавил из себя:

– Не беспокойтесь, мне все равно некогда рассиживаться.

Продвигаясь по салону, он оборачивался чуть ли не на каждом шагу, поглядывая на удобно устроившуюся в кондукторском кресле девушку. Откинувшись на высокую спинку, она почти сразу же закрыла глаза. Избавление, еще недавно казавшееся чем-то невозможным, приобрело реальные черты спящей красавицы-пассажирки. Он почти наяву увидел, как сдергивает с себя поясную сумку с мелочью и кладет ее вместе с ненавистным терминалом на колени девушке. Затем ему вдруг представилось, как она просыпается на конечной остановке и с ужасом осознаёт, что попала в ловушку. Подчиняясь приказу невидимого водителя, бредет по проходу заколдованного автобуса, принимая оплату за проезд и раздавая билеты. Наполненные слезами глаза смотрят на двери, дойти до которых ей не суждено...

– Следующая остановка – конечная, – раздалось из динамиков. – Уважаемые пассажиры, просьба не забывать в салоне автобуса личные вещи.

Он протиснулся между готовившимися выходить людьми и ненадолго замер возле кондукторского кресла. Мотнул головой, сопротивляясь малодушному желанию, и дотронулся до плеча спящей девушки:

– Вам сейчас выходить. Приехали...

Проводив ее взглядом, устало плюхнулся на сиденье. Ноги гудели, все вокруг качалось, словно не автобус это был, а корабль среди беспокойного моря. Он рванул ремень поясной сумки и, не сумев избавиться от опостылевшей ноши, чуть не заплакал

от бессилия. Двери распахнулись, и в салон повалили новые пассажиры...

Потеряв счет времени и смирившись с неизбежным, он уже не пытался выбраться из автобуса. Мысли больше не метались в поисках выхода. Единственной реальностью были пассажиры, портативный терминал и поясная сумка. Жизнь свелась к простой последовательности действий: принял деньги, оторвал билет, отсчитал сдачу, ссыпал мелочь, купюры сложил отдельно...

– Ты чего мне суешь, уш-шлепок? С пятитысячной всего семьдесят четыре рубля сдать надумал? Охренел? – Пассажир дохнул густым перегаром, мутным взором окинул кондуктора и сосредоточился на бейджике. – Как тебя, там?.. Семен. Совсем страх потерял, Сема?!

– Какие пять тысяч? Вы мне сотенную дали. Вот. – Он показал содержимое отделения, где лежали бумажные деньги.

В другое время наверняка ответил бы наглему в его же стиле, а то и жестче. Сейчас осознания собственной правоты вполне хватало для сохранения спокойствия.

– Колян подтвердит! Коля-а-ан!!

Рядом с алкашом возник второй такой же с трудом державшийся на ногах субъект. Энергично кивнул, потерял равновесие и попятился, наткнувшись спиной на кондукторское кресло. Перебирая ногами, все-таки сумел преодолеть возвышение и забросить задницу на сиденье.

– На конечной остановке разберемся с вашими деньгами. – Злорадно улыбнувшись, кондуктор подумал о том, что выпивохи жалости недостойны, и неважно, кто из приятелей застрянет в проклятом автобусе. Будет ли это безымянный скандалист или его собутыльник Колян, все равно. Оба заслуживали подобную судьбу. – Да-да, как только накоплю разменные деньги, сразу же получите свою сдачу. Присаживайтесь, не стойте в проходе.

Одно лишь беспокоило его. Люди, которым предстояло иметь дело с новым кондуктором, ни в чем не провинились. Нетрудно предположить, насколько приятным будет их общение с хамом, благоухающим дешевым пойлом. К стоимости поездки автоматически приплюсуется испорченное настроение. Оно будет неизбежно распространяться и множиться, когда пассажиры начнут выплескивать раздражение друг на друга. Это как вирусная инфекция, только гораздо хуже.

Не желая становиться первопричиной такой инфекции, кондуктор рывком поднял Коляна с сиденья и направил к выходу из автобуса. Даже придержал, чтобы алкаш кулем не вывалился на заснеженную остановку. Справившись с этим делом, он повернулся и с удивлением обнаружил, что скандалист успел куда-то

испариться. Более того – в салоне автобуса уже вообще никого не было.

– Петровна! – послышался громовой голос водителя. – Где тебя черти носят? Пересмена!

На задней площадке прямо из воздуха материализовалась та самая необъятная тетка в меховой безрукавке. Строго нахмурившись, она протянула руку со словами:

– Кассу давай, сменщик. Выручка в порядке?

Он почувствовал, как на поясе ослаб ремень, удерживавший заметно потяжелевшую сумку с мелочью. Пряжку удалось расстегнуть без особых усилий. Словно мелкая рыбешка, из пальцев сам собой выскользнул терминал и шлепнулся на ближайшее сиденье. Следом свалился бейджик...

Он попятился к выходу, еще не веря, что все закончилось, и он обрел свободу. И, уже собираясь без оглядки рвануть из автобуса, вновь услышал гипнотический голос водителя:

– Последняя просьба. Девчушка-растеряша паспорт в салоне обронила возле кондукторского кресла. Судя по адресу, совсем неподалеку от конечной остановки проживает. Будь добр, занеси документ владелице.

Дмитрий Тюлин
ШАР АЙБЕРА

1

На выходе из аэровокзала города Мортесоль к Карлу и Джулии подбежал мужичок лет сорока пяти в клетчатой кепке.

– Такси надо? – спросил он, протирая вспотевший лоб платком.

Карл кивнул.

– Куда едем? Каждые десять километров – скидка!

– Мы желаем взглянуть на шар Айбера! – воскликнула Джулия.

– Шар Айбера? – поморщился водитель. – Это шестьдесят километров. К тому же это место пользуется дурной славой...

– Суеверия! – бросил Карл. – Изобретение Айбера признано на всем земном шаре!

Таксист вынул из кармана пиджака пачку сигарет и зажигалку, закурил, прислонившись к стальным перилам крыльца продуктового магазина.

– Ну так разъясните мне, темной деревенщине, почему те, кто туда попали, не возвращаются в наш мир, ну хотя бы ради того, чтобы выступить перед публикой, сделать себе рекламу? От этого места веет историями о покойниках и рае на том свете...

– Не согласен, – возразил Карл. – Они много рассказывают о себе в Интернете.

– Но при том нет ни фото, ни видео!

– Я полагаю, – заговорила Джулия, – в шаре Айбера так хорошо, что нет у тех, кто там, никакого желания глядеть на то безобразие, которое творится здесь. А фото- и видеосъемка внутри шара Айбера невозможны по техническим причинам.

– Айбер только прикидывался благотворителем, – продолжал ворчать мужичок. – Там, внутри шара, он устроил корпорацию, а дурачки клюют. Там их делают рабами, которые сколачивают капитал внукам нобелевского лауреата.

– Послушай, дружище, заканчивай курить! – разозлился Карл. – Либо ты нас везешь, либо мы поищем другого таксиста.

Водитель затушил бычок об урну и пожал плечами.

– Мне-то что, я человек рабочий, мое дело денежки зарабатывать, чтобы женушке супчик было из чего варить мне да ребятишкам. С вас тридцать одна латунь.

Карл отворил заднюю дверь такси и впустил туда жену. Они были красивой и состоятельной парой, любящей путешествовать. Карл – статный высокий брюнет с орлиным носом, в белом

костюме, Джулия – зеленоглазая шатенка с идеальной фигурой, в клетчатой рубашке навыпуск и джинсах. Карл неторопливо отсчитал нужную сумму из кошелька, протянул водителю. Запах волос жены пробудил в нем желание страстно ее поцеловать, и он незамедлительно сделал это. Потом, обнимая Джулию, опустившую голову ему на плечо, вынул из кейса журнал «Нью сайенс».

– Вот что тут написано! – громко произнес он, чтобы водитель его услышал. – «Шар Айбера – восьмое чудо света. В основе изобретения лежит известный еще древним грекам принцип меры. Все, что попадет внутрь шара Айбера, придет в соразмерность с тем, что уже есть там. Движение атомов, меняющее пространственную конфигурацию объектов, реализуется в шаре Айбера не сразу, а постепенно, чтобы человек, пожелавший уйти в мир красоты, не испытал дискомфорта во время морфофизиологической перестройки. Поэтому внутри шара Айбера царит гармония всего со всем, и добавление каждого нового объекта заставляет прекрасную радужную сферу расти. Когда-нибудь вся Вселенная станет огромным шаром Айбера, и это будет мир всеобщего счастья и благоденствия! Однако существует опасность, что земля, выкупленная Айбером, будет заполнена прежде, чем человечество придет к необходимости переселиться внутрь сферы...» И вот еще! – Карл ткнул пальцем в журнальную страницу. – «Что же испытает человек, оказавшись внутри шара Айбера? Он увидит прекрасный сказочный город и красивые лица. Все, о чем он мечтал, исполнится. Если же его мечты вступят в противоречие с заветными желаниям других людей, то произойдет обоюдное корректирование в соответствии с принципом соразмерности». Что вы скажете на это, господин?! Вы читаете научные журналы, понимаете музыку их языка?

– По-моему, это похоже на рекламу, – ответил водитель. – Скажите мне, выделил бы кто-нибудь хоть одну латунь на строки о сенсации, если бы болтовня не окупалась?

– Не выделил бы, – согласился Карл. – И в том-то и опасность: интерес к изобретению Айбера может пропасть раньше, чем человечество осознает, что пришло к вершине прогресса. И то, что Айбер распорядился о свободном входе в шар для каждого, свидетельствует о бескорыстии великого ученого!

Так они спорили всю дорогу, пока на горизонте, посреди бескрайних зеленых лугов, не запереливался всеми цветами радуги шар Айбера. И чем ближе подъезжала машина, тем отчетливее были видны преломленные его поверхностью разноцветные флаги на устремленных ввысь белых башнях из прекрасных снов. Над землей возвышалась только часть шара, поэтому извне он представлялся огромным куполом.

– Как он красив, – восхищенно прошептала Джулия, и Карл сжал ее ладонь.

2

Трасса заканчивалась петлей в двух километрах от радужного купола. Водитель высадил пассажиров и укатил, оставаясь равнодушным, а Джулия и Карл, взявшись за руки, побрели по влажной траве под лазурным небом к манящему миру.

Вдалеке молодожены заметили человека, который тоже направлялся к шару Айбера, то хромая, то переходя на бег. Человек на несколько секунд замер рядом с куполом, потом протянул к нему руку и потрогал пальцами стенку. Она завибрировала, заколебалась. Мужчина шагнул вперед, вошел в шар Айбера, и полупрозрачная студенистая стенка сомкнулась за ним, принимая прежнюю форму.

– Карл, – вдруг сказала Джулия, – ты войдешь один и сразу вернешься. Расскажешь, что там, и тогда пойдем вместе.

– Джулия, ведь мы хотели вдвоем!

– Перестраховаться никогда не помешает. Меня беспокоит то, что они никогда не покидают сферу. Ведь снаружи остались их близкие... Что мешает их навестить?

– Послушай, Джулия, я знаю физику! Технология совершенно безопасна!

Джулия стиснула руку мужа.

– Пожалуйста! Всего лишь через несколько секунд ты вернешься, и мы войдем вместе.

– Я мечтал, чтобы мы увидели чудо одновременно...

– Карл!

– Ты знаешь, как я тебя люблю... Ладно, будь по-твоему. Жди меня!

Карл шагнул было в сторону купола, но Джулия остановила его.

– А поцелуй?

– Поцелуй будет чуть позже, когда я вернусь.

– Хорошо.

Карл погладил по щеке сдвинувшую брови жену.

– Ну что ты, глупенькая!

И решительно зашагал к переливчатому манящему куполу.

3

Первое, что ощутил Карл, оказавшись внутри, это как его тело наливается бодростью. В воздухе веяло весной, и луга кругом цвели. Дорога, вымощенная белым кирпичом, вела к городу из светлых снов. Карл уже повернулся на месте, собираясь покинуть

шар Айбера, но тут услышал ржание. Он обернулся и увидел своего покойного деда на вороном коне. Позади него сидела в седле бабушка, обхватив грудь супруга руками. Были они красивы и молоды.

– Не может быть, – сказал Карл. – Вас похоронили. Как могли вы попасть в шар Айбера?

– Мы возникли из земли, – ответил дед. – Ты желал встретиться с нами, и атомы всех объектов внутри шара Айбера пришли в движение. Жаль, что твои родители не с нами. Как далеки они от прогресса! Цепляются за свою ферму... Разве этому я учил? Но они прозреют, Карл, я верю в сына и его избранницу! Мой сын прислушается к мудрости внука! Пойдем же скорее с нами, Натали тоскует по тебе!

– Натали? – изумился Карл. – Она тоже здесь?

– Да, она давно в шаре Айбера...

– Ее воскресили мои мысли?

– О, нет, конечно же, она и не умирала! Просто осознала, что была не права, когда ты говорил: «Судьба!», а она отвечала: «Фатум!» И ушла сюда, надеясь встретить тебя, однако шар закрутил ее так, что Натали все забыла. Но теперь вспомнила! Послушай, Карл... Луиза, ну-ка, слезай! Полагаю, тебе стоит воспользоваться моим конем, Карл. А мы с Луизой... Мы доберемся и так! Ты встретишь Натали у городских ворот. Вперед, Карл, скорее! Помнишь, как я учил тебя верховой езде, когда ты был совсем маленьким? Вперед, Карл, вперед! Потом, потом поговорим!

Карл ощутил прилив влюбленности, какого не испытывал с тех самых пор, как видел Натали в последний раз, и понесся во весь опор, насвистывая себе под нос прекрасную мелодию. Смутно вспоминался образ той, которая осталась ждать возле купола, но теперь их связь казалась Карлу ошибкой, результатом его собственной неверности: Натали одумалась! Он должен был ждать Натали! Натали! Натали! Натали!

И под цокот конских копыт Карл расхохотался навстречу солнцу и ветру, предвкушая великое счастье.

Дорога привела его к розовой благоухающей реке. С моста прыгали в воду смеющиеся красивые люди. Он оставил реку позади и помчался дальше, озирая бескрайние волнующиеся дали. И наконец увидел Натали. Она сидела на белом коне, на ней было пышное бирюзовое платье, и ее усыпанные звездной пылью локоны разметались по плечам.

– Я чувствовала твое приближение! – произнесла она, и что-то гнетущее зашевелилось на задворках сознания Карла: Натали была идеальна, а в жизни она была только почти идеальна.

– Ты красивее, чем прежде, Карл! – продолжала Натали. – О, чудо Айбера! Где твой хищный нос?

Тут Карл пришел в себя и пафосно воскликнул:

– Фатум?

– Судьба! – ответила Натали, разворачивая коня.

Они продолжили путь бок о бок. Солнце клонилось к закату, и на небе загорелась первая звезда.

В городе, куда въехали Карл и Натали, царило веселье. Люди с лучезарными улыбками танцевали на улицах среди фонтанов с разноцветными струями, фонарей в кружевной оправе, грандиозных памятников и фантастических замков.

– Счастье! Счастье! Счастье! – восклицали люди, и Карл поспешил узнать вкус поцелуя возлюбленной.

...И день за днем, ночь за ночью Карл проводил с Натали, танцевал, прыгал с моста в реку, разъезжал по полям и лугам, поднимался на дельтаплане над городом...

Тем не менее временами на него накатывало чувство неудовлетворенности.

– Шар Айбера не идеален, – посетовал он как-то Натали.

– Да-а-а? – вскинула брови она. – С чего ты решил?

– Меня иногда тревожит что-то похожее на совесть. Я вспоминаю женщину, которой обещал вернуться. Она осталась по ту сторону...

– Это флуктуации, они происходят из-за того, что в шар забираются новые люди, – объяснила Натали. – Атомы приходят в движение, чтобы объекты соразмерились с расширившимся полем, и человек испытывает дискомфорт. Это жертва, которую нам приходится платить уродливому миру, дань закону сохранения вещества и энергии. Но когда-нибудь шар Айбера поглотит весь мир, и тогда не будет вообще никаких тревог!

Карл почувствовал прилив страсти к Натали и рассмеялся.

– Флуктуации прошли! – заявил он.

– Конечно! Это никогда не длится долго!

Карл прижал Натали к себе и вновь любил ее, как в первый раз.

4

Однажды ночью флуктуации были особенно сильными. Натали металась во сне. Карл не выдержал и, стараясь не разбудить девушку, покинул палату замка. Во дворе он оседлал лошадь и направил ее туда, где встретил деда, о котором, с тех пор как увидел впервые, ни разу не вспоминал.

Удивительная картина открылась Карлу: люди проникали и проникали в шар Айбера, на глазах преобразуясь в соответствии с его внутренней соразмерностью.

«Вот почему сегодня такие флуктуации!» – подумал Карл.

Тревога, словно злая собака, грызла его все яростнее с каждым новым вошедшим, и Карл решился заглянуть по ту сторону.

Стенка дрогнула, и Карл ступил во внешний мир. На него тут же навалилась такая тяжесть, что он упал. Приподнявшись, Карл увидел неподалеку отражающую свет закрепленного на шесте фонарика оранжевую палатку и инстинктивно пополз туда. То и дело он останавливался, корчась от дикой боли, но как только она чуть унималась, продолжал путь. Когда Карл в очередной раз нашел в себе силы поднять глаза на мир, он увидел вышедшую из палатки женщину. Фонарик освещал ее безобразное лицо.

– Что с тобой? – спросила она хрипло, и изумленный Карл с трудом узнал Джулию.

– Ты никогда не была красива, как Натали, – сказал он, – но теперь стала просто уродливой, и голос твой охрип.

– Карл, почему у тебя горб?! – воскликнула Джулия. – И глаз твой почему косит?

– У меня горб? – Карл попытался подняться на ноги, но у него ничего не получилось. – Нет у меня никакого горба! А вот почему ты стала такой страшной? Почему охрип твой голос?

– Я почти не изменилась за те четыре года, что ждала тебя здесь, – возразила Джулия. – И голос у меня прежний. Твои глаза и уши такие же испорченные, как твое лицо и тело!

– Все ясно, – подумав, сказал Карл. – Нужно уйти в шар Айбера. Этот мир несоразмерен нам.

– Не-е-ет... – покачала головой Джулия. – Теперь я туда ни за что не сунусь.

– Тогда нам придется расстаться.

– Карл, я люблю тебя, даже таким, каким ты стал!

– А я не люблю тебя. И ненавижу этот мир.

– Хрустальная игрушка этот твой шар Айбера! Наркотический дурман! Тепловая смерть Вселенной!

– Пошла ты!

Карл отвернулся и пополз назад. Джулия пошла следом за ним.

– Смысл существования человека, – фанатично начал бормотать он, в очередной раз отдыхая, – в том, чтобы познавать мир и создавать на основе науки технологии. Рано или поздно человек преобразует под себя посредством техники весь мир. И какая разница, говорим мы о сумме технологий или о вершине всех технологий – шаре Айбера...

– Мир вечен и бесконечен! – возразила Джулия. – Не может являться вершиной прогресса то, что несоразмерно главному достоинству Вселенной, и человек всегда будет жить и улучшать этот мир!

Люди тем временем продолжали заходить в шар Айбера, и Карл заметил, что шар расширяется, его стенка приближается, миллиметр за миллиметром наползая на траву.

Джулия схватила Карла за руку.

– Уйди! – каркнул он.

Стенка купола все ползла и ползла вперед, переливаясь перламутром, и Карл негодовал на жену за то, что та удерживает его от облегчения и свободы, затягивает наступление вождя мгновения. Вдруг шар Айбера лопнул как мыльный пузырь, рассыпался на мириады искрящихся частиц звездной пыли, обнажая тлеющий вдали зеленоватым светом уродливый средневековый городишко. Жуткие, похожие на сказочных троллей и гоблинов люди озирались по сторонам, а некоторые, подобно Карлу, не могли стоять на ногах. Они стонали и корчились на траве, как на гравюре, изображающей грешников в аду.

Карл закричал от ужаса, но тут ему стало легче. Городишко менял очертания, постепенно превращаясь в самый заурядный современный город, и приходившие в себя кругом люди возвращались к тому самому невзрачному облику, который явил Карлу и Джулии таксист у выхода из аэропорта.

Карл поднялся на ноги и сплюнул.

– Вот черт! – выругался он. – Проклятье!

Он посмотрел на жену и виновато улыбнулся.

– Красавица моя! Я просто не разобрался в критериях прогресса. Идеальные фигуры застилали от моего взора космические дали.

– Видишь седину у меня в волосах и морщинки на лице? – спросила Джулия. – Иногда философские ошибки дорого обходятся...

– Гляди, метеор! – воскликнул Карл. – Можно загадать желание...

– Мало их у тебя исполнилось за эти годы?

Карл не знал, что ответить. Ему было просто стыдно, досадно и неприятно.

Звезды продолжали падать с неба, а Карл все цеплялся за мысль о вечном двигателе, стараясь не встретиться глазами с женой...

ПОЭЗИЯ

Николай Проценко
НА СЕГОДНЯ Я НИЧЕЙНЫЙ...

ОБОЖАЮ

Обожаю абсурд ситуаций,
Где, прикинувшись, будто ничьи,
Мы играем спектакль, как паяцы,
В клоунаде притворной любви.

Обожаю бесцельность стремлений,
И бессмысленный лепет мечты,
И обман иллюзорных мгновений, –
Тех, когда появляешься ты.

Обожаю нелепость свиданий,
Где фальшивые мы, не любя,
Не скрываем постыдных желаний...
Обожаю – тебя!

ПЕРЧАТКИ

Мне домой не торопиться –
На сегодня я ничейный.
И в кафе мелькают лица...
И гвоздика и корица
В обжигающем глинтвейне.

А погода – хуже гадкой;
И невесть откуда мчатся
Ветер, холод и осадки...
На твоих руках перчатки –
Ты уже должна прощаться.

Я поднялся на ступени –
И теперь равны мы ростом.
И при людях, без стеснений,
Мы на легкий всплеск мгновений –
Губы в губы. Все так просто...

Юлий Шанс
ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

СМЕХ

Я не помню лицо, я забыл твое имя,
Но остался со мной твой серебряный смех.
Твой серебряный смех – он несется в эфире
И пронзает насквозь мой защитный доспех!

Я тебя повстречал в Алазанской долине,
Там, где лотос цветет у слияния рек,
Я тебя потерял в Аравийской пустыне,
Где дождей не видали почти целый век.

Это было давно, до времен фараонов,
Это было давно, до времен пирамид...
Твой серебряный смех – он не знает законов,
Он звучит через вечность, хоть длился лишь миг!

Я не помню лицо, я забыл твое имя,
Но остался со мной твой серебряный смех.
Твой серебряный смех – он несется в эфире
И пронзает насквозь мой защитный доспех!

Припев:

Мы встретимся снова случайно,
Потом, через тысячи лет...
И я тебя сразу узнаю,
Услышав серебряный смех!

2018

НЕПОБЕДИМ

Не повторяй, что я снова один –
Просто пойми, что я непобедим.
Просто услышь то, что слышу лишь я,
Просто подстройся к тональности дня.

Просто сотри старый рэп в голове,
Просто беги босиком по траве,
Просто представь, что долина наш дом,
И никому мы не скажем о том.

Просто молчи – и откроется шлюз,
Только тогда ты услышишь мой блюз,
Только тогда ты узнаешь секрет –
Что побеждать меня смысла-то нет.

Припев:

Мы войдем в долину маков,
Мы понюхаем цветы,
Очумев без ароматов,
Мы попадаем в кусты...

2018

ЧЕРЕМУХА**(переработанный удлиненный вариант)**

Ты зачем, Черемуха, среди бела дня
Соблазняешь гроздьями многих и меня?
Ты зачем, родимая, вышла на дорогу
И стоишь, открытая всем ветрам, под богом?

Низко дымка стелется – будут холода.
На дороге сходятся счастье и беда...
Сядет путник праведный в тень твоих ветвей,
Утеплит землицею верх твоих корней.

Станут девки пьяные хоровод водить,
Песни окаянные будут заводить
И венки чудесные будут заплетать,
Ветви твои тонкие примутся ломать.

Все подружки из лесу выстроились в ряд,
Их глазенки черные завистью горят!
Лишь сосна усохшая, стоя на холме,
Знает, чем всё кончится – знает по себе...

Припев:

Как-то Добрый Молодец потерял дар речи,
А Кощей Бессмертный от тебя ослеп...
От любви нечаянной только время лечит,
А от страсти пагубной средства вовсе нет!

2019

От автора: Укороченный вариант написан в 1986 году, опубликован в 2017 году.

Игорь Дьячишин
ВСЁ ЕЩЕ ЛЮДИ

Спасибо Олесе Михайловой, Питеру Уоттсу, Софии «Сэндэй» Цимбал, Наталии Шевченко, Полине, Александре «Rachel», Александру Исакову, Ренате Юнусовой, Гэри Мяу и Надежде Тризне

...Те две важные вещи, что мы уяснили себе за последние десять лет: первая – создать обладающую самосознанием искусственную систему относительно несложно, настоящая проблема – сделать такую систему «умной»; вторая – живые нейроны по отдельным важным для нас возможностям превосходят кремний, графен, оксид галлия (III) или нитрид галлия и куда более неприхотливы, нежели квантовые вычислители. Возможно, что будущее искусственного самосознания главным образом находится в рамках химерного подхода, сочетания преимуществ живых нейронных структур и других компонентов...

Ло Минчжу, «Wetware и аугментации центральной нервной системы: раскрывая потенциал». *International Journal of Automation and Computing*, 2031

* * *

2082, лето

- Привет. Здесь свободно? – Девушка, невысокая, светловолосая, указывает на стул напротив.
- Привет. – Он улыбается. – Но я кое-кого жду.
- Ты меня не узнал? Ты ведь и есть тот самый Алан, верно?
- Карла?..

В голове все еще остаются смутные ощущения от предыдущего видения, но они стремительно тают. Алан моргает, глаза несильно слезятся, приспособляясь к освещению.

Комната с белыми стенами, пространство залито в меру ярким светом. Алан здесь не один. В помещении стоят двое, женщина и мужчина. Алан хорошо помнит женщину. Это одна из его матерей. Ее прическа не такая, как раньше («Когда? Сколько прошло времени? Что именно произошло?»), рыжие волосы уложены назад.

Не получается пошевелить ни рукой, ни ногой, даже шея упрямо отказывается подчиняться, только веки и глаза.

Он пытается задать вопрос, но что-то мешает.

– ...Стоит блок, чтобы избежать травм при пробуждении... снимать постепенно...

Механические руки быстрыми и предельно точными движениями освобождают нижнюю половину лица от чего-то напоминающего маску.

Еще одна попытка.

Алан слышит свой голос:

– Где я?

Слова даются трудно, выходит почти шепот.

Женщина – ее зовут Джоан – наклоняется к нему.

– Не волнуйся. Все будет хорошо.

Почему-то Джоан вызывает у Алана неприязнь, он не может вспомнить точно, по какой причине.

– Функции памяти явно еще недостаточно восстановились, но это, скорее всего, временно. Пока все идет в соответствии с планом.

– Подобные нарушения ожидалось?

– Да. – Джоан и Кох шли по коридору Чёрчленд-центра. – Вполне возможно, они пройдут уже в ближайшее время. – Мужчина сделал паузу. – Кстати... Ваш сын произнес какое-то имя. Карла?.. Кто-то из его знакомых?

– Да, – холодно сказала Джоан. – Одна его знакомая.

– Как он?

– Пока трудно утверждать что-то наверняка, по крайней мере он бодрствует, – ответила Джоан. – Проводят кучу разных тестов, я еще не знаю подробностей.

Эмме хотелось наконец разрушить неопределенность, и одновременно она боялась худшего. Месяцы ожидания, сомнений, страхов...

Джоан старалась выразаться как можно осторожнее:

– Ты же знаешь, как все серьезно... Я имею в виду, надежды есть, реальные надежды, но это уникальный случай... Никто точно не знает.

– Ты чего-то недоговариваешь.

«Да уж, молодец. Умеешь успокоить и подбодрить», – подумала Джоан. Но, с другой стороны, не врать же. Она сама волновалась не меньше Эммы и хорошо представляла себе ее состояние, но что могла сказать? Какую-нибудь глупость вроде «все будет хорошо»? Наобещать невесть что?

– У него сейчас проблемы с памятью. Фиксационная амнезия – проблемы с запоминанием нового и частично с долговременной

памятью. Пока. Такое может быть из-за того, что его обновленный гиппокамп еще не функционирует как надо.

– Может, мне стоит...

– Лучше чуть позже. С ним сейчас работают специалисты. Я и сама пролезла только как участница проекта.

Джоан боялась: сейчас супруга начнет кричать, обвинять ее. Но ничего такого не произошло.

Они стояли, прижавшись друг к другу, в коридоре приемной Чёрчленд-центра: одна очень худая, с длинными, распущенными темными волосами, другая чуть пониже, рыжая.

Джоан услышала, как Эмма тихо проговорила имя.

«Алан».

В ту ночь, когда Джоан пришла домой, жены занялись любовью. На голове у Эммы была шапочка транскраниального интерфейса, Джоан использовала имплантаты. Подключенные к маленькой локальной сети для двоих, женщины ласкали друг друга еще и ментально, с помощью согласованных, «утвержденных» за время их отношений стимулов. Какие-то направлялись одной партнершей к другой волевым усилием, какие-то возникали непроизвольно. Интерфейс по умолчанию не был предназначен для межмозгового сообщения, функционал был расширен с помощью стороннего ПО. Как часто пишут в инструкциях, «производитель не несет ответственности» – но в данном случае все было достаточно безопасно и отлажено на совесть. Очень невысокая степень интеграции и небольшой разлад «эго», дающий легкое ощущение ассоциации себя с партнершей. Первой кончила Эмма, транслируя в сеть букет чувств и доводя до оргазма теперь уже Джоан.

Потом они вдвоем долго лежали вместе в полутьме спальни и болтали, делясь тревогами и надеждами. Интерфейс был все еще активен, и это помогало общению, напрямую раскрашивая разговор эмоциональным многоцветьем.

Утилита-будильник в заранее заданное время пробудила Джоан, изменив режим активности мозга. Джоан ушла из дома очень рано, проспав от силы часа четыре и не став будить жену; она оставила Эмме личное сообщение о том, что снова отправляется в Чёрчленд-центр.

* * *

2081, осень

Очередное непримечательное утро очередного непримечательного дня, похожего на сотни других. Джоан встала за три минуты до времени срабатывания утилиты-будильника. Эмма спала рядом: распрощавшись недавно с местом представительницы

пищевого концерна, она находилась в поисках нового (частая смена работы давно не была для нее чем-то необычным). Сын, очевидно, уже отправился в школу. Итак, что ожидает сегодня? Две пары, старомодные живые лекции перед двумя потоками, затем можно не возвращаться домой, а поработать прямо в университете. Опять Эмма будет ныть, но, хочется надеяться, быстро отойдет. Джоан искренне ценила их отношения, до сих пор, но временами работа на дому у нее просто не шла. Слишком много отвлекающих факторов, возможно?..

Она начала аккуратно выбираться из постели, чтобы не разбудить жену. Кажется, удалось...

Черт.

Эмма, все еще с закрытыми глазами, издав тихий стон, повернулась к Джоан, затем с трудом приоткрыла веки.

– Спи.

– Во сколько ты придешь? – проговорила Эмма сонным голосом.

Лучше сразу признаться.

– Я сегодня задержусь немного, может, около шести вернусь.

– Опять будешь торчать в университете? Я тебя ненавижу. –

Эмма слегка потянулась, зевая.

– Взаимно.

– Алан уже ушел?

– Судя по времени, думаю, да. – Было восемь утра.

Джоан быстро поцеловала жену в щечку. Та, снова закрыв глаза, свернулась на постели, будто огромный эмбрион. Джоан поднялась и направилась на кухню. Обычная рутина – чистка зубов, душ, приведение всех имплантатов в активный режим.

В голове пронеслась до боли опостылевшая заставка «Sieve»: «Только то, что интересно вам». Нейросетевой сервис обещал защиту от вездесущей рекламы и отбор новостей в строгом соответствии с интересами пользователя. Да, конечно, говорите об объективности вашего фильтра после прошедшей избирательной кампании! Надо сменить, кстати. Как-нибудь позже. Хороший фильтр – необходимость, если не хочешь утонуть в море сетевой информации.

Микроволновка. Кофе.

Одежда – как обычно, штаны и рубашка. Черные матовые туфли.

Джоан решила еще раз заглянуть в спальню. Эмма, похоже, уснула. Джоан не стала ее тревожить и направилась к двери.

Она спустилась на лифте, вышла из дома. Вокруг царил раннеосенняя благодать – не чета летней парилке. Вспомнился жут-

кий июнь этого года. Минувшее ванкуверское лето было воистину кошмаром – оно выдалось особенно влажным и притом жарким.

Ее путь пролегал до ближайшей станции наземного метро – пройти метров сто, подняться по лестнице на платформу и немного подождать поезда до университета.

Людей в вагоне хватало, однако Джоан не пришлось стоять. Она, читая краем внимания фид, активировала нужный паттерн, чтобы легко взбодриться. На станции «Беррард-стрит» в вагон зашла пара тинейджеров, парень лет пятнадцати на вид и девушка примерно того же возраста с зелеными волосами. Они активно жестикулировали. У обоих, должно быть, линзы, но почему-то не используют функционал полностью – может, устают глаза или просто хотят всамделишно кидаться смайликами, словно снежками, и тому подобные глупости творить (сомнительное развлечение). Движения их рук в полупрозрачных эффекторных перчатках напоминали одновременно представление клоунов-мимов и разговор на языке жестов.

Парень, махнув рукой, случайно задел Джоан по лицу, после чего рассыпался в извинениях.

«Черт».

Но Джоан ничего не сказала, лишь снисходительно улыбнулась, затем принялась снова изучать материал лекции, держа на периферии сознания фид. Примерно через час ее опять ждет знакомая публика – меньшинство, действительно ценящее живые лекции, и те, для кого все это, напротив, лишь формальность. Ну и, конечно, непременная когорта вейстеров, которые то и дело отвлекаются, – большая часть таких быстро отсеивается, но кто-то да остается до последнего курса. Всегда. Тотально зависимые от инфопотока социальных медиа и не умеющие с ним справляться должным образом, с приобретенным дефицитом внимания, они испытывают сложности с концентрацией. Джоан их по-своему жаль.

В отличие от них, Джоан способна совмещать просмотр фида с более серьезными делами – спасибо модифицированному мозгу. Правда, все равно приходится пользоваться фильтром.

...Университет, конец линии. Пора выходить.

После лекций Джоан покинула огромную гулкую аудиторию и направилась в исследовательское крыло комплекса. Вполне ожидаемо, там никого не было. Вот и прекрасно.

Когнитивно Джоан и так заметно отличалась от простых людей, но в ближайшие часы она должна была стать еще более модом. Компьютер проверил идентификатор. ОК. Можно подключать облачные модули. Она делала это уже много раз, но до конца,

видимо, так и не свыклась с изменением восприятия реальности, когда дополнительные мощности меняют привычный взгляд на вещи.

Предстояло в связке с напарниками, искусственными интеллектами, проанализировать логи новой нейронной модели, а затем внести точечные правки. Джоан прекрасно понимала, что это работа инженера, а не исследователя ее специальности, но деньги имели значение.

Джоан работала уже два часа. Фид все так же оставался где-то в углу сознания, постоянно пополняясь. Почему-то привлекла внимание запись об аварии. Ванкувер. 14:12. Метропоезд сошел с рельсов. Погибших нет, десять раненых. Что эта запись делает в фиде? Обычно такое фильтруется, происшествия Джоан привыкла смотреть отдельно. Внезапно возникло чувство тревоги – чутье мода.

Алан или Эмма? Кто-то из них был там, и поэтому сообщение получило приоритет и попало в ленту?

Надо быстро позвонить и проверить. Да ну, чушь. А если нет?..

Алан не отвечал. Тревога усилилась.

Входящий.

«...Миссис Мейерс, мне очень жаль... авария на линии наземного метро... сход с рельсов... вагон рухнул на велосипедную дорожку... ваш сын... госпиталь...»

Сначала она сообщила Эмме – на случай, если та была еще не в курсе (как и оказалось). Потом быстро сохранила работу, выключила компьютер, заперла дверь и буквально побежала к лифту.

«Как же долго», – судорожно думала Джоан, ожидая, когда дверцы лифта наконец распахнутся и выпустят ее в вестибюль.

* * *

2059

Дождь.

Было около четырех, и Эмма, выйдя из кафе, намеревалась отправиться в Пондероза Коммонс. Но увидела эту девушку. Снова.

Та шла куда-то вдоль Агрономи. Лицо было почти скрыто капюшоном темного худи, но Эмма безошибочно ее узнала. Изменился сердечный ритм, снова пришло волнение.

«Ох, опять она».

Эмма вдруг подумала: почему бы не пройтись? Морозящий дождь – в сущности, не проблема.

Хорошо бы, конечно, найти хоть слабый повод...

Ею овладела неуверенность.

Но она вдруг плюнула на все сомнения и неспешно зашагала вслед за девушкой.

«Поздравляю, теперь ты вытворяешь еще более стремные вещи. Преследуешь людей в реале. И даже не пытайся оправдываться тем, что тебе просто захотелось пройтись».

Эмма шла, глядя перед собой, и думала. О том, что она сейчас делает. О том, что, закончив учебу, возможно, больше никогда не увидит эту девушку. Не потому, что не сможет в принципе – у нее может просто не оказаться оправданий для самой себя, чтобы приходиться сюда вновь, даже если она не покинет Ванкувер. А уж написать ей – казалось страшным и почти невероятным. Примерно, как подойти и заговорить.

Девушку звали Джоан. Эмма уже успела провести своего рода маленькую исследовательскую работу; она знала, что Джоан временами ведет практические занятия у студентов, специализирующихся в компьютерных науках. Могла бы поискать по фото, но не решилась сфотографировать на линзы, а уж тем более на смартфон – даже посмотреть старалась осторожно, боясь, что будет заметно, изучила расписание, узнала ее имя и фамилию. Джоан Мейерс. Порылась в соцсети и без особого труда нашла профиль (кажется, даже не фейковый, но довольно плотно закрытый настройками приватности) да короткое приложение с рейтингом и информацией для работодателей. На всем этом пути не покидала мысль: «Эмма, что же ты, черт подери, творишь?» Не то чтобы она была погружена в свои изыскания с головой – нет, просто словно между делом: почему бы не вбить в поиск имя? Потом, снова увидев Джоан где-нибудь, почему бы не... поглядеть на нее подольше (конечно же, очень, очень осторожно)? Интересно, куда она идет?.. Почему бы не пойти за ней?..

Эмма как будто сдерживала нечто, не давая тому проявиться в сознании со всей ясностью.

Дождь усилился. Не страшно – Эмма была одета подобающе, ее куртка с капюшоном и штаны из непроницаемого для воды материала не давали промокнуть. Не защищенной от влаги оставалась лишь часть лица.

Эмма толком не знала, куда идет, – просто плелась следом. Вот они свернули с Агрономи на Уэсбрук.

Эмма заметила, что расстояние между ними уменьшилось. Сама она не ускорила – похоже, это Джоан стала идти медленнее. Между ними было всего шагов пятнадцать...

Прошли остановку около корпуса отделения психиатрии. Эмма вдруг подумала: интересно, а почему девушка идет пешком?

Сомнения начали одолеваться с новой силой. Возможно, глупостей на сегодня уже достаточно. Пора возвращаться. Обратно к

остановке. Или перейти на противоположную сторону и добраться на автобусе другим маршрутом, с поворотом на Юниверсити-бульвар, правда, в таком случае придется еще прогуляться пешком... Нет, лучше первое.

Эмма повернула назад.

– Эй.

Она замерла как вкопанная.

– Да, я к тебе обращаюсь.

Эмма испуганно обернулась. К ней неторопливо шла Джоан. В ее голосе не было агрессии, как и в выражении лица, насколько Эмма могла видеть. Возможно, даже... любопытство?

Уже пять шагов.

Два.

«Вот черт».

Один.

– Я...

– Ты шла за мной от самого корпуса, где я работаю.

– Да. Я просто...

– Преследовала меня, – спокойно и твердо констатировала Джоан. – Ну, ничего не хочешь мне сказать?

Эмма понятия не имела, что ей делать.

Джоан вздохнула.

– Ты думаешь, я раньше ничего не замечала? Шатаешься рядом, как привидение, пялишься на меня и не предпринимаешь ни малейшей попытки подойти и просто заговорить. Так что когда сегодня ты в конце концов потащила за мной, я подумала: может, хоть в этот раз приблизишься и заговоришь? Но, видимо, ошиблась.

И тут из уст Эммы слова прорвались потоком:

– Прости! Да, да, я натыкалась на тебя, и часто смотрела, даже видела твою страничку, узнала, как тебя зовут. Я не знаю, что на меня нашло, я была как... зомби... И все мое поведение, все это так... так глупо.

– Ну, вот это уже получше. – И другим голосом, потише, Джоан сказала: – Никогда больше так не делай.

«Все, это конец».

– Кстати, как тебя зовут? – спросила Джоан.

– Эмма. Эмма Карпенко. – Она назвала свою фамилию. Она знает фамилию Джоан, так что это будет справедливо.

– Угу. – Джоан на несколько секунд словно задумалась. – А теперь, если не возражаешь, мы зайдем под крышу вон той остановки, потому что у меня, блин, все лицо мокрое от этого чертова дождя, и мне это не нравится, не знаю, как тебе, а он все никак не прекратится.

«Зайдем под крышу остановки? Зайдем?!»

– Да, конечно. – Эмма даже нашла в себе силы улыбнуться.

Вокруг было не оченьлюдно, а на остановке вообще никого.

– Не хочешь сказать еще что-нибудь? В принципе, я могу это сделать вместо тебя, конечно, но не пора ли само...

– Ты мне нравишься, – выпалила Эмма. Хуже уже все равно ничего быть не могло.

На лице Джоан предсказуемо не было ни тени удивления.

– Ну вот, наконец-то. Почему ты так боялась об этом сказать? То есть я понимаю, но все-таки почему?

– Ну... мне было страшно, и к тому же... я вообще не знаю, нравятся ли тебе женщины.

Эмме показалось, что Джоан едва заметно ухмыльнулась.

– То есть я хочу сказать, я вообще сильно сомневаюсь, что даже так...

– А теперь послушай. Меня раздражало, даже бесило то, что ты меня преследовала. Это действительно неприятно. При определенных обстоятельствах я поступила бы гораздо жестче, и для тебя твоя затея плохо бы закончилась. Но, думаю, ты выучила урок, и в принципе, мне кажется, ты не плохая и вряд ли такое поведение обычное для тебя дело. И, кстати... Я нашла в сети пару профилей под твоим именем. Твой – с андроидом на аватарке?

Эмма за весь разговор не заметила у Джоан характерного движения глаз, выдающего использование линз.

– Да... Как... Когда?

– Пока мы разговаривали. У меня имплантаты, – сообщила Джоан.

Эмма не считала себя модофобкой, скорее даже презирала подобные взгляды, и потому подавила мимолетно проскочивший в уме социальный стереотип «будь начеку, они не такие».

– Ты ведь нормально к этому относишься, а?

– Да. Конечно, да.

– Я отправила тебе запрос на добавление в ленту. Проверь.

Эмма движениями глаз открыла свою страничку и проверила. Она делала это быстро, но в сравнении с Джоан наверняка была просто черепахой.

– Да, всё так. Я добавила.

– О, дождь закончился. Наконец-то. А теперь я пойду. Поговорим позже. Пока.

– Да... Пока.

Джоан удалилась, а Эмма некоторое время продолжала стоять, стараясь навести в своей голове хотя бы относительный порядок.

* * *

Запись из дневника:

«09/13/2048

Сегодня после занятий Лиза привела меня на заброшенную стройку на окраине. Конечно, мне было интересно побыть с ней, к тому же не торчать дома. Seriously – я так рада, что она есть у меня и что она моя подруга. Я все чаще думаю о ней в последнее время.

Немного побродив, мы уселись на недостроенном крыльце подъезда. Это здание на холме, и оттуда классный вид на дорогу. Стройплощадка совсем заросшая: трава, кусты, деревья. Был уже вечер. Я почему-то подумала про нас: “Двое сидят на краю мира”. Там было так красиво.

Мы сидели, болтали о разном и пили пиво. Я сначала не хотела, но Лиза меня убедила. Не знаю, как она купила или вообще где достала. Сначала мне казалось, что со мной ничего особенного не происходит, но постепенно начала чувствовать себя немного по-другому. Я никогда не пила раньше. Мне как будто стало немного легче. И потом мне даже захотелось обнять Лизу, но я этого не сделала.

Я пришла домой часов в десять, наверно. Мать, конечно, принялась меня допрашивать и опять ныть. Шла бы она.

Сейчас уже за полночь, и я думаю про Лизу и про то, что она для меня значит. Мне кажется, она мне нравится. Не как подруга, а как девушка. Если я хочу быть с ней честной, я должна буду сказать ей. А что будет потом? Может, я только все испорчу. Я не знаю, стоит ли мне говорить. К тому же я все-таки еще сама не уверена, что чувствую. Но хотя я даже немного волнуюсь, я все равно очень рада, что завтра снова увижусь с Лизой.

А для моей дорогой консервативной матушки будет дополнительный повод поворчать на меня, если она узнает. Она открыто не высказывается, конечно, но ей никогда не нравилось, что меня привлекают девочки. Но и черт с ней. Это не настолько меня беспокоит. Просто еще чуть больше будет трепать мне нервы».

* * *

2082, лето

– Привет.

Перед ней – ее сын. Вот он – худощавый и бледный, с темными глазами, в обслуживающей капсуле, взгляд направлен на Джоан. Все время, пока он спал, машины поддерживали и тренировали его мышцы после срастания сломанных костей конечностей, ухаживали за кожей и волосами. С памятью, как сказала Джоан, все намного лучше, Алан уже не переспрашивает постоянно, как сюда попал, довольно неплохо вспоминает события прошлого.

Нейронные сети в голове вопят, каждая на свой лад, но Джоан справляется.

«Держи себя в руках».

– Привет, мама.

– Ты ведь помнишь, как тебя зовут?

Зачем она спросила? Ей ведь уже известно, что он помнит.

– Конечно. Я Алан.

– А меня?

– Да. Тебя зовут Джоан. – В его голосе слышится удивление такому вопросу.

– Ты помнишь аварию?

– Да. Меня уже спрашивали обо всем этом. Помню, как я ехал на велосипеде рядом с метро. Как увидел, что падает вагон... Тебе разве не сказали, что я помню?

– Сказали, но я... просто решила проверить сама.

– Зачем?

«Да потому что...»

– Ну... Я очень волновалась все это время. Как ты себя чувствуешь?

– Двигаться... сложно.

– Не волнуйся. Все будет нормально, когда пройдешь курс реабилитации.

«Интересно, насколько хорошо он сейчас понимает мою речь?»

– Ясно. – Алан помолчал немного. – А где другая мама?

– Дома, но скоро будет здесь.

Джоан быстро набрала короткое текстовое сообщение, попросив Эмму приехать в Центр.

– Как Карла?

«Ну конечно, о ней он не вспомнить не мог».

Но Джоан тут же устыдилась своего раздражения. Не та ситуация, чтобы выяснять отношения.

– Точно не знаю, – призналась она. – Волновалась за тебя.

Эти слова дались особенно непросто. Джоан, несмотря на молчание Эммы, прекрасно знала, что Карла все это время справлялась у нее об Алане. Не могла иначе, маленькая дрянь.

И она добавила:

– Как и другие. Дерек, Джо, Пола...

– Я хотел бы увидеть Карлу.

– Да, конечно. – Выдавить из себя этот короткий ответ оказалось еще труднее. – Алан... Ты, наверное, уже знаешь, что травма была серьезная и предстоит провести много тестов, оценить, как работают твои мышление и память.

– Я понимаю.

– Ты чувствуешь какие-то трудности? Например, что-то хочешь вспомнить и никак не можешь?

Алан задумался.

– Да, кое-что не получается вспомнить. Или получается, но я не могу понять, когда что было – что раньше, а что позже.

– Пока отдыхай. Не пытайся вспомнить все сразу, если тебе сложно. Многое может со временем прийти само собой. И...

«Держи себя в руках».

– ...я очень рада, что я сейчас здесь с тобой и что тебе... лучше.

«То, что ты вообще жив и можешь со мной говорить, – уже просто подарок».

– Я тоже рад тебя видеть.

Джоан показалось, что Алан произнес это не слишком искренне. В конце концов, между ними были сложности. Но ей все равно стало неприятно.

– Все будет хорошо.

«Ты была честной с Эммой, не давала обещаний, которые могли оказаться ложью. Но ты даешь их сыну».

* * *

2081, осень

Чёрчленд-центр. Большое десятиэтажное здание. Стоявший у дверей мужчина приблизился к Джоан.

– Здравствуйте. Вы – Джоан Мейерс, я не ошибся?..

– Я вас слушаю.

– Миссис Мейерс, – представитель Центра произносил слова медленно, словно с трудом, – я понимаю, как вам нелегко...

«Ну конечно, уж ты-то понимаешь».

Он представился как Лайам Кох. Личная встреча проходила в самом Центре. Они сидели друг напротив друга в небольшом, скорее, даже тесном офисном помещении: Джоан – спиной к двери, Кох – около окна, за столом.

– Давайте ближе к делу. Вы уже сообщили кое-что. – Вчерашний звонок стал для Джоан настоящей неожиданностью. – Стоит обсудить подробности.

– О, разумеется.

– Итак... О каких конкретно методах речь?

– Вам, возможно, случалось слышать о проводившихся по нашей инициативе опытах на приматах с серьезными поражениями головного мозга?

«Он что, имеет в виду...»

Ну да, конечно, что же еще? Те самые эксперименты на шимпанзе, которые, из-за невозможности согласовать их условия с

принятыми в Канаде этическими стандартами по отношению к приматам, пришлось проводить в Сибирско-Дальневосточной республике. Результаты оказались потрясающими, гнев эго-защитников – тоже.

– Да, и это было очень впечатляюще, но... – Джоан помолчала. – Если вы намереваетесь использовать ту же технологию в случае с моим сыном, то это плохая идея.

– Миссис Мейерс, с тех пор мы успели продвинуться далеко вперед. Вообще, это уже качественно новый уровень в сравнении с тем, что было. И мы прекрасно отдаем себе отчет в когнитивных различиях между видами. Сейчас у нас есть всё – техника, математические модели, специалисты. Кстати, – добавил Кох, – мы использовали в том числе некоторые наработки по матмоделированию из вашей последней публикации.

«Ты серьезно думаешь, что меня этим можно купить? Но давай все-таки взглянем правде в глаза, Джоан. Твой сын, если все оставить как есть, вполне возможно, скоро умрет. Его состояние – хуже некуда. Почему ты так неуверенна?»

– Что ж, ваше учреждение, безусловно, имеет очень хорошую репутацию... – («Да в свое время я бы обмочилась от радости, если бы могла устроиться туда работать».) – Но мне бы все-таки хотелось ознакомиться с некоторыми... м-м... техническими подробностями. Я, конечно, не столь высококлассный специалист, но в чем-то разбираюсь.

– Мы можем дать вам такую возможность. Скажу больше: я как раз собирался сообщить, что мы готовы предоставить вам работу в проекте.

«О, да неужели?»

Кох добавил:

– И, миссис Мейерс, смею вас заверить, вы явно недооцениваете свои профессиональные способности...

«Ну конечно, я же, блин, способна на равных тягаться с хайвами и прочими интеллектуальными монстрами. Само собой».

– ...Даже история вашей научной карьеры, ваше рвение...

«Твою мать, у тебя вообще есть чувство меры?»

Положение Джоан было неловким. Ей было совершенно ясно, что ее банально покупают, прикрываясь при этом дешевой лестью, но отказываться было бы непросчительной глупостью.

То, что они предложили работу, было для Джоан все-таки довольно неожиданно.

Неужели они думают, что ей не хватило бы надежды на спасение Алана, поданной хоть в каком-то виде, и для верности решили подбросить еще приманку?

Самое смешное, что и в этом случае отказывать неправильно. Проблемы с деньгами давали о себе знать, и...

Наверное, глупо – но почему-то ей представлялось, что так она была бы ближе к сыну. Хоть немного.

– Ладно, хорошо. – Джоан снова взяла стакан. Пальцы так плотно сжали стекло, что ей казалось, еще чуть-чуть – и он лопнет в руке. – Я согласна с тем, что вы предлагаете. Однако мне нужно поговорить с женой. Думаю, вы понимаете.

– Разумеется.

«Поговорить с женой».

Джоан была почти уверена, что Эмма тоже согласится, но разговор тем не менее обещал быть непростым.

* * *

2082, лето

Эмма проснулась около девяти утра. День был свободен – смена в баре (под фармой, иначе к середине смены будешь как выжатый лимон) только послезавтра. Не обнаружив рядом Джоан, женщина не слишком удивилась. Просмотр сообщений лишь подтвердил догадку.

«Я ушла на работу. Тебя будить не стала. Если будет что-то важное – сразу сообщу. Целую».

Ниже было добавлено:

«Спасибо за то, что было ночью».

Эмма знала, что эти слова искренние – то, что она чувствовала во время их связи, было трудно подделать, если вообще возможно. По крайней мере ей очень хотелось верить в это. С тех пор как Джоан устроилась на новую работу, они довольно мало времени проводили вместе. Гораздо меньше, чем хотелось бы. Джоан теперь была загружена сильнее, чем в дни преподавания и исследовательской деятельности в Университете Британской Колумбии. Временами казалось, что она просто одержима новой работой, но Эмма не считала себя вправе осуждать супругу, даже зная, что та находится в проекте на вторых, если не на третьих ролях. Джоан вполне могла бы делать все дистанционно – но редко этим пользовалась. Такое положение вызывало неприятные чувства. Когда жена оставалась работать дома, Эмма старалась не отвлекать ее, как бы того ни хотелось. Она видела, как Джоан погружается в работу, не желая признавать своей незначительности в общем деле. Это место было для нее дополнительным стимулом, брошенной ей костюю – если вдруг одной надежды на возвращение Алана окажется мало. Возможность чувствовать себя сопричастной процессу, а не просто сидеть и ждать результатов, и, конечно, приличная зарплата. Проект хорошо финансировался

сверху – со стороны министерства здравоохранения, военных (их интересовали перспективные разработки в сфере искусственного интеллекта), а также из негосударственных источников.

Несмотря на очевидность того факта, что сын много значил для Джоан, отношения этих двоих были простыми. Однажды во время разговора, переросшего в ссору (все началось со спора, насколько значимы жизни эго-систем помимо человеческих, но то, похоже, был лишь повод), Алан сказал матери, что ненавидит ее, и Джоан просто взорвалась. Эмма тщетно пыталась успокоить обоих – они словно не замечали ее. В тот субботний вечер Алан ушел и вернулся лишь на следующий день. Пока Джоан, все еще кипя, медленно успокаивалась, Эмма без конца пыталась дозвониться Алану, но он упорно отказывался отвечать. Наконец три часа спустя Алан позвонил сам. Он сказал, что ему есть где переночевать. Эмма волновалась за сына и заснула лишь далеко за полночь. По возвращении Алан получил из уст Джоан вымученные извинения. Эмме удалось убедить ее сделать этот скромный шаг к примирению, сдержав до сих пор, похоже, кипящий внутри гнев. Алан кивнул, сказал, что тоже наговорил лишнего, и закрылся в своей комнате. Все это напряжение было вызвано не одной только разницей в этических позициях, и Эмма это хорошо понимала. В частности, Джоан недолюбливала девушку Алана, Карлу, и порой отпускала в ее адрес едкие шуточки и неодобрительные комментарии. В таких случаях обычно тихий Алан вспыхивал, не скупясь на ответные словесные удары.

Карла Уилсон... Эмма знала о ней мало. Года на полтора старше Алана. Довольно милая. Алан не горел желанием посвящать мать в подробности, да она и не пыталась его расспрашивать. Отец Карлы, судя по всему, был человеком достаточно обеспеченным, и занимался эго-этичным бизнесом по производству одежды; больше Эмме ничего не было известно. Вскоре после происшествия Карла, сама не своя, связалась с Эммой, и потом то и дело старалась узнавать, как Алан. Нет, думала Эмма, то, что между ними – не простое баловство.

Карла присылала деньги на счет Эммы. И та продолжала их принимать даже после того, как Джоан стала получать значительно больше на новом месте. Эмме было почему-то очень трудно сказать Карле «нет». Да и мало ли что могло случиться, так ведь? Но все равно Эмме также было и весьма неловко.

Эмма старалась общаться с Карлой сама по себе, не сообщая об этом Джоан. В последний раз, когда эти две встретились (Карла ждала Алана, пока тот собирался), кончилось плохо. Джоан подошла к девушке и негромко, с холодной насмешкой спросила:

«Ну и как? Ты его уже трахнула? Тебе понравилось?»

Эмма помнила до сих пор: они стоят друг напротив друга, Джоан смотрит на Карлу, та сжала кулаки и словно вот-вот скажет что-то в ответ, но спустя секунду поворачивается и, ни слова не проговорив, выходит за дверь. Эмма ошарашена, она не ожидала услышать такое из уст жены. Наконец подходит Алан и сразу замечает, что Карла ушла. На его лице появляется недоуменное выражение, но, увидев Джоан, он как будто все понимает и выскакивает из квартиры.

Это был не единственный раз, когда поведение Джоан отталкивало и даже немного пугало. Время от времени Джоан совершала неожиданные поступки и говорила неожиданные слова, а иногда создавалось впечатление, будто она каким-то образом знает больше, чем все остальные вокруг. Возможно, зачастую так и было – расширенное рабочее пространство сознания поднимало способности Джоан к анализу и синтезу до недоступного обычным людям уровня. Даже с работающими не в полную силу имплантатами ее перекроенный мозг функционировал иначе. К ее чести, Джоан не хвасталась фактом своего превосходства. Да и факт этот имел издержки.

Регулярные посещения психиатра не были для нее пустой формальностью: для каждого, уходящего все дальше от ментального уровня *Homo sapiens*, существуют значительные риски. Неучтенная индивидуальная особенность может привести к серьезному расстройству после комплексной перепланировки или даже простого курса стимуляторов мозговой активности. Сами психотерапевты и психиатры, практически все – усовершенствованные и тщательно отлаженные в соответствии с профессиональными стандартами, обычно работают в связке с ИИ, часто в режиме глубокой интеграции, а не только используя в качестве экспертов-консультантов. Мало того, что специальность не из легких – для чистого, без правок, человека бывает просто невозможно иметь дело со сверхинтеллектуалом. Но кто бреет брадобрее? Психиатров как-то аттестовывали, должны были... Но если сам психиатр зашел далеко в своем совершенствовании, кто адекватно проверит его? Другой такой же? Как именно это работает? Мысли, типичные для модофобов, пресловутая концепция «кризиса доверия» по отношению к людям с расширенными возможностями и к сложным ИИ.

Вот только на деле все работало куда лучше, чем могло казаться технофобам.

Эмма корила себя за то, что в некоторые моменты жизни, пусть и в очень малой степени, позволяла себе подобные страхи. За все проведенное вместе время она лишь изредка испытывала это

гадкое, нежеланное отчуждающее чувство. И когда оно появлялось, Эмма изо всех сил старалась его прогнать.

Так. Привести себя в порядок после сна, одеться, надеть линзы...

Скоро, согласно расписанию, должны были доставить завтрак. Услуги были оплачены на месяц вперед, при желании можно было легко и быстро изменить заданное меню или вообще отказаться от доставки. Эмма вспомнила, как ей самой приходилось быть доставщицей еды. Ужасная, выматывающая работа.

Минут через десять пришел курьер. Эмма взяла заказ и поблагодарила работника – молодого паренька. Закрывает входную дверь, вернулась на кухню и сделала эспрессо.

Закончив с едой, допив кофе и прибрав за собой, Эмма позвонила Карле. Как бы к той ни относилась Джоан, стоит сообщить об изменении состояния Алана.

Карла ответила довольно быстро.

– Да, миссис Карпенко?

В ее голосе Эмме послышались нотки волнения.

– Здравствуй, Карла... – Замявшись со вступлением, Эмма решила сразу заговорить по существу: – Я знаю, ты очень волнуешься за Алана, и есть новости.

– Что с ним?

– Похоже, он... начинает приходить в себя. Правда, пока мало что известно точно. – Здесь голос Эммы слегка дрогнул.

– О, большое спасибо, что вы позвонили, миссис Карпенко. Когда... когда я смогу его увидеть?

Вопрос мог показаться слегка наивным, но было бы странно, если бы она его не задала.

– Если честно, не знаю. Пока что трудно сказать. Я обязательно сообщу тебе, как станет известно.

– Да, конечно. Хорошо. Я все понимаю. Еще раз спасибо вам, что позвонили, миссис Карпенко.

– Карла, и еще... Я бы хотела поблагодарить тебя за помощь.

– О, не стоит. Если что-то нужно, только скажите.

– Э... нет, спасибо. Пока ничего.

Эмма вспомнила, который час, и почувствовала себя глупо. Она не знала в подробностях, чем занимается Карла, но время для звонка более чем вероятно было не самое лучшее.

– Кстати, извини, может, сейчас тебе неудобно говорить?

– Нет-нет, все нормально.

Они распрощались.

«Вряд ли девчонка так плоха, как думает Джоан», – сказала себе Эмма.

Она снова взглянула в окно. Погода была ясная, яркий солнечный свет и редкие облачка на светло-голубом небе. Согласно прогнозу, к полудню должно было разойтись до тридцати по Цельсию, не меньше. Выходной обещал быть жарким, как и все лето в этом году. Внизу проезжали автомобили, характерно шурша шинами – видимо, недавно прошел дождь, и покрытие пока оставалось влажным.

Эмма принялась изучать фид.

Даже в такие непростые минуты интернет-зависимость никуда не уходит...

«Да здравствует сетевая прокрастинация».

Этот процесс совсем скоро прервало короткое сообщение от Джоан:

«Алан хочет тебя видеть. Приезжай».

Наконец-то.

* * *

Запись из дневника:

«10/06/2048

Моя мать снова отчитывала меня.

“Где ты была? Опять шлялась вместе со своей подружкой?”

Боже, как она произнесла это слово: “подружка”!

Она, похоже, догадывается. Догадывается ли Лиза? Возможно. Я все еще боюсь разрушить то, что между нами есть сейчас.

Нет, я должна ей сказать.

Как мне решиться?»

* * *

2059

Кафе было довольно большим и автоматизированным – основную часть работы выполняли роботы, за стойкой в дальнем конце зала стояли два человека. На кухне, наверное, еще был человек, где-то сидит охранник – и всё. Забавные коренастые боты-официанты ездили между столиков, доставляя людям напитки и еду.

– Если бы ты была мужиком, я точно вызвала бы по твою душу копов, – сказала Джоан. – Не подумай, что я мужененавистница, просто есть разница.

Девушки сели за ближайший от входа свободный столик, друг напротив друга.

– Почему... почему ты мне позволила идти за тобой? – спросила Эмма.

– Внешность, может, и обманчива, тем не менее на вид ты, хоть и повыше меня, мухи не способна обидеть – раз. Два: я умею за себя постоять. И, наконец, три: пусть не много, но народ

вокруг был. Плюс по всему маршруту твоей охоты за мной полно следящих устройств. Если кто-то решился бы напасть на меня в таком месте, то у него или у нее, должно быть, очень серьезные проблемы с головой. А ты, насколько я успела заметить, в остальном вела себя адекватно.

Эмма копалась в приложении, отмечая пункты в меню для заказа. Джоан непринужденно откинулась на спинку мягкого кресла – она наверняка уже заказала, что хотела.

Эмма закончила с меню.

– Я хотела бы еще раз извиниться за то, что так вышло.

– Я принимаю извинения. И с этого момента хватит об этом.

– Как скажешь.

Эмма вообще была сбита с толку тем, как разворачиваются события. Джоан не только обошлась с ней весьма мягко, но и в ходе переписки пригласила ее в кафе неподалеку от места, где они вчера разговаривали.

– Так ты живешь в общежитиях здесь, в кампусе? – Вопрос не требовал ответа, Джоан уже прекрасно все знала.

– Да. В Пондероза.

– И как там?

– В принципе, неплохо. Не знаю.

Подъехавший официант доставил два подноса. Эмма прислонила смартфон к датчику на корпусе робота, оплачивая свой заказ. К ее удивлению, спутница воспользовалась карточкой, которую достала из кармана.

– Ты такая... современная. Легко силой мысли взаимодействуешь с чем угодно. Почему используешь карту вместо дистанционной оплаты в приложении? Ну, передала данные счёта – и готово!

– Иногда унифицировать всё – не слишком хорошая идея. Кроме того... порой люди остаются слишком людьми, со всеми модификациями и прочим. – Джоан поставила поднос на столик и продолжила: – Так откуда ты?

– Я из Торонто. Моя семья сейчас живет там. – Эмма приняласьковыряться вилкой в своем салате. – А ты? Ты из Ванкувера?

Джоан чуть помедлила с ответом.

– Досон-Крик. Занюханный паршивый городишко.

– Я слышала, там все не так плохо.

Собеседница, немного помедлив, уточнила:

– Да так, воспоминания. Не из приятных.

Эмма решила сменить тему. Она и так чувствовала себя не слишком уверенно рядом с Джоан, и не хотелось все испортить.

– Раньше я тебя не видела в этом кафе, хотя часто тут бываю.

– Здесь я в первый раз. Обычно ем в других местах или дома.

Вообще, здесь неплохо. Ничего особенного, я имею в виду, но

вполне приемлемо, если хочется перекусить. – Джоан макнула очередную палочку картофеля фри в ярко-алый соус.

– Все равно как-то странно, что ты не заглядывала сюда. Ты... больше любишь заведения, где обслуживают люди?

Джоан усмехнулась.

– Нет, я не из любительниц классики. И не из любительниц забегаловок, которые не могут себе позволить автоматические системы, а значит, скорее всего, экономят и на остальном.

Эмма немного встревожилась: не зря ли она задала вопрос и не был ли ответ Джоан актом раздражения? Но, похоже, все шло нормально.

– Часто придумываются довольно потешные отговорки, как будто недостаточно того, что кому-то просто нравится видеть на этом месте именно людей. – Джоан вздохнула. – Впрочем, я себя тоже изрядно обманываю, но по другим поводам, конечно. Все мы такие.

– Обманываешь?..

– Ну, я про то, что вся наша жизнь – череда обманов и само-обманов: побольше, поменьше. Даже само наше восприятие, в каком-то смысле.

– Я стараюсь быть честной.

– А вчера с большим трудом мне все сказала, даже после того как я напрямую спросила. О, прости. Я хотела оставить эту тему, но вот опять сама...

– Ничего.

– Ты веришь в Бога?

– Нет, – честно призналась Эмма.

– А в мире полно тех, кто верит. – Джоан сделала глоток из стакана с чаем. – И это несмотря на то, что в лучшем случае вера во что-то вне физического мира – бездоказательна и излишня, а в большинстве вариантов – вообще противоречит современной науке. Еще один пример распространенного обмана себя и других, сознательного или бессознательного. И свойственные нашему виду когнитивные искажения помогают обманываться эффективнее.

«Интересно, – подумала Эмма, – если бы я сказала, что верю, как бы она отреагировала?»

– Конечно, сейчас в мире полно всяких фанатиков, но если речь об умеренных, и они не навязывают никому свою веру, то что в этом плохого? Пусть люди обманываются.

– Все эти верования, если хорошенько посмотреть, не так безобидны, как может показаться. Даже если их адепты – «умеренные». – Джоан изобразила пальцами кавычки. – Кому-то, возможно, его вера помогает, но в целом, жизни общества она

наносит вред. Я не против некоторых видов обмана, но вера в Бога – обман слишком большой. Чересчур отрывает от правды. Без нее мир был бы гораздо лучше.

Эмме была не слишком интересна тема, и она как можно более вежливо постаралась сменить курс разговора.

– Так что ты имела в виду, когда говорила про человеческое восприятие?

– А, там обман иного рода – в отличие от простых видов самообмана типа веры в Бога. Я про то, что мы сами – машины без какой-либо свободы воли, и это легко доказать. – Джоан подалась немного вперед. – Как и то, что, по сути, никаких «нас» нет, наши организмы – просто машины, обманывающие самих себя, когда постоянно говорят с помощью мозга: «Я существую». Наше «я» – в определенном смысле иллюзия, а любая субъективная воля – самообман.

– Я здесь. Я мыслю, следовательно, существую.

– «Ты» только что и «ты» вчера – разные. Связанные, как причины и следствия, но не те же самые. А часть твоего восприятия упорно настаивает на другом. Твой мозг вчера значительно отличается от того, который есть сегодня. Ты уже даже не помнишь многие из тех мелочей, которые помнила тогда. Содержание твоего разума другое.

Когда-то Эмма сама задумывалась о подобных вещах, но не слишком глубоко. Лично ей было неудобно отвергать что-то только потому, что она это недостаточно понимала (зато хорошо понимали и последовательно доказывали другие, пусть даже иногда их выводы могли показаться безумными), и спорить с квантовой механикой, когда дома стоит компьютер со сверхпроводниками внутри, или с когнитивной нейронаукой, когда кругом – царство умных и не очень искусственных нейронных сетей. Но все же последнее почему-то было несколько более контринтуитивным. Дело было не в том, не согласна она или полностью согласна – в сложившейся ситуации для нее это представлялось не столь важным. Победитель был известен ей заранее – она в любом случае тактично уступила бы это место Джоан. Эмма опасалась, что может неловким словом разрушить буквально всё, поэтому, поддерживая беседу, говорила осторожно, стараясь сильно не задеть собеседницу.

– А как быть с моим упрямым восприятием? Может, именно оно и право, и все дело в моей бессмертной душе?— Последнее слово было произнесено нарочито комично.

– Я уже говорила: нет никаких доказательств существования чего-то нефизического. В том числе нет доказательств существования нефизической сущности, делающей тебя сознательной.

Зато хорошо описано, как мозг может вытворять такие трюки. А то и покруче. Можешь представить себе человека, который без видимых причин вдруг начинает считать свою супругу самозванкой? Или уверенного, что он вообще не существует? Или даже не воспринимающего одну половину мира? Восприятие может вводить в заблуждение.

– Но ученые же изучают мир, опираясь и на собственное восприятие.

– На то есть разработанные методологии, принципы организации, выступающие как фильтры, развитые научные сообщества. Но серьезных доводов ни в пользу солипсизма, ни в пользу существования души или чего там еще – нет.

Банальные и неоднократно звучавшие из множества уст истины, но Эмме просто хотелось быть сейчас с Джоан, и не имело значения, о чем они будут болтать.

– Правда, называть или не называть себя день за днем одним именем, это, конечно, вопрос практического удобства к тому же, – продолжила Джоан. – Я вот называю. И вообще, несмотря на знание, на базовом уровне подвержена иллюзии «себя», как и все эго-системы.

– А какие виды обмана предпочитаешь ты?

– Люблю некоторые простые радости жизни. Выдумываю стоящие, на мой взгляд, смыслы двигаться вперед. При этом я прекрасно понимаю, что во Вселенной нет никакого смысла и предназначения, понимаю, откуда растут корни всех этих желаний, как все это работает.

– Пусть я с тобой во многом и согласна, но многие бы сказали, что это довольно мрачный взгляд на вещи.

– Нельзя слишком отдаляться от правды.

– Безразличная Вселенная.

– Безразличная Вселенная, – подтвердила Джоан. – Но не забывай про небольшие приятные поблажки, пусть в этом на самом деле и нет никаких души и свободы, только причины и следствия. Вкусная пища, фильмы, книги, игры, музыка, общение, секс и, в моем случае, интерес понять что-то в этой гребаной Вселенной.

– Что понять, например? Чем именно ты сейчас занимаешься?

– Если очень широко, я специализируюсь по... определенным аспектам математического моделирования нейронных сетей. Не знаю, о многом ли тебе это говорит.

– Если ты любишь то, чем занимаешься, это прекрасно.

– Ну, на практике все гораздо сложнее. У меня есть обязанности в университете, иногда хочется послать все куда подальше. – Джоан поправила волосы, удостоверилась, что гарнитура-улитка

сидит на ухе как надо. – Ты собираешься получить бакалавра в следующем году, а дальше?

«Боже, как я ненавижу этот вопрос».

– Буду искать работу, я думаю. Не планировала продолжать учебу. У меня вообще по жизни с планированием туго. – Эмма неловко улыбнулась. – Ты ведь магистр?

– Да, но останавливаться на этом не собираюсь, – ответила Джоан. – Только не подумай, что степени для меня так много значат. Да и вообще, – обнадеживающая улыбка, – я не планирую строить свою жизнь вокруг одной академической карьеры, в конце концов.

Эмма поймала себя на том, что любитесь собеседницей, и постаралась не подать вида.

– Можешь смотреть на меня, если тебе так хочется. Конечно, мне не всегда нравится, когда на меня пялятся. Но тебе разрешаю. Только не держись со мной так напряженно, умоляю. Вроде немного расслабилась и опять...

«Она все заметила».

– Извини, правда, извини, если это тебя вдруг напугало или еще что, – поспешила добавить Джоан. – У других часто со мной бывает такое. Побочный эффект моих модификаций, я полагаю. Разгоняешь функции внимания и замечаешь детали, которые многие пропустят. Ничего сверхъестественного. Вот только... в результате еще яснее видишь вокруг обман. Не то чтобы так уж сильно, но заметно. Возможно, я излишне драматизирую.

К ним подъехал бот, предлагая принять подносы, посуду и мусор.

– Короче говоря, – Джоан отдала роботу поднос, то же самое сделала и Эмма, – просто старайся быть более открытой, когда общаешься со мной, хорошо?

– Хорошо.

– И не надо говорить так, словно я тебе приказала, а ты выполняешь приказ.

– Я хотела сказать тебе спасибо за то, что ты сегодня решила уделить мне внимание. Честно говоря, после вчерашнего я такого не ожидала.

– Может, я ошибаюсь, но мне кажется, ты вообще о себе не слишком высокого мнения. Это так?

– Да нет... Ну, бывают моменты, – призналась Эмма.

– Просто совет: не принижай себя. Благодарить меня, как будто я тебе оказала величайшую честь, которой ты не достойна. Ты очень симпатичная и приятная девушка – и этого уже вполне достаточно.

Эмма поглотила волна смущения.

– Не только тебе приятно смотреть на меня, но и мне на тебя. Это правда. Не трясись ты так в моем присутствии. Да, кстати... ты в переписке упоминала, что сегодня у тебя репетиция. Ты не опоздаешь?

Эмма совсем позабыла про репетицию. Она посмотрела на время. Пять. Нужно шевелиться.

После услышанного ей особенно не хотелось покидать это место.

– Да, мне пора. Спасибо, что напомнила. Из головы вылетело. Надо еще заехать к себе, взять инструмент...

Они вместе вышли из кафе. Дальше их пути разошлись.

– Все-таки еще раз спасибо за встречу, – сказала Эмма. – Было очень приятно.

– Не за что. Мне тоже. Еще встретимся. Пока.

– Пока.

Позже Эмма не раз возвращалась в своих воспоминаниях в тот вечер. Тогда все казалось иным в сравнении с тем, что было еще вчера, ее наполнял коктейль из влюбленности и надежд на будущее, вызванных к жизни той короткой встречей в кафе.

Даже опоздание на репетицию не слишком омрачило впечатление.

* * *

2080

На улице было прохладно – первые числа декабря.

Алан чувствовал вибрацию смартфона в кармане, но не хотел отвечать. Он шел и шел по оживленным вечерним улицам, залитым светом фонарей, под шум проезжающих машин, мимо бредущих куда-то посторонних людей. Над головой парили дроны, мигая разноцветными огнями.

Постепенно становилось легче.

Снова вызов. Черт, сколько можно?

Но теперь Алан увидел на линзах совсем не то, что ожидал. Другой номер.

Звонила Карла. Парень поспешил принять вызов.

– Привет, ты как?

– Привет. Прости, что не сразу ответил. Я в норме, в принципе, только вот опять повздорил с матерью.

– С которой? А-а, с Джоан?

– Ну да... Решил выйти. Честно, так достало уже.

– Она опять тебя отчитывала из-за меня?

– Нет. Ну, по крайней мере повод был другой.

– И что думаешь?

– Что? Пройдусь пока, а потом придется возвращаться домой.

– Слушай... – Карла замялась. – Если собираешься прогуляться, я могу составить компанию.

– Конечно. Куда мне подъехать?

– Давай поближе к моему дому где-нибудь, – ответила Карла.

Муниципальные автобусов и шеринговых самоуправляемых авто Алан избегал по принципиальным соображениям – многие из них управлялись нейронными сетями, обладающими ощущением себя. Алан хотел было взять велосипед, но в конце концов большую часть пути решил проделать на поезде.

Алан познакомился с Карлой в сети, в группе по эго-этике. Общение в интернете перетекло в пространство офлайн, и возникшие зачатки взаимной симпатии быстро начали перерастать в отношения.

Встретив девушку на месте, Алан отключил телефон – чтобы не доставали звонки от родительниц. Карла казалась ему красивейшим существом во Вселенной. Невысокая, на полголовы ниже него, со светлыми волосами по плечи и большими, невероятной глубины синими глазами, она заставляла Алана невольно испытывать при встрече легкий приятный трепет.

– Ты как всегда прекрасна.

– Спасибо.

Вдвоем они бродили около часа, прогуливаясь вдоль Гранвил и разговаривая ни о чем. А потом девушка спросила: может, если Алан не хочет сегодня возвращаться домой, он останется у нее? Отца нет дома.

Для Алана это был волнительный момент. Он решил отправиться к Карле, но, почувствовав укол совести, корившей его за жестокость по отношению к матерям (не только к Джоан, но и к ни в чем не повинной Эмме), включил смартфон и позвонил домой. Сказал, что вернется завтра. И, преодолевая сомнения, вежливо отклонил все попытки его переубедить.

Дома у Карлы они незаметно перешли от беседы и шуточной игры к поцелуям и – впервые – к ласкам руками. Карла взяла инициативу на себя, и Алан, крайне возбужденный, волновался и неловко пробовал отвечать ей. Девушке, похоже, нравилась неопытность партнера, и она улыбнулась ободряюще и призывно, когда Алан начал действовать активнее. Ему хотелось поскорее войти в нее; Карла сама оседлала его и стала двигаться, наклонившись над ним и позволяя видеть небольшие красивые груди. Алан положил руки ей на спину и кончил, едва девушка успела сделать несколько движений на его члене. Несмотря на испытанное наслаждение, он тут же почувствовал себя виноватым, и даже улыбка Карлы казалась ему заслуженной насмешкой.

Карлу это лишь завело. Она слезла с обмякшего члена и легла рядом с Аланом, ожидая продолжения. Тот понял намек и начал неуверенно стимулировать ее орально. Его язык проникал глубоко внутрь, но это было совсем не то. Она пошевелилась, давая понять, чего ей хочется, и Алан сосредоточился на ее клиторе. Он и это делал довольно неумело, но Карла все же кончила, подстегнутая чувством собственного превосходства и виной партнера. В том и в другом была какая-то особенная прелесть.

* * *

Запись из дневника:

«13/10/2048

Моя мамаша выходит замуж. Снова.

И к своему потенциальному отчиму я тоже не питаю симпатий, хотя он вроде даже старается по-всякому.

Сегодня я опять виделась с Лизой. Мы гуляли, и я решила, что стоит наконец все сказать.

Я мямлила, как последняя дурочка, а она слушала, слушала с серьезным видом. Кажется, она была немного удивлена.

Чуда не произошло.

Она сказала, что я очень дорога ей, но она не испытывает чего-то похожего.

Теперь я очень боюсь, что разрушила даже нашу дружбу. Что, если это оттолкнет ее от меня? Каково это – общаться с человеком, зная, что он хочет от тебя того, чего ты ему не можешь дать?»

* * *

2059

– Каково это – взаимодействовать силой мысли?

– Просто получается, и все. – Джоан подумала и добавила: – Но так было не всегда. Я этому училась некоторое время. Перепаляла моторную и зрительную кору.

– Я бы на такое не решилась.

– Дело твое, но это не так страшно, как тебе может казаться.

– Просто как-то странно и непривычно.

– Веришь или нет, мне знакомо это чувство. Все-таки я сама себя все еще считаю человеком. Свои неудобства с имплантатами тоже бывают – несовместимости, возможный иммунный ответ. Но уж на что хватило денег.

– И ради работы...

– Пожалуйста, не надо. Это ведь не только из-за того, что надо жить на что-то. Мне многое в моем деле действительно интересно. Лучше... расскажи о музыке.

Они шли, гуляя, примерно тем же маршрутом, каким Эмма еще не так давно следовала за Джоан.

– Ну, я играю в группе, у которой до сих пор нет названия. Ребята собрались и оставили пост о том, что им нужен басист, а я играю на басу, и один из них мой знакомый, так что я решила попробовать. Думаю, мы уже довольно неплохо сыгрались... по любительским меркам.

- Что вы играете?
- Неопанк.
- Это вообще кто-то слушает?

Эмма чуть поморщилась от задетого чувства собственного достоинства.

- Больше людей, чем может показаться.
- Извини. Я ничего такого не имела в виду. Я сама не меломанка и обычно, если ставлю музыку, то в качестве фона, не более.
- Извинения рассмотрены и приняты. – Эмма постаралась укротить маленькую обиду и обернуть все в сарказм. – Ну, если серьезно, то основная аудитория, конечно, эстеты со специфическими вкусами и любители старья, хотя и молодежи тоже хватает.
- А... можно вас послушать?
- У нас есть пара живых записей, но мне не нравится, как мы там звучим. А через нейросеть для улучшения мы не прогоняли, наш гитарист запротестовал. Хочешь... – Эмма не была уверена, что это хорошая идея. – Хочешь прийти послушать нас в это воскресенье?

Джоан задумчиво сказала:

- Хм, а почему бы и нет? Честно говоря, последний раз была на концерте в семнадцать лет. И это была электроника.
- Ты, ну, в курсе всей этой субкультуры?
- Нет, вообще-то. А что?
- Да так, просто в таком случае возможен... – Эмма постаралась найти в памяти подходящее выражение, – небольшой культурный шок.

В воздухе стоял сильный запах табачного дыма – несмотря на то, что перед концертом убедительно просили не курить в помещении. Кроме того, было жарко – кондиционер то ли плохо работал, то ли вовсе сдох, а может, его вообще не было.

«Одежду придется отправить в стирку. Спасибо за приглашение, Эмма».

Джоан стояла у барной стойки, рядом оживленно беседовал народ – как совсем молодежь, так и личности среднего на вид возраста и даже старше («Помни, внешность может быть обманчива, Джоан»). Компания собралась пестрая: люди в футболках с плохого качества принтами, с причудливыми прическами и разнообразными внешними бодимодификациями. Неподалеку стояла

женщина в черных кедах, шортах и футболке. Верхняя половина ее черепа была прозрачной – можно было видеть полушария мозга – и подсвечивалась бледно-синим. Ее обнимал за талию какой-то мужчина с тоннелями в ушах, на нем была толстовка с капюшоном, вроде той, что у Джоан, только темно-бордовая.

Среди незнакомых лиц Джоан чувствовала себя неуютно. Она пила через трубочку сок из пакетика, посматривая то и дело на сцену, где музыканты расчехляли инструменты. Две гитары, бас, барабанщик за установкой – группа, в которой играла Эмма, не использовала никаких устройств, работающих с помощью ней-роинтерфейсов. Всё вручную.

«Люди остаются людьми».

Они подключились и стали настраиваться. Эмма наиграла какую-то несложную бас-партию и что-то сказала человеку за пультом.

Джоан заметила, что стоящий рядом парень явно оценивающе разглядывает изгибы ее фигуры. Когда она повернулась к нему, он тут же отвел взгляд.

– Скройся, – посоветовала ему Джоан, и он стыдливо отошел подальше, стараясь больше не смотреть в ее сторону.

Группа все еще настраивалась. То ли фрагмент композиции был плох, то ли они играли плохо, то ли всё сразу, но Джоан явно не нравилось то, что она слышала. От запаха дыма, от шума, гама и в целом неприятной для нее обстановки у девушки уже немного болела голова.

«Господи, зачем я приперлась?»

Она знала зачем. Несмотря на поведение Эммы, которое когда-то взбесило, та ей нравилась. Не сказать, что Джоан переполняла чувства; возможно, она просто хотела перестать быть одной?.. Эмма казалась неплохой кандидаткой. При этом сама, судя по всему, была просто без ума от Джоан, и той отчего-то не хотелось расстраивать бедняжку.

«Ну что ж, я не против, давай поиграем. Пообманываем друг друга, насколько хватит сил и желания».

Похоже, группа наконец по-настоящему начинала. Публика потянулась ближе к сцене.

В не имевшей еще названия группе было четыре участника. Перед двумя гитаристами – парнем и девушкой – стояли старомодные микрофонные стойки («Неужели нельзя было надеть на голову маленькие беспроводные микрофоны?»). Джоан со свойственным ей вниманием запомнила, что вокалиста-гитариста зовут Джим, гитаристку – Анна, а парня-барабанщика – Саид (перед концертом Эмма беседовала с ними в коридоре, пока Джоан с выражением лица «что я тут делаю?» стояла рядом).

Джоан довольно скоро поняла, что зря выбрала именно это место в зале: начиная со второй песни тут стал твориться настоящий ад. Многим, наверное, нравилось – но для Джоан это было именно адом. Люди высказывали на край сцены, чтобы прыгнуть на руки стоящих внизу; рядом устроили мошпит: кто-то принялся, подобно пушечному ядру, летать от одной стороны расчищенного круга к другой, довольно жестко врезаясь в стоящих; те отталкивали его, заставляя лететь в противоположном направлении. Музыка плохо подходила для моша, но собравшихся это не оставляло. Джоан едва не разбила нос локтем; она благоразумно отошла в сторонку, близко к сцене, но сбоку, рядом с фотоаппаратами. Здесь было спокойно, зато долбил по ушам звук из колонок. Мало того, что это не был любимый стиль Джоан, – сама группа действительно играла довольно плохо. Да и тексты, которые едва удавалось разобрать, наводили на мысли о бездарности и графомании. Однако Эмма (насколько Джоан могла судить при своих знаниях о музыке) играла вполне прилично. Она – и еще барабанщик, то есть люди, ответственные за основу ритм-секции (что, впрочем, не спасало от общей унылости). А вот гитаристы то и дело лажали.

Песне на седьмой что-то будто изменилось. Нет, участники не стали играть профессиональнее – но музыка неожиданно стала интереснее.

«Наверное, каверы».

Это действительно были кавер-версии, которыми группа решила закончить свой сет.

Вышедшая следом группа из Чикаго «X-Rays» звучала заметно лучше; стиль их, правда, сильно отличался.

После концерта Эмма, уже со своей бас-гитарой за спиной, вместе с Джоан осталась в коридоре ожидать остальных участников группы.

– Как тебе вообще то, что мы играем?

– Если честно, не очень. Не принимай близко к сердцу. Но, – добавила Джоан, – ты и ваш барабанщик, похоже, уровнем повыше остальных.

– О, Саид где только не играл до этого. У него опыта хватает. Откровенно говоря, мне самой не слишком нравится, что мы сейчас лабаем, но я особо не лезу со своей критикой, решают, в основном, другие. Просто играю, – призналась Эмма.

– А зачем тогда?

– Ну, это все-таки как-то прикольно, по-моему. К тому же хотела тоже поднабраться опыта. Я раньше нигде не играла. А еще помочь знакомым.

– Не стоило меня поднимать. – Джоан вспомнила неприятный момент: во время сета «X-Rays» неожиданно для нее Эмма при поддержке еще пары человек подняла ее на руки; тут же подключились и другие.

– Извини...

– У меня было такое ощущение, что меня лапают за сиськи и бедра.

– На будущее – постарайся в таких случаях не оказываться лицом вниз.

– Мне бы и по-другому не понравилось. Тогда бы держались за задницу.

– Ну правда, прости.

Джоан устало вздохнула.

– Я проторчала в прокуренном зале, на меня глазел какой-то озабоченный юнец, мне чуть не сломали нос, потом облапали. А, да – еще я чуть не оглохла, стоя около колонок. Это и есть тот самый «культурный шок», о котором ты предупреждала?

– Не совсем... По крайней мере я другое имела в виду.

– Ладно, ладно, хватит об этом, а то, боюсь, ты снова начнешь извиняться.

Спустя минуту появились коллеги Эммы, о чем-то оживленно болтая. Они обсудили дальнейшие планы, договорившись о репетиции в среду, а после все пятеро вышли на улицу. Троица – гитарист, гитаристка, ударник – удалилась в направлении остановки, оставив Джоан с Эммой вдвоем.

– Свежий воздух наконец-то.

Эмма кивнула и не слишком уверенно спросила:

– Ты сейчас домой?

– Да. По крайней мере никуда больше не собиралась. Завтра опять на работу. А ты?

– Я собиралась в общагу.

В голосе Эммы Джоан заметила едва уловимую грусть. Она прекрасно понимала, в чем дело.

«Я не против. Давай пообманываемся».

Всё соткано из причин и следствий.

Джоан не слишком настойчиво притянула Эмму ближе к себе. Это был момент для Эммы, и она воспользовалась им, поцеловав Джоан. Та отметила, что целуется она хорошо.

И тогда Джоан сказала:

– Несмотря на все дерьмо, что было сегодня вечером, мне нравится быть с тобой.

Они вдвоем прошли до остановки. Джоан взяла руку спутницы в свою.

Дома Джоан наконец-то стянула с себя пропахшее сигаретным дымом и потом худы и плотно облегающие псевдоджинсы и кинула в стирку. Футболка отправилась следом за толстовкой и джинсами – от нее воняло тоже. Голосовое управление стиральной машиной работало нормально, и Джоан, задав настройки несколькими отрывисто произнесенными командами, сняла нижнее белье и встала под душ. Здесь модуль распознавания барахлил, поэтому она его давно отключила, выработав привычку быстро вводить вручную нужные параметры. Теплые струйки воды – какое блаженство после всего, что недавно было.

Она думала об Эмме. Дело было уже не только в том, что Джоан хотелось компании. Эмма ей нравилась, и Джоан рассчитывала на развитие их отношений. А чтобы все было хорошо, стоило приложить дополнительные усилия.

«Я хочу, чтобы она нравилась мне еще чуточку больше».

Необходимый шаблон уже был.

Выйдя из ванной, Джоан легла на кровать. Настроила работу имплантатов и, поднеся правую руку к промежности, начала мастурбировать. Фоном она запустила заблаговременно записанные сегодня паттерны с аудио- и визуальными образами Эммы; левой рукой при этом она массировала свои груди. Надо постараться активировать нужные группы нейронов – так она собиралась дополнительно немного увеличить силу своего сексуального влечения в будущем. Джоан видела рвение Эммы и хотела сделать для нее кое-что еще.

* * *

2081, осень

– Он был и будет нашим сыном, Эмма. И это реальная надежда. Ты помнишь, что нам сказали в прошлый раз?

– Я понимаю, но... все это как-то... неестественно. То есть я не хочу сказать...

Джоан ненавидела это слово.

– Неестественно?

– Нет, я просто...

– Тут нет ничего неестественного! Вообще ничего! Это любимое оправдание всяких кретингов, почему ты сейчас мне это говоришь?!

– Не кричи, пожалуйста...

– Как? Как я, твою мать, могу...

– Заткнись!

Взгляд и выкрик Эммы были неожиданными для Джоан и заставили ее замолчать.

Эмма продолжала:

– Ты права, мы говорим о нашем сыне. И именно поэтому я прошу тебя не пороть горячку.

«Ну вот опять».

Джоан старалась быть как можно более мягкой.

– Послушай. Подумай сама. Ты знаешь прогнозы. Ты знаешь, что нам пришлось брать кредит – и все равно это ничего не гарантирует.

– Просто заткнись...

– Нет, дослушай. – К Джоан вернулась решительность. – Это лучше, чем все, что мы можем. Это дает гораздо больше шансов. Ты знаешь это.

– И кто это будет? Машина, считающая себя Аланом?

– Как будто мы сами не машины. Просто часть его теперь будет искусственной нейронной сетью. И даже не настолько большая. Я понимаю, для тебя это может звучать странно. Но давай вспомним про людей, которые получали тяжелейшие травмы и на всю жизнь оставались овощами! Это шанс не просто на то, что Алан выживет, но и что не станет таким, как они! Ты понимаешь это? – Джоан помолчала, стараясь немного успокоиться. – Даже основа его мозга – если это что-то значит – всё еще обычные нейроны. В этом вся суть. Имплантаты Алана — это обширные протезы. Умный протез. Можно сказать, что этот искусственный интеллект вернет Алану возможность быть в сознании. Но там не будет никаких чуждых воспоминаний, никакой другой... – Джоан запнулась, – личности.

«Ни у кого нет личностной идентичности, это условность и обман», – мысленно поправила она себя.

Правда, Эмма, хоть и сто раз это слышала, похоже, так и не избавилась от плена иллюзий. Очень по-человечески. Сейчас лучше говорить просто: Алан был и останется Аланом.

Эмма молчала. Потом промолвила:

– Да, я все понимаю. – Она немного склонила голову. – Прости. Ты права.

– Я тоже была... слишком груба. Это, может быть, непросто принять. – Джоан взяла Эмму за плечи. – Он будет нашим сыном не меньше, чем был бы им, каким-то чудом очнувшись сейчас. Я люблю его, как и ты, и хочу, чтобы он выжил.

– Я согласна. Пусть все будет так, как ты предлагаешь. Но мне все равно немного не по себе, знаешь.

– Я понимаю. Я разозлилась на тебя, но я понимаю, что ты чувствуешь. Сейчас я позвоню им. Чем раньше, тем лучше.

– Да... Да, конечно. – Эмма села на диван и, вздохнув, закрыла глаза. – Почему ты всегда должна быть права? Почему ты всегда права?..

– Это не так. Иногда бываешь права ты, иногда я, иногда ошибаемся мы обе.

– Позвони. Не теряй времени.

* * *

2059

По дороге к кампусу Эмма и Джоан болтали в автобусе.

– Когда ты впервые отредактировала себе мозг?

Вопрос был вроде бы невинным, но застал Джоан врасплох.

Она соврала:

– В восемнадцать, перед поступлением в универ.

– И как потом? С последствиями операций, в смысле.

– Конечно, напрягало и было не слишком приятно, но с теми технологиями, которые применялись лет семь-восемь назад, все было уже не так и сложно.

– Я никогда еще тесно не общалась с людьми с модификациями вроде твоих. Тем более настолько... тесно.

– Ну, видишь, мы не кусаемся.

– Да я не имела в виду...

– Я знаю.

Они были уже на полпути.

Эмма задумчиво посмотрела в окно.

– Я еще в кафе заметила, что ты немного странная. Не в обидном смысле. Когда ты расплачивалась банковской картой. Мне всегда казалось, что люди... твоего типа до подобного не снисходят в принципе.

– У тебя полная голова стереотипов.

– Вероятно. А вчера вечером я увидела, как ты живешь. Это окончательно разорвало шаблон.

Джоан усмехнулась.

– Не могу сказать, что модификации не изменили меня – иначе зачем бы я их ставила. Но когнитивно я все равно очень... человечна, если можно так сказать. Я видела таких, которые и впрямь вписываются в твои стереотипы, кто-то так и вообще не от мира сего. К сожалению, и примеры проблем с модами тоже приходилось наблюдать.

– Часто такое бывает?

– Не знаю, я не статистик, – пожала плечами Джоан. – Наверное, реже, чем об этом кричат технофобы. Но риски действительно есть. Кроме того, бывает: улучшишь одно – потеряешь в чем-то другом. Однако все равно находятся те, кого все это не пугает – или не настолько пугает, даже если речь о потере той самой «человечности».

– А какие они – самые, прости... э-э-э... «бесчеловечные» моды, которых ты видела?

– Не знаю, кто как, но я бы определенно сказала: хайвы. Хотя зависит от конкретного случая, они бывают очень разные.

Эмма кивнула.

– Глубокая интеграция, мозговой зерг-раш...

– Следи за языком! За такие словечки можно и в суд попасть.

– Ну мы же только между собой.

– Все равно. И мне самой, кстати, это прозвище тоже не по нутру. Все-таки ты скрытая модофобка. И как я только решила с тобой переспать, фу. – Джоан улыбнулась. – В любом случае, по твоему вопросу: кто-кто, а эти мне действительно кажутся... странными. Что такое прямая работа с подключенными внешними искусственными нейронными сетями, я знаю по себе. Что такое ограниченное межмозговое взаимодействие – тоже. Но когда они капитально перестраивают себе мозги под долговременное сожительство...

– Коллективный разум?

– Что касается тех, о которых я знаю, – нет, но, возможно, нечто близкое. Члены хайва сохраняют частичную автономию и индивидуальность. Но все равно такая общность нам и не снилась. У них нет секретов друг от друга – это бессмысленно, когда один легко может увидеть что-то из башки другого. Тот, с которым я довольно долго работала, вообще старался не использовать местоимения единственного числа по отношению к себе и членам хайва – только в крайних случаях. Не «я» или «он», а «мы».

– Сколько их там было? – спросила Эмма.

– Шестеро. Четверо мужчин, две женщины.

– Не представляю, как кто-то на такое вообще идет.

– Порой сама удивляюсь, – честно ответила Джоан. – Но, с другой стороны, это интересно, хоть и непривычно.

– Представляю: я говорю что-нибудь члену хайва, а потом об этом узнают они все. От своих – никаких секретов.

– В общем так, по идее, оно и есть. Так что я лично не горю желанием делиться с ними секретами. Да они и не предлагают, впрочем. До сих пор не предлагали, по крайней мере.

– Ты говорила про межмозговые интерфейсы. Неглубокие.

– Да.

– А... когда ты такое пробовала?..

– Однажды, когда занималась сексом, – призналась Джоан. – В том случае, правда, интерфейс был на уровне софта, а не харда – мы обе использовали имплантаты и утилиты.

– Мне кажется, отсюда недалеко до хайва.

– Ошибаешься. Ощущения любопытные, кстати.

– Ты хочешь втянуть и меня в это? Не получится. Я разгадала твой план. Заманиваешь меня в хайв.

– А почему бы и нет? А серьезно – все не так, как ты думаешь. Просто представь, что ты чувствуешь немного из того, что чувствуешь партнерша. Эффект можно дополнить нарушением самоидентификации – и ты немножко ощутишь себя мной, и наоборот. Но это с хайвом и близко не валялось.

– Не знаю. Может, я бы даже и попробовала. Но все равно жутковато.

– Жизнь вообще штука весьма страшная.

– Знаешь, – начала Эмма, – ты никогда не задумывалась о том, сколько у нас сейчас есть охрененных вещей и как именно мы ими пользуемся? Ну то есть я хочу сказать, инженеры, ученые из прошлого, если бы увидели, что мы сегодня вытворяем с помощью их изобретений, как используем их открытия, – их бы ведь удар хватил. Или со смеху бы померли.

– Ага. Ты разработал интерфейс «мозг-мозг», а в будущем кто-то устанавливает через него связь во время секса. Ну или ты был пионером искусственных нейронных сетей, а кто-то использует их, чтобы придумывать оригинальные костюмы на Хэллоуин. Или писать дурацкие стишки. Примеров миллионы.

– А про Хэллоуин – это тоже правда кто-то делал?

– Да. А видела страничку «Artificial Idiot»?

– Нет, а что это?

– Какие-то ребята замутили в сети страницу, куда в личку все желающие могут скидывать цитаты из, на их взгляд, идиотских постов. На основе собранного материала они научили нейронную сеть быть сетевым идиотом и выкладывали самое выдающееся из ее творчества. А настоящий ад случился тогда, когда ИИ пустили погулять в соцсети под заранее созданными аккаунтами – свободно создавать посты, комментировать чужие и вступать в дискуссии. Аккаунты довольно быстро забанили, но следы деятельности удалось заскринить до того. Сейчас осталась только исходная страничка, она обновляется создателями – наверное, им до сих пор присылают материал для обучения. – Джоан постаралась сдержать смехок. – Самое интересное начиналось, когда искусственный идиот встречался с живыми коллегами. В принципе, безумные ИИ в соцсетях не новость, но в этот раз безумие достигалось целенаправленно. И получилось довольно качественно, кстати. Сеть Тьюринг – положительная, вполне способна сойти за человека, но без самосознания, так что шума со стороны ИИ-этиков не было. Почти. Мне ее даже немного жаль. Нейросеть-клоун на потеху желчным задротам, хоть и не способная по-настоящему понять, что она – это она.

Джоан уловила по виду Эммы, что эта история произвела не то впечатление, на которое она рассчитывала.

Автобус уже подъезжал к нужной остановке.

– Интересно, что бы сказал в середине прошлого века какой-нибудь специалист по нейронным сетям из MIT, услышав про подобное? – спросила Джоан.

– Что мир сошел с ума.

– Возможно. Но не стоит все время быть серьезными, верно?

– Веселиться можно и другими способами, – ответила Эмма.

Девушки вышли из автобуса. Джоан спросила, сможет ли Эмма пересечься с ней сегодня, и та ответила утвердительно, добавив, что детали напишет позже. Отсюда их дороги разошлись, но лишь до вечера.

* * *

2082, лето

Алан был не только жив, но и пришел в себя.

В приемной Чёрчленд-центра Карла увидела Эмму. К счастью, рядом не было ее отвратительной женушки.

– Здравствуй, Карла.

– Здравствуйте. Я очень благодарна, что вы позвонили.

– Я же обещала сообщить.

– Все равно. – И тут же: – Я... могу увидеть его сейчас?

– В общем, да, но... – Эмма замялась. – Сейчас он занят с Джоан. – Эмма серьезно посмотрела на Карлу. – Слушай, я знаю, вы обе... мягко говоря, друг друга недолюбливаете. Но, Карла, пожалуйста, прошу, просто постарайся сама не провоцировать ее.

«Провоцировать? Я? Да она...»

Но Карла промолчала, приложив все силы, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, и даже кивнула в ответ.

– Ну и хорошо. Я просто не ожидала, что вы вместе тут окажетесь. Понимаешь, ее отвлекли по делам, но она вернулась быстрее, чем я думала. Извини, что ты приехала не в самое удачное время. Но, как бы там ни было, Алан сам спрашивал у нас о тебе, и я обещала, что вы скоро встретитесь.

– Ничего, миссис Карпенко. Я понимаю.

За прошедший со времени аварии год Карла изменилась. Да, Эмме было мало известно о девушке, но перемена была заметна. Она держалась иначе, внешность ее стала более... строгой.

– Карла...

– Да?

– Я хотела спросить... То, что ты давала нам деньги, не слишком обременяло тебя?

«Обременяло? Ну уж это вряд ли».

– Нет, что вы, – ответила Карла. – Я сейчас занимаюсь бизнесом, доставшимся мне от отца, и часть средств...

– О, мне очень жаль, что твой отец...

– Это действительно было тяжело. Но все равно я старалась давать средства для Алана. Даже если бы это было трудно для меня, я должна была так поступить.

– Нам правда очень пригодилась эта помощь. Наша семья благодарна тебе.

Эмма старалась быть вежливой. На самом деле с тех пор, как Джоан заняла место в проекте, они не испытывали значительных финансовых трудностей.

В этот момент Карла увидела Джоан. Та направлялась к Эмме. Заметив рядом с женой Карлу, она замедлила шаг.

– Здравствуйте, миссис Мейерс...

– Привет.

Джоан явно была не в своей тарелке, но держала недовольство на коротком поводке.

– Алан в комнате. VR-реабилитация сейчас отключена.

– Я провожу Карлу к нему, – сказала Эмма.

– Хорошо. А мне снова нужно отойти.

Карла подумала:

«Пусть бы на этот раз возвращаться не торопилась».

Карла с Эммой прошли по длинному коридору, затем свернули направо. Эмма использовала на электронном замке одной из дверей карту доступа.

Алан сидел в умном кресле (из тех, что автоматически подстраиваются для большего удобства пользователя) перед столиком, рядом – каталка. При виде Карлы он резко изменился в лице. Парень явно был рад.

– Карла!..

– Осторожнее, у Алана пока трудности с движениями, – предупредила Эмма.

Карла обняла Алана.

– Я так хотела увидеть тебя...

Эмме стало неловко. Решив, что не будет ничего плохого в том, чтобы оставить этих двоих наедине, она аккуратно вышла.

– Я так ждала этого... Я люблю тебя... Господи, как я люблю тебя...

– Не волнуйся. Теперь все хорошо. Они говорят, что все идет хорошо.

Карла постаралась немного успокоиться.

– Прости... Я так рада.

– Я тоже. – И затем: – Как твой отец?

– Алан... Его больше нет в живых.

- О... Извини за мой вопрос. Я не знал. Я очень сочувствую.
- Ты не виноват. Ни в чем.
- Что с ним произошло?
- Ты же знаешь, он долго болел... – Это была полуправда. Карла не хотела вдаваться в объяснения.
- Извини. Я не всегда и не все помню. Говорят, что это из-за травмы. Но я сейчас вспомнил об этом.
- Не извиняйся. Я все понимаю. – Девушка втайне испытала облегчение от того, что Алан принял ее уклончивый ответ.
- «Что еще он мог забыть? – Карла немного боялась об этом думать. – По крайней мере он помнит меня».
- В комнату вошла Джоан.
- Извините, но вынуждена прервать вашу беседу. Алан, нужно еще поработать.
- Но, мама...
- Алан, это нужно для твоего выздоровления. И я надеюсь, что Карла это понимает. Пойми и ты.
- Да, миссис Мейерс.
- «Как я тебя ненавижу».
- Алан, я постараюсь навещать тебя как можно чаще. До встречи.
- Пока.
- Да, пока, Карла, – сказала Джоан.
- Карла, нарочито не торопясь, удалилась.

* * *

2059

До омерзения солнечное утро. Ни следа вчерашнего дождя. Когда она вышла из дома, якобы отправляясь в школу, страх только усилился. Навязчивые мысли: вдруг он знает? Что, если он следит за ней? Что он может сделать тогда?..

Тревога все нарастала.

Джоан проснулась. Сердце бешено билось внутри грудной клетки. Пробуждение не отогнало тревогу – наоборот, она даже усилилась, было невозможно нормально мыслить. Джоан сидела на постели и жадно хватала ртом воздух.

– Что с тобой?..

Эмма взволнованно обняла Джоан за плечи. Та приходила в себя. Сердце билось ровнее, страх отпустил.

– Ничего... Просто что-то вроде кошмара.

– «Что-то вроде»?

– Никаких образов не было, только чувство тревоги. По крайней мере я ничего не помню.

- Это, конечно, была ложь.
- «Нет. Больше никогда и никому. Это было в другой жизни».
- Ты уверена, что все нормально? Может, стоит обратиться...
 - Нет. Вряд ли это из-за имплантатов. Я проходила тесты совсем недавно. Не стоит бежать к психиатру из-за такой мелочи.
 - Но ведь всякое может быть. Хотя ты и говоришь, что все это не так опасно, как многим кажется, но я все-таки волнуюсь за тебя.
 - Да, возможно, ты права. – Джоан хотела успокоить Эмму.
- «...Когда ты впервые отредактировала себе мозг?»
- Неужели эта фраза из вчерашней утренней беседы спровоцировала мучительную экскурсию в прошлое?
- Ты... в порядке сейчас?
 - Да. Да, все уже хорошо.
- Эмма рядом, обнимает и успокаивает. От этого лучше.
- Спасибо...
 - За что? – Эмма выглядела искренне удивленной.
 - Просто за сочувствие. Это уже немало.
- «Может, сказать ей? Нет, не стоит».
- Я и правда очень волнуюсь.
 - Хорошо, хорошо, я обязательно проверюсь.
- Джоан постаралась сосредоточиться на чем-то приятном. Время, которое она проводила с Эммой...
- Я... Знаешь, я должна извиниться, – сказала она.
 - За что еще? Из-за кошмара? Брось.
 - Нет, я про кое-что другое.
- «Может, зря я это начала?»
- Но отступить было поздно. Не исключено, что это оттолкнет от нее Эмму. Не исключено, что... Но несказанное почему-то не давало покоя. Надо признаться. Хотя бы в этом.
- Недавно я... В общем, я просто хотела, чтобы у нас все было хорошо, и специально для этого я стимулировала свое влечение к тебе. То есть ты мне очень нравишься, но я хотела... дополнительную гарантию, я не знаю, как это назвать. Только небольшие стимуляции, не более. Ради тебя. Ради нас.
 - Ты могла бы сказать.
 - Я... боялась.
 - Ты... ты ведь действительно хотела этого, что-то сделать для меня.
- Пожалуйста, только не думай, что я ничего не чувствовала. Только закрепить...
- «Черт возьми, такие оправдания могут сделать только хуже».
- Это правда неожиданно и... не совсем приятно, но по большей части просто из-за того, что ты скрывала.

– Я просто захотела признаться тебе наконец...

«Ага, признаться в этом – но кое о чем другом ты молчишь. Но это по крайней мере с Эммой и не связано, так что...»

Однако небольшой осадок оставался.

«Скрываю, как будто я в чем-то виновата или она не поймет. Зачем? Не хочу, чтобы меня опять жалели. И не хочу ее переживаний из-за моего прошлого».

– Не волнуйся. – Эмма погладила волосы Джоан и игриво коснулась губами кончика ее носа. – Говоришь, что умеешь читать людей, а решила, наверное, что я сейчас возьму и убегу от тебя со всех ног.

Джоан, припомнив первые дни их знакомства, подумала, что сейчас они словно поменялись ролями. Забавно.

– Может, твой кошмар – побочный эффект стимуляций?

– Не думаю.

«Кривой паттерн? Нет, вряд ли».

– Помнишь, ты говорила про интерфейсы неглубокой интеграции? – спросила вдруг Эмма.

Джоан неуверенно улыбнулась.

– Да. Говорила.

– Я, наверное, даже попробовала бы с тобой. Правда. Я думала про это. Если с тобой действительно все хорошо. Сначала обязательно проверь свои мозги, прошу тебя.

«Хочет разрядить обстановку? А может, хватит строить из себя знатока человеческого поведения, а?» – спросила Джоан себя.

– Конечно. Как и обещала.

Эмма поцеловала ее.

* * *

2081, зима

Он бы мог и дальше цепляться за жизнь, растрачивая свое состояние на терапию. Вместо этого он решил умереть.

«Не бойся. Я давно старался готовить тебя к тому, чтобы однажды принять...»

Когда новорожденную достали из искусственной утробы, отцу было уже за шестьдесят.

Он был вся ее семья. Карлу никогда всерьез не интересовало, кем была ее биологическая мать – просто какая-то анонимная донорша яйцеклетки.

Отец позаботился о том, чтобы Карла – его проект – получилась именно такой, как он хотел.

Поначалу Карла умоляла его жить дальше. Много чего можно было сделать: приободрить неумолимо дряхлеющее тело, продлить обслуживание биомашин, производящих мониторинг и

убивающих то и дело предательски возникающие зачатки раковых опухолей.

Но он хотел уйти из жизни. Это был обдуманый шаг.

Отец оставил ей наследство.

«Я не хочу тратить деньги, чтобы выиграть еще день жизни в этом теле. Я оставляю в этом мире часть себя, и это гораздо лучше, чем жить вот так дальше».

Часть себя – в ней. И слепки из облачных нейронных сетей.

Когда он умер, ей было восемнадцать. Еще один удар – после случившегося с Аланом.

Они с папой были так близки...

«Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я люблю тебя».

Он заранее объяснил Карле, что она должна будет сделать. Готовил ее к жизни в одиночестве. Она не хотела, но и не могла противиться его решению, ее долгом было проявить уважение к воле отца.

Просто таблетка. И все будет куда проще.

«Я хочу, чтобы ты перенесла это как можно легче».

Ей действительно стало легче. Но это было только временно. Предстояло сделать нечто более серьезное.

Приглушить отклик на ситуацию с отцом до такой степени, чтобы жить дальше. Не забыть – просто затуманить связанные эмоции.

Она все равно будет помнить и любить его, даже с укрошенными чувствами.

И его часть останется жить в ней.

* * *

2082, лето

Я – балласт. Даже хуже – комар, надоедливо пищащий где-то рядом с ухом; незначительная помеха, с которой по досадному недоразумению все еще приходится считаться, хотя бы чисто символически.

Я и Эмма должны были дать «зеленый свет» участию Алана в проекте. Мы это сделали, а Центр предсказуемо продолжил делать вид, будто я все еще полезна.

На них работают такие существа (у меня язык не поворачивается назвать их просто людьми), в сравнении с которыми я интеллектуальная тля. Они двигают прогресс. Они имеют решающее значение. Я, в лучшем случае, выполняю подсобную работу, мое влияние на общее положение дел теперь куда меньше, чем в ходе тривиальных (в сравнении) исследований в Университете Британской Колумбии. Зарплата, правда, напротив, значительно выше. «Покупка в рассрочку».

Но все же так хочется гордиться тем, что я вношу свою лепту. Мы еще понадобится Центру. Я и Эмма. Следить за драгоценным проектом и оберегать его. О да, результаты впечатляют. Невероятно успешная реабилитация. Технологично, близкая к магии. Мониторинг, филигранная работа с биохимией «мясных» нейронных ансамблей и глии, развитие «протезных» частей... И это все взаправду работает.

Потрясающие результаты – при таких-то повреждениях! Пусть не без проблем, но с каждым днем всё лучше.

* * *

2059

Заброшенный парк в Бернаби Хайтс, рядом с мостом Секонд Нэрроус. По всей видимости, об этом месте мало заботились – кругом запустение и неухоженность. Но сеть все же работает хорошо.

– Ты пьешь? – спросила Джоан.

– Ну... иногда. – Вопрос был неожиданным. – Почему ты спрашиваешь?

– Вспомнила кое-что из прошлого. – Джоан тихо усмехнулась.

– Помню, как одна девчонка со своей подругой забралась в богом забытое местечко, откуда был очень крутой вид, они пили пиво и болтали. Воспоминания из прошлой жизни.

– «Одна девчонка» – это ты?

– Это было не меньше десяти лет назад. Я сейчас совсем другая.

– И что сейчас с той второй, с подругой?

– Мы иногда общаемся. Не в реале. Но все реже. Особенно с тех пор, как она подалась в Сообщество Квантового Бессмертия. И давай не будем об этом.

Эмме было любопытно, но она решила не ворошить бесцеремонно чужие воспоминания. Не хочет говорить – пусть так.

– А ты... ну, пьешь? – спросила она.

– Нет. Не то чтобы я боялась какой-то непредвиденной реакции, просто я могу добиться того же результата проще и безопаснее.

– Что ты имеешь в виду?

– Могу вызвать у себя состояние, похожее на легкое алкогольное опьянение.

– И это безопасно?

– Зависит от того, не натворю ли я в нем чего-нибудь. Что касается организма, то в любом случае это гораздо безопаснее обычного бухла. Хочешь, покажу?

– Ха. Ну давай.

– Хорошо, сейчас я буду... словно выпила вина. Ну или что-то вроде. Не очень много.

– Так ты, наверное, уже такое делала?

– Да. Всего пару раз. Мне было интересно. Все легально, если что. По крайней мере фактически не регулируется, как и многое другое.

– Я буду следить за тобой, – серьезно сказала Эмма. – Чтобы ты... не натворила чего-нибудь.

– Интересно, здесь вообще есть системы слежения?

– Поблизости – определенно, а вот тут, совсем рядом... не думаю. Даже дронов не замечала. Впрочем, наши гарнитуры, линзы и смартфоны – это уже что-то само по себе.

– «Информационный век». Личный подход... к каждой жертве.

– Личный подход к каждой жертве? – переспросила Эмма.

– Да. Подстраиваемый контент, я имею в виду. Умная среда. Таргетинг.

– А, так ты про это.

– Тебе это никогда не напоминало... хищников?

– Ты вдруг решила присоединиться к Богоубийцам? – сострила Эмма.

– Нет, но в чем-то они правы. В этом сравнении есть смысл.

– Выговор Джоан изменился, будто она специально старалась подчинять непослушные слова и не допускать ошибок. Да, Джоан немного опьянела.

– А у тебя нет чего-нибудь, чтобы теперь немного протрезветь?

– Эмма, что, и правда настолько сильно?

– Не очень, но все-таки.

– Ох... ладно. Кое-что я могу. – И Джоан продолжила: – Но что касается хищников. Все эти системы слежения и нейронные сети, работающие с большими массивами данных... Зачастую – чтобы выпотрошить кошелек. Однажды я подумала, что они напоминают серийных убийц.

– Seriously?

– Да. Расчетливых и изобретательных. Многие из них тоже могут притворяться образцовыми членами общества, быть харизматичными и приятными, чтобы вкрасься в доверие. Там – выпотрошенные жертвы, а тут – выпотрошенные кошельки. Вдобавок к государственной слежке...

– Гм. Что касается последнего – три года назад я была на митинге на Виктори-сквер...

– Тот, что против наступления на приватность?

– Да. Ну ты, видимо, в курсе, чем все кончилось.

– Угу. Разгон, общественный резонанс, извинения и номинальные уступки.

– Примерно так. Я видела, как копы лупили дубинками одного парня чуть не до полусмерти. Мне тогда довелось немного посидеть в отделе, но все обошлось.

– Не думала, что ты бунтарка.

– Ой, да перестань. Вообще, кого там только не было.

Джоан вздохнула.

– Когда-то фантасты писали, что мы сегодня будем плавать в виртуальной реальности круглые сутки. Но вот чтобы демонстрации, толпа на улице...

– Еще писали, что мы перестанем заниматься сексом в реале с живыми людьми.

– Может быть, мы живем в не таком уж и плохом мире. Не погрязли поголовно в виртуальных удовольствиях. Мне, по крайней мере, нравится общаться с тобой в реале, – весело сказала Джоан.

– Не могу не сказать: мне тоже, – ответила Эмма.

Джоан опять вспомнила Лизу. То, как они сидели рядом, «двое на краю мира»...

Только теперь рядом с ней сидит другая, которую она легко может обнять, не боясь, что та отпрянет, удивленная.

* * *

Запись из дневника:

«15/11/2048

Ненавижу, ненавижу, ненавижу!»

* * *

2056

Народу собралось уже порядком. Несколько тысяч человек, не меньше.

Эмма подошла к Виктори-сквер в три. Было воскресенье. Ясное небо с проседью редких облачков.

Раньше ей не приходилось бывать на подобных мероприятиях. И поначалу она сильно сомневалась, стоит ли идти.

Митинг в защиту прав пользователей сети и против мер правительства по контролю должен был вот-вот начаться. Рядом кто-то разворачивал баннер. Эмма узнала символику – она часто видела ее в Интернете. «Детки Доктору», названные в честь легендарного писателя. Неподалеку развевались красные знамена социалистов. С другой стороны Эмма заметила флаг, принадлежащий, если она не ошибалась, техноконсерваторам. Да кого тут только не было! К площади стекались представители самых разных, зачастую враждебных друг другу общественных сил.

Эмма не относила себя ни к одной из них. Просто считала, что это достойный повод и что политика министерства действитель-

но вопиюще несправедлива. Под предлогом «предотвращения угрозы биотерроризма» после Евразийской Пандемии правительство продвигало меры, которые ограничивали сетевую свободу пользователей и увеличивали долю легального мониторинга различных сфер жизни. Разумеется, многие имели иное мнение об истинных причинах происходящего. Недовольство политикой жесткой экономии было повсеместным, все больше распознана неустроенность, и власть попросту боялась радикалов. Чем дальше, тем больше в стране распространялись репрессивные тенденции.

Что может дать этот митинг? Эмме казалось, что надежда есть: власть, увидев демонстрацию недовольства, под давлением снизу может пойти на уступки. Во всяком случае, ей хотелось на это надеяться.

Сетевой самоорганизации, предшествовавшей митингу, с самого начала старались активно мешать. В ход шло все – от сообщений ботов и DDOS-атак до вбросов фейковой информации. Но сколько бы ни говорили о наступлении эпохи «общества дезинформации», где якобы можно заглушить любую правду, тысячам людей все же удалось собраться. Впрочем, такое массовое собрание в Канаде было в последние годы явлением весьма редким, по крайней мере насколько знала Эмма.

Проходившая мимо женщина в бейсболке и зеркальных очках на пол-лица вручила ей листовку с эмблемой профсоюза промышленных координаторов Британской Колумбии. Глаза Эммы сразу выловили из текста набранное крупным шрифтом: «Солидарность работников всех профессий и форм занятости, модов и нон-модов в борьбе за права!»

Эмма сложила листовку и засунула в карман.

Дорожное движение, разумеется, было перекрыто. Тогда что за машины ехали одновременно с севера и юга? Дополнительные части полиции. Где-то неподалеку все отчетливее слышались ухажующие звуки. Вертолет (не один?), догадалась Эмма.

Все началось довольно резко. Неподалеку от Эммы какой-то мужчина вдруг стал дергаться и кричать. Выглядело так, словно он копировал позы и движения людей рядом с собой – всех, кого мог увидеть, одного за другим. Судя по странному оживлению поодаль, что-то (непонятно точно, что именно) происходило в это же время и в других местах. Как потом прочитала Эмма, это, скорее всего, было частью полицейской тактики: спровоцировав внезапные приступы у людей с имплантатами, посеять контролируемый хаос. Затем наступило время грубой силы. Акция не была согласована (в проведении раз за разом отказывали, но народ тем не менее вышел), официальные лица впоследствии

даже пытались утверждать, что первым силу применил кто-то из демонстрантов. Водометы и дубинки гнали разрозненные части толпы, кто-то кидал камни в силовиков, сгоняемые в кучи люди бежали. Разгон был отработан заранее.

Эмма неслась навстречу куда, плохо что-либо понимая в создавшейся неразберихе. Она видела, как какой-то парень споткнулся и упал, отстав от бегущей кучки людей; вот он поднялся с земли, но рядом уже стоял полицейский со щитом и дубинкой и, когда парень снова собрался бежать, ударил его по спине дубинкой, а потом к этому копу присоединился другой.

Тем временем Эмма поняла, что они движутся прямо к полицейским.

Эмма не сопротивлялась, когда ее сажали в полицейскую машину – не очень большой электрический «форд». После был вечер в отделении рядом с другими, такими же, как и она. Избитого парня она увидела в следующий раз только на фотографии в сети неделей позже. Стэнли Клепацки. Вокруг него развернулась длительная судебная тяжба, как и вокруг прочих серьезно пострадавших в то воскресенье от действий полиции.

* * *

2082, осень

– Все говорят об успехах, он уже давно не лежит в Центре, но он... не знаю. – Голос Эммы звучал тревожно. – С ним все равно что-то не так.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты же видишь... он какой-то странный. То разговаривает как раньше, отлично понимает сложные вещи, то ведет себя как маленький ребенок.

Джоан вздохнула.

– Да, я знаю. Никто не обещал, что будет хорошо все и сразу. Но он жив, так? И в его состоянии есть явный прогресс.

– Прости, я только... Это все тяжело.

– Я понимаю.

Была половина двенадцатого. Алан, должно быть, спал.

– Сколько в нем от старого Алана? Он таким не был. – Эмма почти плакала. – Знаешь, иногда приходят такие мысли, словно назло. Что он ненастоящий. Что он просто ИИ, присвоивший память моего сына.

– Послушай, некоторые из людей, перенесших инсульт, в гораздо большей степени меняются, при этом их не называют «другими». Бессмысленно говорить о том, что это ИИ, присвоивший тело и память, тем более – что он ненастоящий.

«Снова и снова я играю в эту игру. Говорю так, будто идентичность – не иллюзия.

Не было и нет единого Алана. И Эммы. И меня. И никого вообще. И опять лучше подыграть заблуждению».

Взгляд Эммы переместился в сторону дверного проема, и лицо ее внезапно изменилось. Джоан обернулась, уже догадываясь, в чем дело.

В дверях кухни стоял Алан и смотрел на обеих.

* * *

Запись из дневника:

«18/06/2049

Да, прошло уже много времени с тех пор, как я что-то писала сюда. Но пусть эта запись будет завершением. Хватит дневников. Теперь я совсем другая.

Наконец-то покончено со всей медицинской возней. Теперь я даже могу довольно спокойно говорить о произошедшем.

Больше полугода прошло с тех пор, как отчим изнасиловал меня. Уже нет тех эмоций, но все равно остановилась, прежде чем набрать это слово.

Не знаю, что он там думал. Наверное, считал, что я буду испуганной мышкой и не скажу никому. Насколько я могу вспомнить, наверное, я была близка к тому. Но память как будто не моя. Я не чувствую ее как свою с тех пор, как мне притупили отклик на воспоминание.

Он ошибся. Уже в понедельник я сделала вид, что иду в школу, как обычно, а сама отправилась в полицейский участок. Я помню, что очень боялась, но самих ощущений того страха не осталось. Воспоминания говорят, что я постоянно была на стреме – но я не чувствую этого во всей полноте. Мне даже кажется, будто это была не я, а какая-то другая девушка.

Мне повезло – я жутко переживала, что меня не примут все-ррез. Но все оказалось гораздо проще. Следы на теле с прошлого дня тоже говорили в мою пользу.

Потом была нейроэкспертиза, они задавали вопросы, отслеживая активность моего мозга, и, видимо, быстро сделали вывод, что я рассказала правду. Я помню, мне было тяжело, но не помню, как тяжело.

Я не видела лицо этого гондона, когда за ним пришли. Для той меня, наверное, это было бы наслаждением. Да и для нынешней меня наверняка – но в меньшей степени, ведь я не чувствую все настолько, как чувствовала она. Его тоже прогнали через нейро-экспертизу.

А еще я вспоминаю свою ненаглядную матушку, обвинявшую меня в том, что я просто всегда ненавидела ее и хотела разрушить ее новый брак. Боже, она устроила такой цирк в суде! Она даже умудрялась обвинять экспертов. Ну конечно, ведь современные средства медицинской экспертизы – это от нечистого, да?

Факты говорили не в ее пользу.

Мне могли вообще избирательно стереть память. Приглушить не дающие покоя узлы. Но я отказалась. Я выбрала это. Все-таки было как-то... не знаю, жутковато. Врачи сказали, что в этом случае, скорее всего, тоже будет нормально, хотя не слишком одобряли мое решение. Но это был мой выбор.

Что касается отчима, все еще надеюсь, как и старая я, что он сдохнет прежде, чем отмотает срок. Правда, это вряд ли. По крайней мере, может, его ждет подобие того, что он сделал со мной. И за ним после освобождения еще долго будут пристально следить нетхантеры.

Я до сих пор ненавижу его – хоть и далеко не так сильно, как раньше.

Сейчас я живу у тети Элис. Я многое пропустила по учебе, но, судя по оценкам, хорошо нагоняю программу. Да я способная девушка, мать вашу. Лиза часто приходит, мы болтаем. Я очень благодарна ей. Но в отношениях между нами есть серьезная проблема, и дело не в том, что я ее не привлекаю как девушка. Она жалеет меня. Мне это не нравится. Мне не нравится, что она смотрит на меня так, словно я какая-то неполноценная. Второй раз за то время, что я набираю текст, я засомневалась перед тем, как написать слово. И второй раз написала как есть. Я не хочу ее жалости, я говорила ей об этом, но она не может ничего с собой поделать, наверное.

Я бы хотела покинуть этот городок. Мне и раньше хотелось, а теперь хочется еще больше. Как-то я говорила об этом с Лизой, и она со мной согласилась, даже искренне, мне кажется, не просто чтобы поддержать.

В будущем я хотела бы уехать, например, в Ванкувер. Поступить в университет. Только все это мечты, я сомневаюсь, что у меня получится.

Ну вот и все. С этого дня я больше не буду продолжать этот дневник и вообще не буду вести дневников. Я пишу на старом планшете, я только для этого дневника его и использовала. Теперь он будет валяться среди барахла. Может, когда-нибудь меня потянет перечитать все эти записи зачем-то. Я смогу, если к тому времени не забуду пароль.

Прощай, старая я».

* * *

2082, осень

- Кто я, по-твоему, такой?
- Что ты имеешь в виду? – спросила Карла.
- Я настоящий Алан?
- Конечно. Как может быть иначе?
- «Он все еще довольно странный, но... нет, ну что за вопрос».
- У меня много имплантатов. Мой мозг сильно изменен.
- Да какая разница!
- Ты правда так считаешь?
- Да. Послушай, Алан, у кучи людей, в том числе и у меня сейчас, имплантаты и самые разные улучшения – и тем не менее. Это просто технология лечения.
- Просто технология.
- Да, и тебе не стоит себя изводить.
- Я услышал от одной моей матери, что я сильно изменился. Она говорила, что иногда ей кажется, будто я – ИИ, присвоивший личность старого Алана. Знаешь, у меня в мозг ведь встроен ИИ...
- Кто из матерей это сказал?
- Алан немного помялся, но ответил:
- Эмма. Как ты думаешь, я – ИИ?
- Я думаю, что ты человек, Алан. ИИ – просто дополнение.
- Но он обеспечивает мое самосознание. Я узнал. И если я все же ИИ, то его – то есть меня – к тому же еще и заставили стать Аланом.
- Как же твой остальной мозг, вся твоя память? Разве не это определяет тебя в первую очередь? Можно рассуждать так: если этот ИИ берет на себя функции эго, он тем самым просто помогает тебе быть тобой.
- Если эго-ИИ в моей голове – дополнение, то неэтично так его использовать. Наверное.
- Лучшее, что ты можешь для него сделать, раз уж он есть и является частью твоего мозга, – заботиться о себе. Таким образом ты позаботишься о нем.
- Помолчали. Судя по задумчивому виду Алана, тот размышлял о сказанном Карлой.
- Еще я узнал, что при разработке этой технологии проводились неэтичные опыты. Джоан, конечно, не рассказывала. Мне так... неприятно нести это в себе.
- Не ты проводил эти исследования. И когда ты пострадал, технология уже существовала – какой был смысл ее отвергать?
- «Наверное, он все равно со мной не согласен».
- Судя по всему, эго-этика оставалась важна для Алана не меньше, чем раньше, несмотря на все перемены.

Погода была пасмурная, но дождя, согласно прогнозу, не ожидалось. Алан и Карла неспешно шли по усыпанной листьями дороге мимо парковых лавочек и фонарей.

Карла спросила:

– Джоан по-прежнему утверждает, что я тобой манипулирую?

– Да. Я думаю, что дело в твоём финансовом положении.

– Хочешь сказать, просто завидует?

– Да.

– Ну что ж, возможно...

Листья мягко шуршали под ногами.

– Карла, я хотел спросить...

– Да, конечно. О чём?

– Возможно, вопрос неприятный.

– Ты про отца?

– Не совсем. Как ты вообще после всего этого? Я ведь почти ничего теперь о тебе не знаю.

– Ну, я занимаюсь бизнесом. Сейчас я – совладелица компании. – Она усмехнулась. – Многие рассчитывали, что место займет наивная девчонка с амбициями. И были очень удивлены. Не то чтобы я хвасталась, но отец меня неплохо подготовил.

– И что именно ты делаешь?

– По сути, перераспределяю ресурсы, я бы так это назвала. Определяю стратегии и тактики развития, отбираю те, которые мне кажутся наиболее многообещающими. Не без помощи ИИ, но не волнуйся – у нас, как и раньше, эго-этичный бизнес, они без самосознания. На линиях тоже – люди на зарплатах и все ИИ не-эго. Правда, сырье... – признала Карла. – Мы стараемся тщательно выбирать поставщиков, но полностью за них не ручаемся. Да и насчет big data похожая ситуация...

– Понятно... И как компания?

– Довольно неплохо все идет, на мой взгляд. В кредитной яме не сидим уж точно. Хотя мы и расходует больше многих других компаний из-за этических ограничений на производстве. Но принципы есть принципы. И, кстати, спрос на эго-этичную одежду немного вырос, если верить данным.

– Угу... Ты говорила, что ты теперь мод?

– Да, но изменений совсем немного. Это связано с необходимостью по работе.

– Еще раз хочу сказать: мне очень жаль, что так все сложилось с твоим отцом.

Карла вздохнула.

– Я стараюсь следовать его совету. Быть сильнее и двигаться дальше.

– Знаешь... – начал было Алан, но тут же одернул себя.

– Что?
– Да так, ничего.
– Нет, говори.
– Понимаешь, мне нравится с тобой, но... С тех пор как очнулся, я замечаю, что мои чувства к тебе стали другими. Наверное, я больше не люблю тебя.

Карла шла молча, опустив глаза.

– Я считаю тебя своей подругой, и мне нравится быть с тобой, но уже не так, как прежде.

– Хорошо, что ты сказал.

– Я не знаю, может, это из-за травмы? Бывают разные случаи...

– Может, и из-за травмы. – Карла не смотрела на Алана.

Она остановилась и взяла его за плечи.

– Алан, – дрожь в голосе девушки стала еще заметнее, – мне было нелегко это услышать сейчас. Но... пожалуй, тебе правда стоило сказать. И я люблю тебя. Как бы там ни было.

Карла едва удержалась, чтобы не заплакать. Про себя она отметила: это была лишь наполовину грусть, а наполовину... досада, что все идет не так? Неужели Джоан была права, и ей, Карле, просто нравится делать из Алана то, что хочется?..

– Может... может, даже все опять вернется. Я ведь еще прохожу реабилитацию. Я не знаю. Это все так странно.

«В любом случае я не хочу, чтобы это было вот так. Возможно...»

* * *

2080

«Говорят: эго-ИИ – даже не животные. Говорят, что у ИИ не может быть настоящих мыслей и чувств.

Все это ложь и пустые отговорки.

Кому-то просто все равно.

Правда в том, что эго-ИИ тоже страдают.

Правда в том, что страдание по своей сути – не обязательно определенная биохимия или мозговая структура, а динамический паттерн когнитивной системы (ссылка).

Правда в том, что ежедневно миллионы созданий обрекаются на страдания – как ИИ, так и животные.

Так не должно быть! Не будьте равнодушными!

Сеть эго-защитных организаций Ванкувера (ссылка).

Наши ближайшие акции (ссылка).

РАСПРОСТРАНИТЕ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ!»

Алан скопировал текст в «рассылщика» и нажал «ОК». Бот (разумеется, без самосознания) начал размещать текст в сети, создавая, где надо, для этого учетные записи.

2083

Вот уже около года минуло с момента пробуждения Алана. Парень показывал огромный прогресс в восстановлении; Джоан не могла не радоваться этому. Хотя было и не слишком приятное для нее: Алан снова все больше времени проводил с Карлой.

Но что было делать? Может, он и пациент, за которым мать, причастная к проекту, обязана присматривать, и, может, она ненавидит его девушку, однако Алан тоже человек и уже совершеннолетний. Кроме того, здесь была и другая его мать. Эмма не давала Джоан монополии на осуждение либо одобрение поступков сына. Да и сама Джоан принуждала себя ограничивать колкости в адрес Алана, находившегося в состоянии реабилитации. Она не имела морального права нападать на него сейчас – во всяком случае столь явно, как раньше.

Джоан кое-что удивляло. Некоторое время после пробуждения Алана из подмечаемых мелких деталей складывалось впечатление, что Карла теперь несколько меньше интересуется парня, при том что эти двое по-прежнему проводили много времени вместе. А потом вдруг начало казаться, будто вернулась та самая настоящая одержимость Алана Карлой, что была до аварии, и даже усилилась. Разумеется, сын не делился с Джоан подробностями отношений, но аугментированная интуиция все больше не давала ей покоя. За то время, что она жила с дополнениями, Джоан уже привыкла к непрошеным догадкам, зачастую очень неожиданным, сперва изумлявшим и пугавшим ее. Так работал ее измененный мозг. Множество бессознательных корреляций разнообразных параметров, славших «наверх» тревожные сигналы.

«Я не могу точно объяснить всего, я просто знаю: здесь что-то не так».

Алан снова уходил. Мать опять нехотя отпускала сына. Нужно было только кое-что сделать.

– Алан, необходимо взять образец твоей крови.

– Зачем?

– Ты же знаешь, наблюдение входит в мои обязанности. В этот раз они запросили анализ крови.

– Ну хорошо.

Алан послушно оголил правую руку. Джоан пришла к ней прибор для забора крови из вены. Легкий укол, самая малость материала.

– Вот. – Мать подала Алану пластырь. Он прилепил его на руку.

– Скоро ты вернешься?

– Я до вечера, часов до семи.

Джоан вздохнула.

– Ну, давай.

Едва сын ушел, она взяла образец и отправилась по заранее найденному адресу.

По возвращении домой Джоан не застала Алана – было еще рано, середина дня. Эмма была на работе. Джоан решила, что стоит попытаться расслабиться и немного отдохнуть. Она легла на кровать в спальне, настроила утилиту-будильник на пробуждение через два часа и активировала паттерн перехода ко сну.

Удушьющее чувство беспомощности. И два человека; грубый, отвратительный акт совокупления: крепкий мужчина средних лет, взявший силой девушку-подростка...

«Нет!»

Джоан проснулась. Ей казалось, она задыхается, было тошно, ее всю заполняло нечто, что лишь приблизительно можно описать словом «тревога». Было невозможно мыслить ясно.

Постепенно тревога ослабевала.

«Да, все мы никогда и не были “нами самими”». Самообман – самое сердце чувства Себя.

Но это не отменяет прошлого. Так старалась убежать от него... Еще один самообман, как это по-человечески. Подчеркивала разницу между той девчонкой и тем, что было после. Но все-таки оставила ее трагедию, пусть и приглушенную, с собой, отказавшись от стирания».

* * *

2081, зима

«Дети – будущее». Для многих это прописная истина.

Генетическое и культурное наследие. Те, что придут после.

Родители лепят из глины то, что хотят – настолько, насколько податлив материал.

И он вылепил Карлу – вкладывая всю заботу и любовь, на какую был способен. Не все согласились бы с его методами – но разве не стоит пересмотреть многое из того, что человечество долгое время считало нормой? Хайвы, добровольный савантизм и прочее – разве не наглядное доказательство? И он знал, что Карла была с ним согласна. Они вообще редко ссорились – так уж он ее воспитал.

Она будет хранить в своем мозге субличные модули, сохранит и все внешние слепки – он не сомневался.

И он знал: что бы ни думало большинство, это оно ошибается, а он прав. Он все сделал верно.

Он не считал, что это хуже с точки зрения эго-этики, чем стандартная лепка. Просто усовершенствовал процесс. Двое были близки, как ни один отец со своей дочерью, это определено; иногда разделялись, периодически снижали степень их единства – чтобы потом слиться вновь. Он учил Карлу, та всем делилась с ним, а он – с ней, с самых ранних ее лет, когда они только начали интеграцию. Отец уделял ей столько внимания, сколько мог. Разве это не забота?

Наставление. Он готовил ее к тому, что ожидало ее как наследницу семейного бизнеса. Не жалел сил и средств на воспитание. Он знал: дочь оценит все это по достоинству. И даже когда его тело умрет, часть его будет в дочери, буквально в ее голове.

Пластичность материала для лепки – мозга – не привилегия только лишь юного возраста, как считалось когда-то очень давно. Но в ранние годы мозг более... податлив.

Отец и дочь были почти едины, когда сливались, – степень цельности соответствовала степени интеграции. Но вставала типичная проблема хайвов: эволюция не приспособила людей к такому межмозговому взаимодействию. Им тоже пришлось потрудиться, но тут со стороны дочери все было гораздо проще, чем у взрослых, решивших объединиться в коллектив: молодой и гибкий мозг куда более открыт воздействиям. Разумеется, и здесь пришлось прибегнуть к имплантатам и хирургии, проблемы оставались. Но у него были деньги. И были те, кто соглашался предоставить услуги в обход установленных предписаний.

Их союз. Их тайна.

Это так удивительно – насколько вещество в черепной коробке порой готово к переменам. Они оставили друг в друге глубокие следы, однако он знал, что рано или поздно придет пора расставаться. Отец следил за тем, чтобы Карла росла способной жить вне их союза, при этом все еще неся в себе те самые части его.

Оба определенно знали, как это больно – одиночество, по периодам разъединения. Теперь, окончательно разъединившись перед процедурой эвтаназии, он имел возможность убедиться в этом еще раз. Последний.

Оба понимали, что тела не вечны, а он не хотел попусту растративать свое состояние на продление жизни одного из них.

* * *

2060

Джоан и Эмма шли по набережной кампуса.

– Когда-то здесь ничего этого не было. Изменение климата повлияло, да и вообще...

– Да, я видела старые фотографии начала века. И не узнать, все так поменялось.

Линия фронта в противостоянии моря и суши; слабые волны наступающего прибоя разбивались о серые стены. Двое стояли, опершись о перила. Джоан смотрела куда-то вдаль, прищурив глаза.

– Тебе ведь нравится быть со мной? – спросила она. – Почему?

– Странный вопрос. Вообще, я как-то не задумываюсь о подобных вещах. С чего это ты вдруг?

– Просто интересно. Ну и кроме того – вполне отдаю себе отчет в том, что я не самый простой человек. Бывает со мной. Минутка интроспекции, знаешь. Привычка раскладывать все по полочкам.

– У всех свои недостатки, у меня, у тебя. Мне приятно рядом с тобой. Обычно не анализирую, просто... живу. Не знаю.

– Мы вместе уже больше полугода. У меня никогда не было таких отношений. Вообще нормальных отношений, пока не начала встречаться с тобой. – Теперь Джоан смотрела на Эмму. – И, знаешь... может, ты и сама догадалась, мне вообще обычно не очень даются отношения с людьми. Я не боюсь, не стесняюсь, только как-то всё...

– Понимаю. Наверное, понимаю.

– Ты... ты не боишься, что все это однажды кончится? Наши отношения, я имею в виду.

– Я не думала об этом. Или старалась не думать. Что на тебя такое нашло? Перестань.

– Прости. Я просто думала кое о чем. Помнишь, я призналась тебе, как стимулировала себя?

– Ну... да. Помню. А при чем тут это?

– Тогда ты ответила, что я старалась для наших отношений. Может быть, это тебя оттолкнет... в любом случае покажется тебе странным, я думаю, но я хотела спросить... – Джоан собрала с силами и вновь заговорила: – Как бы ты отнеслась к тому, если бы я продолжила это делать? Не скрывая от тебя.

Вопрос действительно показался Эмме странным.

– А зачем?

– Тебе все это нравится – то, что есть между нами. И мне тоже. Черт, у меня ни с кем не получалось так серьезно до сих пор. И я боюсь это потерять. Не из-за тебя – ты можешь уйти, когда захочешь, и я не обижусь. Постараюсь не обижаться. Боюсь, что сама налажаю. Буду чувствовать себя виноватой перед тобой.

– Да брось, ты имеешь те же права, что и я. Захочешь – уйдешь, и это будет нормально. – Эмме не нравилось представлять описанную ситуацию, но она хотела подбодрить Джоан, которая, похоже, была не в лучшем настроении. – И разве нужно все это? Стимуляции, таблетки, коррекции... Почему бы не оставить все как есть и жить, а там – как получится?

– Знаешь, часто говорят: «Будь лучше». Изменись, если недовольна собой. Сейчас есть столько средств для этого. А в будущем будет еще больше. Так ли уж хуже пользоваться ими, чем действовать по старинке?

– В таком случае я чувствовала бы себя так, словно принуждаю тебя.

– Это касается и традиционных методов. Кто-то жертвует ради другого. Многие бы сказали, что это благородно. И при этом назвали бы коррекцию апогеем фальши. Где логика? Да, они могли бы возразить, что коррекция почти не требует усилий, но это не так. Если идешь на коррекцию, нужно перебороть страх «потери идентичности». Даже если знаешь, что вообще-то вся эта идентичность – самообман, потому что ее иллюзия сидит глубоко во всех нас.

Эмма попыталась подобрать слова:

– И ты правда хотела бы сделать это для меня?

– Да. Хотела бы. – Джоан постаралась произнести это как можно более твердо.

– Да это рабство какое-то!

– И пусть. Я бы хотела.

– Правда, с чего вдруг весь этот разговор? Откуда эти страхи? Что с тобой, блин?

– Я люблю тебя, вот что! Если в этом слове есть хоть грамм смысла! – Джоан почти кричала. – Знаешь, каково это – считать себя обделенной, когда у других вокруг есть друзья, семьи, а у тебя никогда ничего не получается? Чувствовать свою ущербность. И не надо жалости – от этого мне только хуже, особенно если это будешь ты. Я хочу быть с тобой. Я хочу быть... нормальной. И поэтому... – Джоан сделала глубокий вдох.

Эмма растерянно смотрела на нее.

– Я хочу, чтобы ты разрешила мне, – закончила Джоан. – Пожалуйста.

– Если мы расстанемся, ты будешь сильнее страдать.

– И хрен с ним. Прошу тебя...

– Я... я не знаю. То есть правда не стоит делать такое из-за меня.

– То есть «нет»?

– Именно. – Это было бы слишком – разрешить любовнице превратиться в свою рабыню, пусть и добровольно. Даже если такое в самом деле происходит сплошь и рядом. – Я люблю тебя такой, какая ты есть. Почему ты этого не поймешь? – Они стояли лицом друг к другу, и Эмма нежно держала Джоан за плечи. – Не нужно не только каких-то стимуляций, вообще не надо надрываться ради меня. И еще ты гораздо лучше, чем думаешь. И уж

точно не ущербная. Конечно, я не могу все отследить. Может, ты тайком от меня будешь подстраивать свой мозг, но только я прошу: не стоит.

– Спасибо... Прости. – Джоан шмыгнула носом. – Я устроила на пустом месте драму.

– Успокойся. Вспомни о своей диссертации, от которой я тебя постоянно отвлекаю. – Руки Эммы опустились к талии Джоан, она легонько притянула Джоан ближе. – Вот как раз я – та еще засранка.

– Засранка, стоящая того, чтобы ради нее забыть на дела, – ответила Джоан.

Где-то под ними, у кромки береговых стен, продолжали шуршать волны.

– Мы могли бы поехать в центр, – сказала Эмма. – Я знаю пару отличных местечек. Можно было бы посидеть, не сильно допоздна. Время у нас есть.

– Ты же знаешь, у меня не очень с деньгами сейчас...

– О, не думай волноваться об этом. Я заплачу. К тому же там недорого. Думаешь, я богатая?

– Мне неудобно.

– Мы встречаемся не первый и даже не второй месяц, и ты говоришь, что тебе неудобно? Пойде-о-ом! – Эмма озорно потянула Джоан за руку.

– У тебя сейчас даже работы нет, это деньги твоих родителей. Что бы они сказали, если бы узнали, что ты тратишь то, что они посылают, на девушек? – спросила Джоан, неуверенно поддаваясь напору Эммы.

– На девушку, – серьезно поправила ее та. – Одну-единственную.

– Ну пусть так. Но тем не менее?

– Сказали бы, что ничего страшного. А мне все равно вполне хватит.

– Ох... ну ладно. – Джоан оставила попытки сопротивляться. Они направились к автобусной остановке.

* * *

2083

– Помнишь, мы были тут однажды?

– Да. – Алан задумчиво смотрел на огромную, три на четыре метра, картину Луизы Ли «Вечность». Перед ним бушевало бесчисленное скопление оттенков и образов, сведенных воедино измененным мозгом художницы. Глаза словно преследовали нечто внутри пестрого прямоугольника. — Я хорошо помню именно это место здесь. В галерее. Но я видел ее совсем иначе.

– Такое часто бывает с парейдолическими картинами, – сказала Карла. – Один раз видишь одно, другой раз – другое. А что ты видишь вот здесь? – Девушка указала на нижний правый угол картины.

– Город. Высотные дома.

– Хм. А я вижу лес.

– Теперь я тоже вижу...

– А я теперь увидела город.

Здесь были кресла и скамейки, и можно было разглядывать картины расслабившись.

– Я присяду, пожалуй.

– Я тоже.

Они пришли сюда, в Галерею парейдолической живописи, по предложению Карлы. Ей нравилось тут бывать время от времени. Она любила находить паттерны в причудливом живописном хаосе и давать волю ассоциациям, подталкивающим к размышлениям на зачастую весьма неожиданные темы.

– Черт, – вдруг произнес Алан.

– Что-то не так? – спросила Карла.

– Я увидел там кошку.

– Кошку?

– Да. – Алан потер рукой лоб. – Кошка, и у нее с челюсти стекает кровь. Я кое-что вспомнил. Был один случай, еще до того, как я стал эго-защитником. Не помню, рассказывал ли тебе.

– Расскажи.

– Однажды я увидел в городе кошку, когда гулял. Рядом с дорогой. Наверное, ее сбила машина. Сначала я подумал, что она мертва. Потом, когда подошел поближе, заметил, что она дышит. У нее была содрана шерсть и кожа на лапе и на животе. Нижняя челюсть вся в крови. Сперва даже мелькнула мысль, что челюсть раздроблена.

– Бедняжка.

– Я нашел сайт ближайшей ветеринарной клиники, оставил им сообщение с приложенными местоположением и фото с линз и просто пошел дальше. Ответа от них я так и не получил. Наверное, глупо было надеяться, что это сработает, но хотел хоть что-то попробовать. До сих пор жалею, что не сделал чего-то еще. Это странно, но я в то время много размышлял о том, как могут страдать разные существа, и представил, каково ей было. Мне показалось, она умирала. И я словно понял, как ужасно ей было лежать вот так и испытывать боль. Почему-то на меня это произвело большое впечатление. Я подумал о том, что она тоже чувствует. Я не знаю, как лучше это выразить.

– Думаю, я поняла, что ты хотел сказать. Наверное.

– Возможно, в том числе из-за этого случая с кошкой я стал внимательнее относиться к тому, что другие страдают.

Они помолчали, глядя на картину. Затем Алан произнес:

– Помнишь, мы полгода назад гуляли, и я сказал, что, наверное, больше не люблю тебя? Тогда я действительно чувствовал себя так.

– Ты сказал правду.

– Ты же знаешь, сейчас ко мне все вернулось, и я рад этому. Просто я, наверное, расстроил тебя в тот раз.

– Алан, все нормально. Не надо опять об этом. Может, пройдем дальше? Что-то мы слишком задержались у этой картины.

– Наверное. Давай.

Они встали и направились вглубь галереи.

Карла коснулась своей рукой его руки.

– Я люблю тебя, Алан.

– И я тебя. Снова.

Между правой ладонью Карлы и левой Алана таяла, быстро впитываясь в кожу, маленькая и очень тонкая полупрозрачная подушечка.

Молекулы – носители основных действующих агентов с кровотоком попадали в мозг, где преодолевали гематоэнцефалический барьер. Не только Алана, но и Карлы. Главное, чтобы сейчас оба думали друг о друге. И Карла старалась привлечь внимание Алана, одновременно сама концентрируясь на нем.

Они целовались, и в это время укреплялась взаимная привязка.

Карла использовала маленькую дозу – наибольшие она применяла во время секса.

Она лепила его – и себя заодно.

* * *

2083

Вот и пришел анализ крови Алана.

«Разумеется, это было сделано на деньги Карлы. Знал ли Алан, на что идет? Или она сделала все втайне от него?..»

Мысли Джоан прервал сигнал вызова с гарнитуры-улитки.

«Вот черт. Лиза. Как не вовремя».

– Ну здравствуй, подруга. – Бодрый доброжелательный голос на другом конце.

– Привет.

– Как твои дела?

– Я... в порядке. А ты?

– У меня все хорошо.

– Послушай, сейчас не время... – Джоан запнулась и уточнила:
– И дело не в том, что ты принадлежишь к Сообществу Квантового

Бессмертия, если все еще принадлежишь. Главным образом – не в этом. Я просто не хочу сейчас говорить, хорошо?

– Извини.

Конец вызова.

Джоан закрыла лицо руками.

«Нервы. Лиза, которой я столько обязана. Я не должна была с ней так... Ладно. Алан обещал вернуться домой к обеду. Уже скоро должен прийти».

– Алан, нам нужно поговорить.

– Да, мама? – Сын явно не горел желанием разговаривать с Джоан.

– Ты... – Джоан думала, как лучше начать. – Алан, тебе ничего не кажется странным в ваших отношениях с Карлой?

– Почему ты меня спрашиваешь об этом?

«Судя по тону, он имел в виду “какого хрена, мама?”».

– За несколько месяцев вы вроде бы снова сблизились.

– Это не твое дело, – ответил Алан холодно.

– Все не так просто, как ты думаешь. Помнишь, неделю назад я брала у тебя анализ крови? В ней оказались такие интересные вещества...

– О чем ты?

«Он либо действительно не знает, либо притворяется».

– Похоже на то, когда хотят биохимически вызвать привязанность. В данном случае – к Карле, очевидно. – Джоан вздохнула.

– Скажи, ты принял решение сам?

– Что ты несешь?!

– Я могу показать результаты анализов и объяснить...

– Или тебе просто не нравится, что мы вместе?

– Так ты, по-видимому, не знал ничего?..

– Мы просто любим друг друга. Хватит пытаться нам помешать!

– Да послушай же ты! Если эта дрянь насильно заставила тебя влюбиться...

– Не называй ее так!

– А как, как мне ее называть после такого? Это и есть ваша эго-этика? Ты – игрушка для нее!

– Ты просто всегда ненавидела ее! Всегда! – Алан встал с дивана.

– Может, она вообще с самого начала это делала, чертова сучка.

– Не называй ее так!!!

Парнем внезапно овладел сильнейший гнев. В один миг вспомнились и словно бы заострились все обиды и подначивания.

Алан рванул к матери, схватил ее за волосы и ударил головой о стену.

Джоан пыталась освободиться, но сын был сильнее.

«Спасибо, реабилитация. С моторикой у него все в порядке, это уж точно. И упражнялся он как надо».

– Пусти, прошу! – Чувство беспомощности – прямо как в том сне. Тщетность сопротивления.

Алан еще раз приложил Джоан головой о стену. И еще.

Восприятие ситуации вдруг изменилось.

«Стоп. Что я делаю?!»

Алан разжал руку и выпустил волосы Джоан. Та упала.

Он видел, как мать бьется на полу в конвульсиях, пуская пену изо рта. С осознанием случившегося пришел особенный страх. Алан вызвал «скорую».

Удары повредили имплантаты, даже несмотря на то что те были спроектированы с учетом возможных непредвиденных обстоятельств. Сбои произвели чудовищную цепную реакцию.

Джоан не сразу потеряла сознание. Она чувствовала, как болезненно выгибаются части ее тела – и не могла ничего с этим поделать. Разум утонул в хаосе разрозненных сигналов, цепочки нейронов в мозгу стремительно разрушались, быстро убиваемые биохимической и электрической свистопляской. Мешанина обрывов и последние редкие связные мысли.

«Самосознание – обман. Смерть несет правду».

Тело все еще судорожно дергалось. Затем Джоан перестала двигаться.

Мать не дышала. Алан пытался делать искусственное дыхание – но не был уверен в том, что делает то, что надо. В том, что это вообще имеет какой-то смысл.

«Но они же вернули меня. Может, они смогут вернуть и ее?»

К этому времени мозг Джоан был поврежден настолько, что пытаться что-либо восстанавливать было бесполезно. Даже если бы кто-то и собирался.

Алан все еще пробовал делать искусственное дыхание, непрямой массаж сердца. Никакой реакции. Наконец остановившись, он, стоя на коленях, заплакал. Перед ним лежало неподвижно тело одной из его матерей. Казалось, что-то вдруг сломалось в привычной реальности.

* * *

2089

Я рассказывал, что говорила мне Джоан перед смертью, все еще считая это глупостью. Как оказалось, она не врала.

Экспертизы и затем – суд. Выглядело так, будто то, что я находился под воздействием веществ, влиявших на мое поведение, помогло защите. Однако, возможно, истинной причиной мягкого приговора стало скрытое вмешательство кого-то из курировавших проект моей реабилитации.

Экспертиза якобы доказала, что всплеск агрессии был побочным действием препарата. Но я в этом сомневаюсь. По-моему, кураторы проекта и сам Центр решили мне «немного помочь».

Хотя, пожалуй, какая-то роль препарата тут есть. Чем больше росли мои чувства к Карле, тем более чувствительным я становился к оскорблениям и критике в ее адрес. Джоан в период моей реабилитации старалась воздерживаться от резкостей, но не в тот раз. Хотя и до того, как я попал в аварию, случались резкости, и тогда я тоже испытывал сильные чувства к Карле. Может, во мне накопилась неприязнь к Джоан. Или первое и второе вместе. Или экспертиза права, и все это – влияние препарата на мой измененный мозг. Не знаю.

Карла действовала просто: когда мы рядом и мое внимание сосредоточено на ней, незаметно нанести на кожу, добавить в еду или питье дорогую (и приобретенную нелегально) сильнодействующую химию – и это, к ее радости, сработало даже с моим гибридным мозгом. Она привязывала не только меня к себе, но и себя саму ко мне. Ей очень, очень хотелось, чтобы мы были вместе. Интересно, что было бы, если бы у нее не получилось? Думала ли она вообще о том, что может вызвать непредвиденные нарушения в работе моего мозга? Может, даже не рассматривала такую возможность. Или же рискнула: будь что будет? Трудно сказать, что она там думала.

Неожиданно выяснилась интересная деталь: у нее был сильно изменен головной мозг, и не просто для работы, как она говорила мне. Эти изменения схожи с теми, что бывают у хайвов, как говорил эксперт, но даже при этом аномальные. Очень странно, она ничего про это не рассказывала. Что же ты скрывала от меня, Карла? Ей назначили год заключения и психиатрическое лечение, а затем – трехлетний надзор нетхантеров. Кроме того, после выхода на свободу ее ожидало дополнительное, помимо связанного с ее рабочими модификациями, наблюдение у психиатров. Она заявила, что будет оспаривать решение. Не знаю, чем именно там все кончилось. Но даже если Карле удалось

избежать заключения, то, скорее всего, ее бизнес-карьеру это дело подорвало.

Уже значительно позже она пыталась связаться со мной. Я откровенно дал ей понять, что больше не хочу с ней общаться. Было трудно: она плакала, умоляла – но я смог отказаться. Несмотря на это, она не оставляет попыток до сих пор.

Я проводил время в небольшой, но достаточно комфортной комнатке с доступом к сети (разве могли позволить, чтобы важный проект Центра попал в обычную тюрьму?). Разумеется, все просматривалось и фильтровалось ИИ.

Что верно, то верно – времени подумать о содеянном у меня хватало. И заняться саморазвитием по мере сил – тоже.

Со мной работали врачи и специалисты по ИИ. В том числе сбавляли мою зависимость от Карлы. Поначалу, даже при всем понимании, меня все равно тянуло к ней. Позже это в основном прошло. А с тем, что осталось, я уже хорошо справляюсь.

Я просматривал новости, видео, мультимедийные комплексы, читал и чисто текстовые книги. Увлёкся философией сознания и персональной идентичности. Я и раньше кое-чем интересовался, будучи приверженцем эго-этики. Кроме того, меня интересовал смежный вопрос – о свободе воли и ответственности. Вот тут было заметно тяжелее в эмоциональном плане.

Даже согласие с теми, кто отрицал существование свободы воли, не избавляло меня от чувства вины.

Наша правовая система приняла сторону компатибилистов. Тех из них, кто решил переформулировать старое понятие «свободы воли», дав ему в свете достижений науки хоть какой-то смысл. Традиция, правда, давняя. Ты – звено в системе причин и следствий, но при этом ты сам и есть причины и следствия. Я думаю, что это все на самом деле чушь. Но совмещать причинность и ответственность – вполне в духе людей. Людям было трудно смириться со вшитым в них убеждением о наличии собственной свободы мысли и действия, хоть свободы в этом смысле нет и быть не может. Вот в чем все дело. Было и есть. Даже если не веришь в свободу воли, на каком-то базовом уровне все равно поддаешься иллюзии. Так что вряд ли что-то здесь изменится, если только не изменятся сами люди. Еще более радикально. Только я не представляю себе как. Или нет, представляю – это равносильно самоубийству.

Я тоже вижу причины и тоже вижу следствия, не верю в свободу воли, но чувствую при этом вину, и мне так паршиво. Даже судили меня как человека. Да и вообще человеческого во мне хватает. Человек ли я? Пожалуй, да. Вообще, многие из модов

(хоть и не все, конечно) все еще слишком люди – даже если на первый взгляд кажется иначе. По крайней мере, в моем понимании слова «человек».

Мне постепенно расширяли рамки моей свободы. Я ведь даже примерно себя вел, верно? И однажды выпустили, но установили срок в два года под наблюдением и без права покидать Ванкувер. Нетхантеры – «гончие», искусственные интеллекты, созданные так, чтобы получать удовольствие от рысканья во всех доступных источниках и отслеживания цели. Кошмар параноика, злые боги-хищники, следящие за соблюдением правил игры. У них множество глаз и ушей, которые можно опционально использовать. Огромные базы данных. Почуввав неладное, ИИ поднимут тревогу. Я никуда не прятался и не бегал, и вообще был примерным мальчиком.

После моей «отсидки» Центр предлагал мне жилье. Я сказал, что мне нужно время подумать, и быстро связался со своей единственной оставшейся в живых матерью.

Она приняла меня назад. Не кричала, не прогоняла. Так и живу с ней. Я не раз пытался обсуждать то, что произошло, искренне извинялся, но она не хотела, чтобы я продолжал. Плакала, говорила, чтобы я перестал. Мы с ней общаемся редко – настолько, насколько редко могут общаться живущие под одной крышей. Какое-то отчуждение. Мне хочется, чтобы все было иначе, однажды я хочу заговорить с ней об этом. Но все никак не заговорю. Когда я дома, мне все время некомфортно. Но это, наверное, лучше, чем сдать на милость Чёрчленд-центру и стоящим за ним министерству национальной обороны, министерству здравоохранения и прочим и открыто признать себя их лабораторным образцом. Я практически уверен, что за мной все еще наблюдают. И отправку телеметрических данных моего мозга никто не отключал. Правда, согласись я на жилье от Центра, наблюдение наверняка было бы куда пристальнее.

Я периодически наведываюсь в Чёрчленд-центр на проверки. Научные журналы публикуют статьи, в которых я, для сохранения приватности, обозначен одними инициалами. Я – передовая технология. Наверняка кто-то на мне подзаработал.

Может, я неблагодарная сволочь, но я никогда не любил Джоан. Искусственная утроба была для нашей семьи слишком дорога, так что она выносила меня, пыталась воспитывать и, как я сейчас вижу, по-своему желала мне хорошего – так, как она это понимала. В том, что она говорила, конечно, многое было неправильно, и я до сих пор с ней не согласен. Но в тот раз она пыталась донести до меня правду (и заодно насолить Карле, наверное) – и она сделала это ценой своей жизни.

Кроме чувства вины, я ощущаю, будто что-то ушло, и никогда уже не будет как прежде. Возможно, мне ее... не хватает?

* * *

2089

Он стоит перед могилой матери.
Скромное простое надгробие.

«Джоан Мейерс.
10.12.2032 – 04.05.2083».

Он слышит сзади шаги. Оборачивается.

Женщина, уже немолодая на вид (возможно, гораздо старше, чем кажется: сегодня существует столько технологий против старения).

Она кладет на могильную плиту цветы. Становится рядом с Аланом. Их плечи примерно на одном уровне, оба смотрят вперед и вниз, головы наклонены.

– Ты... Алан? Ее сын? – тихо спрашивает она наконец.

Алан колеблется, но говорит правду:

– Да.

– Меня зовут Лиза Джеймисон. Мы были подругами в школьные годы, я и твоя мать. Потом... она все больше и больше отдалялась от меня. – Она направляет взгляд на Алана. – Я не буду спрашивать, как это произошло или зачем ты это сделал. Скажи только: тебе жаль, что ты так поступил? Хотел бы ты, чтобы все сложилось иначе?

– Да.

– Знаешь, я и многие другие думаем, что, возможно, есть такие миры, ветки реальности, где Джоан жива.

– А она говорила, что надежды на квантовое бессмертие – чушь.

– Да, уж я-то знаю. А что думаешь ты? – задает вопрос Лиза.

– Мне хотелось бы, чтобы так было, но все это для меня слишком сомнительно, – отвечает Алан. – Надеюсь, вы меня не собираетесь агитировать?

– О, нет. Это твой выбор.

– А «выбор» – иллюзия. Во что я точно не верю, так это в свободу воли.

– Джоан говорила точно так же.

– Откуда вы знаете про меня и остальное? Моя мама Эмма вам рассказала?

– Да.

Они еще некоторое время молчат. Потом Лиза уходит.

Алан все так же стоит перед могилой Джоан.

Нетхантеры, как и подобает «гончим», пристально смотрят на него с разных ракурсов.

Лана Грин
ПРИНЦЕССА ИЗ БАШНИ УНЫНИЯ

Она сидела, прекрасная в своем безобразии, и равнодушно смотрела в окно.

Солнце за окном светило так больно и ослепляюще, словно в самые жаркие летние дни, когда нет желания ни выходить на воздух, ни что-либо делать, ни даже вставать с огромной кровати, чем-то напоминающей то ли золотую клетку, то ли тюремную камеру для тех, кто вынужден отбывать пожизненный срок.

Она потянулась рукой к зеркалу, лежавшему на столике с тонкими ножками. Столик, несмотря на свое изящество, выглядел удручающе из-за скопившегося на нем слоя пыли.

«Принцесса из башни уныния...»

Она увидела свое отражение в зеркале, и ей стало противно: волосы спутанными клочьями закрывали половину лица, а во взгляде сквозила такая пустота, что ей тут же захотелось закрыть глаза. Но она не стала.

«Принцесса из башни уныния... Так они прозвали меня. А знают ли они всё? Знают ли, что я не могу так жить? Что мне больно, больно, бесконечно больно и мне не до их глупых суждений!»

Она швырнула зеркало в угол – послышался звон, еле дошедший до ее сознания.

«Возможно, я плоха, возможно, со мной нельзя находиться рядом, потому что я истерична... Но поэтому я и прогнала всех! В моем замке нет никого: ни слуг, ни придворных, ни иностранных посланцев... Мне здесь ничего не мешает мучиться, мне здесь всё помогает... мучиться?»

Она с удивлением поймала себя на последней мысли. Ей было только семнадцать лет, и ей захотелось наконец-то распахнуть шторы и выйти из замка.

Она протянула руку к шторам, но рука на полпути дернулась и повисла безжизненной плетью.

«Я – принцесса из башни уныния, и мне нет отсюда выхода».

За окном день сменялся вечером, вечер – ночью, а ночь – утром... Месяц – месяцем, зима – весной, весна – летом, а лето – осенью... Год сменялся другим годом и снова, и снова... Она сидела словно вне пространства и времени, и дышать ей было больно, вспоминать ей было больно, жить ей было больно.

...Ей исполнилось двадцать три года, а в голове всё звучало:

«Я – принцесса из башни уныния, и у меня нет выбора...»

Но однажды она открыла глаза в одну из тех грозовых ночей, когда засыпать страшно, а не спать еще страшнее. Молния ударила в западное крыло ее пустынного замка, по нему пробежала трещина, и, как старинное гнездо Ашероу, он обрушился, показывая всю бессмысленность и глупость прежнего положения дел. Принцесса успела выбежать из замка, она поранила свои босые ноги, а хлесткая ветка куста малины расцарапала ей лицо.

Тогда, стоя на обломках и наконец-то увидев восход солнца не в окно, а вживую, она вдруг поняла, что выбор у нее все это время был... И она его уже сделала.

Плач ее был безутешен и полон сожаления. Так плачет человек, который лишен прежнего, пусть и жестокого мира, видит лишь осколки своей былой жизни и не может ее восстановить.

«Мне кажется или... Или все изменилось?»

Принцесса побежала вслед за ветром. Она поверила ему, однако он был настолько изменчив в своих настроениях, что столкнул ее в овраг, а сам помчался вдоль реки, намереваясь обогнать течение и показать свою силу.

Принцесса горько оплакивала прежнюю жизнь и потерянную любовь, которая с самого начала была невозможна...

Но вдруг она увидела цветы крокуса. Они росли на дне оврага как символ надежды для всех, даже для таких, как она – принцесс из башен уныния.

И она, сорвав цветок, направилась вслед за солнцем в новую жизнь, прочь из дикого мира. Направилась ко всему тому, во что раньше не верила и отчаянно отрицала.

* * *

Принцесса из башни уныния проснулась и открыла глаза.

Она сидела за тем же столиком в кафе, который занимала каждое утро в память о своей прежней любви... Их прежней любви.

И она уже почти забыла сон, приснившийся столь неожиданно, и собиралась вернуться в свой реальный, пока что не разрушенный молнией замок – в однокомнатную квартиру на пятом этаже обычного дома.

Но вдруг увидела цветок крокуса – он лежал на столе рядом с таким привычным меню в твердой кожаной обложке.

«Значит... я и есть принцесса из башни уныния? – подумала студентка. – Но я не хочу быть такой принцессой! Это не я, а кто-то другой!»

Она вскочила из-за стола, не забрав сдачу, и вылетела из кафе.

«И не буду!» – упрямо пронеслось у нее в голове.

* * *

Девушка находилась уже совсем в другом месте, а люди, окружавшие ее, были веселы и близки ей как по взглядам, так и по духу.

Бывшая принцесса из башни уныния превратилась в принцессу, несущую счастье как себе, так и другим.

...А все дело было в официантке, мечтающей стать певицей, которая будет нести людям не пустое веселье, а смысл. Именно она положила перед сонной девушкой цветок крокуса и написала на салфетке историю, которую уставшая «принцесса», измученная горестями последних месяцев, приняла за сон.

Лишь история на салфетке да цветок крокуса – вот чего бывает порой достаточно для настоящего чуда.

Август СМЕРТЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Исполинская белизна вздыхала под небом или же она была вместо неба. За слезой прольется следом дождь, цветами радуги окрасится закат; так будоражит мое сердце дрожь, как громовой божественный раскат. А я... что я?

Я не сомневался в том, что покинул наш мир и оказался в другом месте. Несчетные ущелья моего сознания были полны сиянием и белью. Я знал, что я в раю. И послушайте, здесь не было никаких сочных и щедрых садов, и туши облаков не плыли под ногами, как наивно рассказывают ваши пророки. Больше всего рай походил на Вальхаллу из германо-скандинавской мифологии. Но даже этот мифический небесный чертог являлся лишь бледной тенью всего того, что не видел, не слышал, но чувствовал я! Чувство было столь сильным, что я не нуждался ни в зрении, ни в слухе. Тут сливались в единый изумительный лик чистота, изгибы и поэзия всех причудливых земных аркадий. Громадные изумрудные скалы возвышались в призрачной дали, меж ними сияли пропасти, а где-то внизу, подо мной, – я чувствовал это! – брезжило налитое платиной озеро. Оно дышало, оно излучало жизнь и сладкий холод.

Как я сюда попал? Оставим это. А еще я подумал о том, что не столько мертв, сколько сплю, или же... не столько сплю, сколько мертв.

Я стоял на некоем перепутье в ожидании небесных жителей, глубоко милосердных и великолепных, и музыкальный гул наполнил все мое существо, как чашу, и лился через край. Мозаика его нот – такая сахарная! – струилась, огибая зеркальные вершины, и пульсировала в такт моему замирающему сердцу и ритмам этой трепещущей кожаной клетки. Возненавидев свое тело, я взалкал превратиться в частицы эфира, только бы прикоснуться, стать малейшей шестеренкой, той *мнимо важной каплей в океане грандиозного*. Каждый мой орган обретал свою, иную душу и бился, и просился наружу. Ах, как я недостоин, как материален! Смел ли я подумать, что шедевр вечности, идеал примет в свои объятия мой жалкий прах? А музыка все сочилась из воронок, раскинутых во мне и вне, а я лишь трепетал волнительно, как лист на ветке липы, чью судорогу прервал вчера я в нашей спящей городской степи.

Вдруг вдалеке возникло чудо – портал, окаймленный пушистым всплеском охристой пыли. Он рос, раздвигая пространство, завораживая круговым течением, но вскоре уже задыхался

от урагана крыльев, хлынувших сквозь него потоком. Дорогие херувимы! Я ждал, я верил, я боялся. Но теперь я знал, с кем разделю эту красоту, злорадствуя над одиночеством безумца. Воздух наполнился шелестом полета, пышным объемным взмахом. Изобразите свой любимый цвет на перьях крепких крыл: бархатно-серый, лиловый, кобальт густой, привкус томленной вишни, лазурь и пламя – любой и каждый цвет перьев был хорош. Как не обидеть их этими земными сравнениями? Быть может, во стократ скуднее мое слово, чем их торжественная роскошь. А следом с подобия неба, с бездонной высоты, цветы посыпались, как крупные пьяные кувшинки. Рай пропитался душистым запахом цветов, что падали из ниоткуда в никуда, в тот страшный, темный мир... который близок, но и так далек; нас пару вечностей в мгновенье разделяет. На лепестке кружилась капля, мой лучезарный вздох, – так, если встретите, зажгите по мне свечку, зажгите поминальный огонек...

Бесцветен голос мой, и слова дырявые не в состоянии описать виражи, полыхавшие повсюду. В полете ангелы сплетались в огнистые узоры, рисовали вязи, как кистью, силуэтами. Подобно вспышкам солнца, подобно прощальным лучам уходящей на покой звезды мерцали их крылья. Я был восхищен силой их движений, их стремительными подъемами и падениями. Казалось, если один из них, хотя бы вот этот, с неописуемым грозовым цветом крыльев, решит что-то шепнуть мне – я упаду. На лицах ангелов застыли тихие упоенные улыбки, шелковые волосы были увенчаны оливковыми нимбами, и трепетали подолы длинных конфетных риз, отороченных зыбким инеем.

Наконец портал погас. Ангелы прекратили полет и выстроились по обеим сторонам невидимой дорожки. Сложив руки на груди, они прикрыли веки, и розовая влага искрилась на их ресницах. Я не шевелился, чтобы ни одна вибрация во мне не нарушила этот тайный священный порядок. Потерявшие всю свою подвижность ангелы походили теперь на памятники, которые тянулись коридором в полуденное сияние, подобное заре. Я пока был не в силах разобрать дальний ликующий пейзаж, выходявший из-под кисти Творца в конце дорожки, в конце ангельского туннеля. Зато мне великодушно были открыты лица детей Его – с родинками, случайными царапинами из прошлого, лиловыми сеточками вен, рыжими паутинками. Припасть к их ступням я возжелал, и целовать, и плакать, однако мои ноги уже вели меня вперед, по коридору божеств, в сияние.

На месте прежнего возник новый портал. Как и всё в этом мире, будь то лишь крошка света, загадочный круг лелеял взор, вдохновлял на вековое созерцание. Однако я не понимал его

природы и, более того, не знал, почему он открылся и почему невидимая сила старалась втянуть меня в его карусель.

Означало ли это мое приобщение к неземному миру? Ждала ли меня встреча с Ним? Нет, я не мог понять! Последний миг, что исчезнет в утробе моего сознания? А если я, вкусив щепотку вечности, обязан буду вернуться и согнуться на чужой мне теперь земле?

«О нет, молю вас! – хватался я за ангелов. – Позвольте в вечности служить вашим пажом! Я кроток, я смирен, я знаю сотни тысяч слов, чтобы ласкать ваш слух. Подумали, что я с земли? Нет, я из ада! Спасли меня вы от оков».

Войдя в раж, я стонал, я метался от бахромы к атласу их резвых крыльев, я смел, отчаянно обезумев, трогать их лица с непоколебимыми жаркими улыбками. Но эти фантомные улыбки проскальзывали сквозь пальцы и уносили мою надежду с собой. Я цеплялся за вскипающие золотом ткани и молча молил: «Оставьте!» Чеканно и мощно вырезанная меж скал заря в портале разгоралась с каждым моим шагом.

В душе моей зрел грех, которым орошу я по возвращении свой бытний мир. Наспех познав, находясь здесь, что такое счастье, я не стерплю былого состояния души – ту неподъемную пустоту, которую изо дня в день носил я, горбясь и корчась. Теперь, попробовав на ощупь гладь небесных сфер, я могу авторитетно объявить, как убога, неполноценна земная твердь и, в последний раз рискнув, шагнув к полету птиц, куплю билет в один конец... Почувствовал я руку. Рассекречен.

Я обернулся и моментально, без всяких предупреждений, опоздал на поколение, чтобы влюбиться. Я уже не имел права влюбляться – сообразно глупости наших законодателей. Это было почти дитя: тонкие выпирающие ключицы, шапочка волос медового цвета (в них запутались упавшие звезды и хвосты комет), еще не налитая соком, но пылающая от солнца грудь, прозрачные глаза – игривые две бездны. Улыбка, как всегда, едва заметна.

Оцепенев, позабыв здешнее положение вещей, я был ужасно встревожен, как это происходит в моем дольном мире. Обида тотчас сковала голос. В голове завертелись убогие сюжеты будней; исколотая моя, бедная моя, горячая память, как ты невыносима... Вокруг меня суматошная улица, шастающие автобусы и гвалт. Я стою, хоть и опаздываю к рабскому кожаному креслу, и стою лишь по одной причине: я вижу ангела. Ангел перескакивает через слезы ливней среди асфальтовых ухабов, за спиной прыгает рюкзак – и сладкий яблочный румянец на щеках. Ангел, скрестив ножки, лакированной туфлей качает люльку воображения под навесом автобусной остановки. Ангел, сторонась, чувствует

мое дыхание в тесной безысходности автобуса. А я люблюсь и с головой утопаю в двух топазах, и знаю тот проулок, тот длинный тесный, крошечнейший проулок, любимый школьницами за безлюдность и запах сигарет, еще неопороченный постыдной сенсацией газет... Но я не смею. Ведь я люблю иначе. Люблю – лишь бьется сердце и взор мой жив. Люблю я чувством и никак иначе, как благодать к зрителю, сошедшая с картин... Еще будучи в осторожном путешествии, но уже еле дыша перед ангелом, я мысленно предсказываю, как частица за частицей красота угаснет под гнетом бегущих лет. Я мучительно, ибо ясно, вижу, как по ветру летит невинность из высокой припрыжки, вздымающей легчайший подол платья; вижу, как дешево откроются случайному прохожему интриги зланных зон; вижу, как элегантно спивается до пошлости; вижу, как, обрастая плотью, ангел все чаще ложится под запросы социальной вульгарности; вижу, как бабочка уходит глубже в кокон, чтобы переродиться...

И голос ангела промолвил:

– Мой милый Прометей! – Я тут же очнулся, почувствовав тепло ее ладони. – Не плачь, для слез нет причины. Здесь нет власти у времени. Только солнышко щекочет наши глаза. – Она задумчиво умолкла, улыбнулась. – Пообещай, что поцелуешь меня, когда сделаешь одно дело. Уходи. Мы еще можем спасти человека в людях. В этой заре, которой ты напрасно испугался, кроется ваша панацея, и только ты – мы верим – подаришь ее миру. – Привстав на носочки, она макушкой скользнула по моему подбородку и прошептала: – Скоро мы снова встретимся. А пока еще крепче сожми мою руку.

По лунной дорожке мы двинулись к portalу. Никто из ангелов не шелухнулся. От гнетущего покоя их лица отливали шипучим мраком. Столпы красочных риз медленно провожали нас к нежной заре. Более я не взглянул на ангела, давшего моей жизни новый отсчет. Только мечтал захватить хоть один ее блик, чтобы вытерпеть предстоящий путь.

Ах! Оттолкнувшись ногой, я шагнул через шов в пространстве, и наши руки разомкнулись. И я решил во что бы то ни стало ежеминутно возрождать, лаская, в сознании ее образ.

Абсурдный, но безобидный обман зрения привел меня в белый вакуум вместо, как мне мерещилось, саванны, плавающей в солнечной мути. Единственное, что нарушало бессмысленность пустоты – украшенный двухцветными яхонтами переливчатый ларец, висевший в ней. Вспоминая наши обещания, я бросился к нему и поднял крышку... Сочувствуйте мне и запомните родным счастливыми, ибо я умирал в тот миг от счастья. Увиденное мною было так прекрасно, что я судорожно вздохнул и, наклонив

голову, млел подобно всем ангелам сразу, внутренне гремя от восторга. Если бы только мог я в тот миг думать, то единственное, чего бы желал, о чем взмолился бы, забыв обо всех обещаниях, – это остаться здесь, вместе и навек со Всем. Мчась по туннелям мельчайших жилок, закручиваясь, дрожа, блаженная ледяная влага заменила мне кровь от макушки до пят. Я плакал от счастья, я знал, что мои скитания окончены на краю самой светлой пропасти. Я чувствовал тот смысл, которым звенело золотое лоно в голове, тот смысл, который я украду у всех иных космосов за границей портала. Я извивался, я корчился, и, прикусывая соленые губы, наполнял себя ликующими стонами. Я запрокидывал голову и, возвращаясь, заранее умирал и соглашался убить во благо лишь одного дела...

Ветка липы что-то чертит на окне. И, кажется, я проснулся.

Ольга Казими́рова МАГАЗИН ЖЕЛАНИЙ

Я стою перед дверью магазина желаний. В руке – картонный талончик, а в голове – множество мыслей.

Заветное письмо из Министерства судьбы наконец пришло и ко мне. Это великая честь – получить приглашение в магазин желаний. Не каждому выпадает этот счастливый билет, но мне сегодня повезло. Это день моего триумфа.

Наконец, решаюсь. Делаю смелый шаг вперед. Поднимаю руку, чтобы постучать в обитую красным бархатом дверь, но в тот же миг она сама открывается передо мной. С порога на меня по-отечески ласково глядит продавец магазина.

– Здравствуйте, – говорю я.

Старичок улыбается мне:

– Здравствуйте. Добро пожаловать в магазин желаний.

Он отходит в сторону, и я захожу в помещение.

На полках многочисленных шкафов стоят сосуды разной формы и размера: выточенные из камня пузатые бутылки, изящные глиняные амфоры, перевязанные шелковыми лентами, керамические пробирки, украшенные разноцветными перьями и бусинами, небольшие стеклянные колбы с опоясывающими их жестяными обручами, флаконы, в которых горит огонь. В прозрачных сосудах переливаются всеми цветами какие-то жидкости. Некоторые из них столбом поднимаются вверх, вспыхивают над сосудами и рассыпаются звездочками. Под потолком замечаю широкую бутылку, в которой кружатся снежинки. Каждый сосуд снабжен наклейкой, надписи выведены красивым размашистым почерком: «Верность», «Доброта», «Отвага», «Танцевальное искусство», «Математический склад ума»...

Я торопливо отвечаю на все вопросы продавца: имя, фамилия, возраст, род занятий. Хотя он и сам все знает – работники магазина читают досье перед тем, как в их обитель придет очередной покупатель, – мне отчего-то доставляет удовольствие рассказывать ему о себе. Он внимательно слушает и кивает, записывая что-то в небольшой черный блокнотик.

Наконец, закончив расспросы, старичок начинает свой рассказ. Он объясняет мне, как работает магазин желаний.

– Мы рождаемся с некоторым набором характеристик, которые, однако, уравновешены между собой. На одном полюсе плюс, на другом – минус. На одном полюсе Свет, на другом – Тьма. Баланс, – старичок поднимает вверх палец, – во всем нужно со-

блюдать баланс. Однако сегодня вы имеете возможность изменить что-то в себе. Перенастроить полюса, так сказать, добавить что-то новое, но вместе с этим придется чем-то пожертвовать. Это главный закон получения даров в магазине желаний – за все нужно платить.

Мы перебираем варианты:

– Можно добавить таланты, – говорит продавец. – Какие?

– Пение?

– Только если уменьшить предрасположенность к писательскому искусству.

– Хм... Рисование?

– То же самое.

– А если добавить не таланты, а качества?

– Какие желаете?

– Не знаю... Например, побольше хладнокровия.

– Тогда придется отнимать от отзывчивости.

– Не годится. Целеустремленность?

– Пострадает умение тормозить, когда действительно нужно остановиться.

– Да, постоянное напряжение вредно для здоровья...

В комнате повисает тяжелое молчание. Мне кажется, что я могу протянуть руку и пощупать его – настолько оно плотное. В задумчивости кусаю губы и оглядываюсь, перечитываю этикетки на бутылочках. Нет, это, это и это не хочу. Это – тем более. Хотя есть одна мысль, она бьется в голове, стремясь высвободиться, но я стараюсь отогнать ее.

Проходит еще несколько тихих минут, и я все же решаюсь.

– Скажите, а можно... – Мой голос замирает. Глазами я ищу нужную баночку на полках, но ее нет. Красивые, стройные и вычурные флаконы перемежаются горбатыми и выщербленными, буйство красок плавно переходит в серые и черные тона, но нигде нет нужного сосуда. – Есть ли в этом магазине счастье?

– Счастье? – задумчиво повторяет старик. – Счас-тье... – Он перекатывает слово на языке, пробует его на вкус. – Нет, счастье нельзя купить за талоны.

Он замечает мой расстроенный взгляд. Немного помедлив, подходит, кладет ладонь мне на плечо, и я слышу в его голосе извиняющиеся нотки:

– Счастье... оно такое. Его нельзя ни купить, ни пожелать. Оно не свалится с неба просто так. Его нужно заработать.

– Но как?!

В нетерпении я срываюсь с места и начинаю нарезать круги по комнате. Продавец с улыбкой следит за моими перемещениями.

– А это уже зависит от того, что для вас счастье. Для кого-то счастье – это плыть ладьей по реке жизни, занимая позицию бесстрастного наблюдателя. Кто-то стремится к славе, власти и влиянию – и прорубается с мечом своей правды сквозь дремучие леса тяжелых испытаний, в конце концов завоевывая место под солнцем. Для кого-то счастье – это птичка... крохотная птичка, поющая проникновенные песни о любви. Стоит хоть немного отвлечься и разжать ладонь – и она улетит, а если сожмешь слишком сильно – крохотное сердечко птахи перестанет биться. Что счастье для вас?

– Возможность са... – начинаю я, но он прерывает меня взмахом руки.

– Не спешите отвечать. Подумайте. Прислушайтесь к себе. – Он опускает веки. – Вообще, это сокровенное знание, не надо говорить о нем вслух.

Я разочарованно вздыхаю.

– Тогда я ничего не хочу менять. Я уверена, что не стоит нарушать баланс, и если я чего-то захочу получить – я взращу это в себе сама.

Старичок отвечает не сразу. Он еще раз внимательно читает мое имя на талончике, затем поднимает глаза и смотрит на меня поверх очков.

– Давно я не встречал такого покупателя.

Я пожимаю плечами:

– Все должно зарабатываться своим трудом. Как и счастье. Иначе мы это не ценим.

Отрывисто киваю продавцу, поворачиваюсь и выхожу из магазина. Этот поход дал мне гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Анастасия Федосова-Редингер

ПУСТЫНЯ НАСКА

«Многие ученые пытаются понять, кем и для чего были созданы рисунки в пустыне Наска, открытые в 1939 году американским археологом Полом Косоком. Возможно, они имели ритуальное или астрономическое значение. Но тут есть вопрос. «Как древняя цивилизация могла создать геоглифы, которые видны только с высоты птичьего полета? – спрашивает археолог Джон Ливер. – Можно подумать, что люди умели летать! Это просто безумие...»

Однако, по мнению немецкого археолога Марии Райхе, древние индейцы благодаря сложным подсчетам и предварительным эскизам вполне могли создать эти рисунки».

Из статьи «Тайна пустыни Наска»

В светлеющем небе стремительно гасли холодные искорки. Редкие облака окрашивались в нежно-золотистые тона. Желтый диск незнакомой звезды медленно поднимался из-за горизонта. Его лучи выхватывали из отступающей темноты небольшие и совсем мелкие камни, редкие колючие растения, пустынные равнины и холмы. Свет заливал землю. В каменной пустыне наступило утро.

– Дуралей! Вместо того чтобы полететь на Лорн или Тилло, мы поперлись в эту глухомань! И кто поможет нам устранить поломку? Как мы отсюда выберемся?

Далиа оторвалась от иллюминатора. Ее родители часто ссорились, но быстро мирились – беспокоиться не было причин.

– Не волнуйся, я все починю. Не в первый раз застреваем, – раздался спокойный бархатистый голос Астера, отца Далиа. Он был совершенно неконфликтным леноком.

– Знаю. Но это не значит, что мне нравится застревать в каком-то захолустье. И я ненавижу пустыни. – Винса, мать Далиа, говорила уже более спокойно. Она не умела долго злиться.

– Я сейчас спущусь в двигательный отсек, – сказал Астер, – а ты, дорогая, проверь бортовой компьютер.

На этом разговор прекратился. Послышались удаляющиеся шаги. Потом стало тихо. Далиа вновь выглянула в иллюминатор: желтая звезда уже взошла и в полную силу грела землю. Унылая каменная пустыня тянулась до самого горизонта. И до самого горизонта не было видно ни одного живого существа.

Далиа подумала, что эта планета самая скучная из всех, на которых она побывала, и вспомнила Лорн. Вот где было весело!

Вся растительность там была фиолетовой. Высоченные, двухметровые добродушные лорнцы с желтыми глазами подарили ей ручного прихфа. Жаль, что потом из-за разницы в климате планет его пришлось отдать в зоопарк. Но Далия постоянно его навещала. Увидев ее, прихф радостно подпрыгивал на своих птичьих лапах и махал маленькими крылышками.

От воспоминаний стало только скучнее. Далия вздохнула и уселась за компьютер, но вскоре отвернулась от него. Галактический канал здесь не работал, а остальное было сто раз пересмотрено.

Далия вышла из каюты и направилась в двигательный отсек. Там она увидела отца. Он стоял перед компьютером и быстро водил руками по монитору, набирая какие-то команды, – сразу же раздавался равномерный шум двигателя, но вскоре в двигателе начинало что-то греметь, и он останавливался. Папины волосы были ярко-оранжевыми – верный признак того, что Астер раздражен.

– Пап!

Астер обернулся и посмотрел на дочь. Волосы у нее уже отрасли, но, как и у всех детей ее возраста, передавать настроение и эмоции посредством изменения цвета еще не могли.

– Что, милая?

– Мне скучно.

Астер хотел что-то сказать, но тут двигатель загрохотал со страшной силой. Инженер мгновенно впился глазами в монитор и стал быстро что-то набирать.

– Я пойду порисую? – осторожно спросила Далия.

– Да, милая, да, – отстраненно ответил Астер.

– Спасибо, папа!

Девочка схватила линото, быстро покинула отсек и вышла на внешнюю площадку межзвездной яхты. Желтый диск звезды сиял на голубом небосклоне. Внизу во все стороны простиралась пустыня. Камни, нагретые светилом, источали жар.

«Что же нарисовать?» – Далия крутила в руке линото.

Вдруг она вспомнила папиного друга, дядю Эрха. Вопрос сразу исчез. Девочка включила линото и начала рисовать. На темной поверхности пустыни появились круг – голова, овал – тело и отходящие от них линии – лапы. Две пары лап дяди Эрха были повернуты в сторону головы, остальные четыре – в сторону туловища. Далия довольно оглядела свою работу и пожалела, что мама не любит паукообразных, и дядя Эрх не может приходить в гости. Она продолжила рисовать...

Через час пустыня была украшена рисунками: на небольшом холме Далия изобразила Бергению, свою подругу, в старинном

скафандре, на равнине появились изображения атика, умеющего пускать фонтаны, малоухой тили с закрученным хвостом, четырехлапой щекири и летящей длинноклювой птицы с планеты Зериба. Также был увековечен прихф, но он вышел не очень удачно: на одной лапе у него получилось четыре пальца, а на другой – пять. Девочка успела изобразить еще несколько животных с других планет.

Только она окончила рисовать птицу со змеевидной шеей, как раздался голос Винсы:

– Далиа!

Девочка обернулась: сзади стояли ее родители. Они растерянно смотрели на разрисованную пустыню. Винса на секунду прикрыла рот рукой и потом обратилась к мужу:

– Астер... дорогой, проверь, входит ли эта планета в синий список.

– Входит, входит... Но нас тут не было, – промолвил инженер, его глаза сверкнули. – Чем быстрее мы улетим отсюда, тем лучше.

Астер увел Винсу и Далиа с площадки.

Вскоре яхта была уже далеко от этой планеты.

От автора: Синий список – список планет, где уже существует жизнь, но ее уровень развития слишком низок для контакта. Более развитым существам запрещено оставлять на таких планетах следы своего пребывания.

АВТОРЫ О СЕБЕ

Наталья Буренчева. Учитель по образованию, переводчик по профессии и писатель-фантаст в свободное время. Вдохновляюсь произведениями А. Азимова, Дж. Р. Р. Толкиена, А. Нортон, У. Гибсона и Г. Л. Олди.

Трехкратный лауреат фестиваля фантастики «Фанданго», дипломант конкурса «Настоящая фантастика» журнала «Уральский следопыт», обладатель третьего места «Кубка Брэдбери-2018» в номинации «Киберпанк», и верю, что главные достижения еще впереди.

Д. В. Амурский (псевдоним). Родился в 1970 году в Хабаровске. В 1992 году окончил МГУ.

По образованию – математик. По образу мыслей – доверчивый скептик. Волею судеб – владелец терьера.

Дмитрий Градинар. Родился в Харькове. Потом переехал с родителями в Кишинев. Школа, СПТУ (радиопрофиль), институт (юридический, снова в Харькове).

Видимо, Вселенная решила, что мне нужно не только научиться читать-писать, чтобы в конце концов стать писателем-фантастом, да еще и позаботилась о том, чтобы я умел оценивать события и факты глазами технаря и сердцем гуманитария. Первые фантастические книжки подкинула мне мать, а отец привил тягу к справедливости и поискам правды, что немаловажно для писателя. Придумывать рассказы, а точнее – видеть те события, которые потом пересказывал ближайшему окружению, начал в четвертом классе. Выдумывал на ходу, начиная рассказ: а вот, читал я в одной книжке... И меня ставили в середине строя мальчиков-девочек, когда мы всем классом топали в парк. И я там та-акое выдавал... Но самым удивительным для меня было то, что многие, послушав эти мои рассказы, требовали продолжения. Так я обрел первый интерактивный опыт общения с читателями. И с критиками, которые всегда находили какие-то несоответствия в моих придумках. Мне приходилось либо соглашаться с этими замечаниями, либо как-то там выкручиваться. В общем, так я начал свой путь фантаста.

Потом было всякое. Погоны военного следователя, нервы, разводы, лихие девяностые, наблюдения за чужими жизненными ситуациями – это уже когда работал в адвокатуре, понимание, что не всегда белое – это белое, а черное – это черное, и что они часто меняются местами. В общем, идти по этой дороге мне интересно и волнительно.

Сергей Беляя (псевдоним). Родился в Бресте в 1978 году. В 2003-м с отличием окончил Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина.

В 2011 году занял 3-е место в номинации «Малая проза» Брестского областного конкурса «Мы рождены для вдохновения» и 2-е место в конкурсе фантастических рассказов издательства «Новая реальность» (Москва). В 2014 году занял 1-е место в конкурсе издательства «Новая реальность».

Печатался в альманахах, газетах, журналах и сборниках Бреста, Калининграда, Красноярска, Кропивницкого, Минска, Москвы и Санкт-Петербурга.

Джерри (псевдоним). Переводчик, редактор, СЕОшник, человек. Родилась, училась, живу и надеюсь, что еще некоторое время информация обо мне в последней части не потребует исправлений.

Член Международного союза писателей «Новый Современник». Победитель конкурса Литсовета «Мастер» 2018 г. Лауреат конкурсов Литсовета 2017-18 гг. Финалист конкурса «Мимо серии» 2018 г. издательства «Параллель». Публиковалась в сборниках МСП «Новый Современник», «Чаша талантов», «Алгебра Слова».

Тёма Крапивников (псевдоним). Родился в городе Ленинграде в параллельной реальности, к этой отношению не очень серьезно.

Хамартай Грей (псевдоним).

Руслан Шагманов. Родился в 1973 году в Мелеузе. Со школы увлекался фантастикой, с 1990 года начал пробовать собственные силы в литературе. В 2000 году дебютировал публикацией в журнале «Бельские просторы» (Уфа).

Пробую писать в разных жанрах и направлениях. С 2017 года участвую в различных литературных конкурсах. Рассказ «Добрых дел Мастер» занял 2-е место на конкурсе «Фэнтези без границ» портала «Перекрестки миров».

Станислав Янчишин. Родился в 1972 году в Воронеже, но большая часть жизни связана с Украиной. С 2004 года живу в Израиле.

Историк, режиссер, актер театра.

Первая публикация – рассказ «Вернись, Тур!» (журнал «Порог», Кировоград, 2004).

Александр Басов. Родился в 1967 году в Омске, там же окончил медицинский институт. С 1991 года живу в Тюмени. По профессии врач-стоматолог.

В свободное от работы время пишу, в основном, фантастику, но вне рамок модных современных тенденций вроде ЛитРПГ, попаданчества, альтернативной истории, а также набивших оскомину вампиров с оборотнями и эльфов с гномами.

Дмитрий Тюлин. Родился в 1982 году в Баку, ныне живу в Энгельсе. Работаю ассистентом кафедры кормления, зоогигиены и аквакультуры Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова. Сфера научных интересов: влияние естественной кормовой базы на воспроизводство молоди рыб.

Фантастикой увлекся с раннего детства, под влиянием отца, который пересказывал прочитанное во время прогулок; тогда же попытался сочинять собственные истории.

Фантастический рассказ «Цена коммунизма» в 2011 году опубликован в журнале «Знание-сила: фантастика» (Москва).

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Юлий Шанс (псевдоним). Сеничкин Евгений Петрович. Родился в 1966 году. В 1989 году окончил Московский институт электронной техники в Зеленограде. Живу в Серпухове.

Мои произведения уже публиковались в альманахе «Порог-АК».

E-mail: julius-chance@mail.ru

Игорь Дьячишин. Брянск.

Лана Грин (псевдоним). Я очень рада тому, что у моего рассказа появились читатели – это моя первая публикация.

Учусь в Томском государственном университете.

Чтение книг, пробы пера – это занимает огромное место в моей жизни. Я пытаюсь писать честно, совмещая в своем творчестве реальную жизнь и сказку.

Хочу выразить огромную благодарность своему учителю русского языка и литературы Кузнецовой Александре Александровне, которая всегда поддерживала все мои начинания, и своей бабушке – опытному педагогу и литератору – Михеевой Тамаре Александровне за любовь, понимание и поддержку.

Август (псевдоним).

Ольга Казиминова. Родилась в 1993 году в Таганроге. Училась в Таганрогском радиотехническом университете по специальности «Прикладная информатика в психологии», работаю тестировщиком.

Характер нордический, выдержанный, в порочащих связях замечена не была.

Пишу сколько себя помню. Более-менее осознанная буквенная ваканалия началась в первом классе – нужно было придумать историю про пришельца, который попал на Землю. Мне так понравилась концепция, что вместо положенной половинки странички написала два или три листа. С тех пор занимаюсь сочинительством в жанрах фантастики и фэнтези (преимущественно). Это моя первая публикация в серьезном издании.

E-mail: jina_93@mail.ru

VK: https://vk.com/gin_imperial

Анастасия Федосова-Редингер. Московская область.

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
porog-anturage@yandex.ru

Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики
«OldNews»

rusf.ru/oldnews/

на библиографическом сайте «Архив фантастики»
archivsf.narod.ru/

на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/

на сайте «Миров двух между – на пороге»
korepanow.narod.ru/

Підп. до друку __.10.2019. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № __.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua